

Фромм Эрих Может ли человек преобладать filosoff.org
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://filosoff.org/> Приятного чтения!

Эрих Фромм

Может ли человек преобладать?

Предисловие.

Почти все ответственные политические лидеры сходятся во мнении, что Соединенные Штаты и весь западный мир вступили в опасный период. Хотя высказывания на этот счет несколько разнятся при определении степени этих опасностей, все же существует широко распространенное мнение, что перед нами ясная и реалистическая картина данной ситуации, понимаемая по возможности адекватно, и что нет какого-то существенно иного пути, чем тот, который сейчас осуществляется.

В основе такого взгляда на мировую ситуацию лежат в основном следующие предпосылки: коммунизм, представляемый Советским Союзом и Китаем, – это революционно-империалистическое движение, направленное на покорение мира либо силой, либо путем переворота. В результате индустриального и военного развития коммунистический лагерь, и особенно Советский Союз, стал мощным соперником, способным в значительной степени разрушить наш человеческий и промышленный потенциал. Этот блок можно удержать от осуществления своего стремления к мировому господству, только продемонстрировав, что любая подобная попытка будет встречена контрударом, который в свою очередь разрушит и сомнит человеческий и экономический потенциал своего соперника. В этой силе сдерживания заключается единственная надежда на сохранение мира, поскольку Россия воздержится от своих притязаний на мировое господство только из-за страха перед нашим ответным ударом. Пока мы располагаем достаточно надежной сдерживающей силой и военными союзниками во всем мире, мир находится в безопасности.

Человек: кто он есть?

Вопрос: «Кто есть человек?» вводит нас прямо в суть проблемы. Если бы человек был предметом, мы могли бы спросить: «Что он есть?» и определить его так, как мы определяем объекты природы или продукты производства. Но человек – не предмет и, следовательно, не может быть определен тем способом, каким мы определяем предметы. Но, несмотря на это, человек часто рассматривается как вещь. Его определяют как рабочего, директора завода, врача и т. д., но такой подход говорит нам только о социальной функции индивида. Другими словами, человек определяется в терминах его общественного положения.

Человек не вещь, он – живое существо, находящееся в постоянном процессе развития, и в каждый момент своей жизни он еще не является тем, кем он может быть.

Хотя человек не может быть определен тем способом, каким мы определяем стол или часы, нельзя сказать, что он совершенно не поддается определению. Определение человека не исчерпывается утверждением того, что он является живым существом, а не предметом. Наиболее важный аспект в определении человека заключается в его мышлении, способном выйти за пределы удовлетворения физических нужд. В отличие от животного для человека мышление – это не просто средство добычи желаемого, но также средство исследования реалий своего существования и окружающего его мира, независимо от того, хочет он этого или нет. Другими словами, человек обладает не только умственными способностями, присущими животным, но также и рассудком, которым он может воспользоваться для достижения истины. Человек, ведомый своим разумом, наилучшим образом раскрывает себя как существо духовное и физическое.

Известно, однако, что многие люди, ослепленные алчностью, не поступали в своей жизниrationально. Еще хуже, когда действия целых наций обусловлены в последнюю очередь разумом; демагоги всегда готовы позволить гражданам

Фромм Эрих Может ли человек преобладать filosoff.org забыть, что, доверяя им, они разрушают свой город и свой мир. Нации погибали, будучи неспособными освободиться от иррациональных эмоций, обусловливающих их поведение, и познать путь истины. Миссией пророков Ветхого Завета было не предсказание будущего, как думают многие, а провозглашение истины, предупреждение таким образом людей, какими последствиями в будущем могут обернуться их действия в настоящем.

Определяя человека, мы пользуемся нашими собственными знаниями о себе, ибо человек не является предметом, который может быть объективно описан, следовательно, вопрос: «Кто есть человек?» обязательно приведет нас к вопросу: «Кто я?» и, если мы хотим избежать ошибки рассмотрения человека как предмета, то единственным возможным ответом на вопрос: «Кто я?» будет: «Я – человек».

Большинство людей никогда не ощущали своей индивидуальности как человеческого существа. Люди создают множество иллюзорных образов самих себя, своей индивидуальности и своих качеств; как правило, на наш вопрос они ответят: «я – учитель», «я – рабочий», «я – врач». Но сведения о профессии личности ничего не говорят нам о личности как таковой и не содержат ключ к разгадке тайны: «Кто есть человек?» и «Кто я?».

Здесь мы сталкиваемся с еще одной проблемой. Все мы обладаем определенной социальной и психологической ориентацией. Как и когда можно понять, будет ли раз сделанный выбор постоянным или какое-нибудь сильное переживание изменит эту ориентацию? Достигнут ли люди момента своей жизни, в который они твердо встанут на свой путь, чтобы правомерно можно было о них сказать, что они стали теми, кем должны быть и никогда не претерпят изменений? Статистически это может быть сказано о множестве людей. Но можем ли мы это сказать о каждом к моменту его смерти, и можем ли мы продолжать утверждать это, если допустим, что он мог бы измениться, если бы жил дольше?

Мы можем охарактеризовать человека еще одним способом. Человек руководствуется двумя типами эмоций и побуждений. Первый тип имеет биологическое происхождение и является, в основном, одинаковым для всех людей. Он включает все, что исходит из требований для выживания: необходимость удовлетворения голода и жажды, необходимость в ощущении защищенности, желание принадлежать к какой-нибудь социальной структуре и, в значительно меньшей степени, необходимость сексуального удовлетворения. Эмоции второго типа не уходят своими корнями в биологию и не являются одинаковыми для каждого. Такие эмоции, как любовь, удовольствие, солидарность, скуча, зависть, вражда, жадность, конкуренция, берут свое начало в различных социальных структурах. Что касается ненависти, то следует различать реактивную ненависть и эндогенную. Я склонен их рассматривать как параллельные термины реактивной и эндогенной депрессии. Угроза кому-то одному или какой-то группе порождает реактивную ненависть, которая исчезает, когда опасность миновала; эндогенная ненависть – это черта характера. Человек, исполненный такой ненависти, всегда ищет способ излить эту ненависть.

В отличие от биологически обусловленных эмоций эмоции, порожденные социумом, как мной уже упоминалось выше, являются продуктом специфических социальных структур. В обществе, где эксплуатирующее меньшинство доминирует над беззащитным и угнетенным большинством, имеют место оба типа ненависти. Эксплуатируемое большинство будет испытывать ненависть – это очевидно. Вражда со стороны доминантного меньшинства подпитывается страхом мщения, которое однажды могут осуществить угнетенные. Более того, меньшинство должно ненавидеть массы, дабы подавить свое чувство вины и оправдать свою эксплуатацию. Ненависть не исчезнет, пока справедливость и равенство не восторжествуют. Точно так же истина не может превалировать, пока людям приходится лгать, чтобы оправдать свое попирание принципов справедливости и неравенства.

Некоторые утверждают, что такие принципы, как равенство и справедливость, являются идеологией, которая родилась у философов и политиков в ходе истории и не являющейся частью того, чем природа изначально наградила человека. Я не буду входить в детали опровержения этого аргумента, но я хочу поставить ударение на том пункте, который говорит против него: способ, которым люди реагируют, если враждебная группа попирает принципы справедливости и равенства, свидетельствует в пользу того, что в сокровенной сути людей эти ценности обладают большой значимостью. Чувствительность человеческой совести нигде так не является наиболее

Фромм Эрих Может ли человек преобладать filosoff.org очевидной, как в том случае, когда люди реагируют на малейшие нарушения справедливости и равенства, если, конечно, когда они не являются теми, кто обвиняется в подобных нарушениях. Совесть находит решительное выражение в обвинении враждующих национальных групп. Если бы у людей не было естественной моральной чувствительности, как было бы возможно разбудить в них негодование, показывая им всю жестокость деяний их врагов?

Другое определение человека говорит, что он есть существо, в котором инстинктивное поведение сведено до минимума. Очевидно в человеке остались элементы инстинктивной мотивации, как в случае удовлетворения голода и инстинкта размножения. Но только тогда, когда на карту поставлено выживание индивида или сообщества, тогда его действия в первую очередь обусловлены инстинктами. Большинство побуждений, которыми руководствуются люди, – амбиции, зависть, ревность, месть – проистекает и подпитывается специфическими социальными конstellациями. Факт, что эти побуждения могут иметь приоритет даже над инстинктом выживания, демонстрирует, насколько сильны они могут быть. Люди часто готовы пожертвовать своей жизнью как в угоду ненависти и амбициям, так и ради любви и преданности.

Наиболее отвратительный из всех человеческих импульсов – желание использовать другого в своих целях посредством власти над ним – есть не более чем утонченная форма каннибализма. Подобные импульсы – использовать других в своих собственных целях – не были известны в неолитическом обществе. Почти для каждого, живущего сегодня, практически невозможно представить себе, что когда-то был исторический период, когда человек не хотел эксплуатировать и не был эксплуатируем; но, тем не менее, такой период был. В ранних земледельческих и охотничьесобирательских обществах каждый имел достаточно средств для существования, тогда было бессмысленно накапливать материальные ценности. Частная собственность еще не могла рассматриваться как капитал и не служила источником власти. Этот этап человеческого мышления отражен в символической форме в Ветхом Завете. Дети Израиля питались манной в пустыне; ее было достаточно, и каждый мог есть столько, сколько он хочет, но манной нельзя было запастись. То, что не было съедено в тот же день, портилось и исчезало. Не было причины для спекуляции, ибо количество манны не играло роли, но орудия труда и зерно не исчезают. Они могут быть запасены и дать могущество тем, кто имеет их больше других. Только когда избыток стал превышать определенный уровень, правящему классу стало удобно оказывать влияние на других, заставлять их работать на себя и смириться с тем минимумом, который необходим для существования. Триумф патриархального государства сделал рабов, рабочих и женщин главными жертвами эксплуатации.

Подлинная история человечества начинается только тогда, когда человек перестает быть потребителем и кладет конец каннибалистическому и доисторическому в себе. Чтобы осуществить подобное изменение, нам необходимо будет полностью осознать, насколько пагубны наши каннибалистические пути и обычай. Но даже полное осознание будет безрезультатным, если не будет сопровождаться полным раскаянием.

Раскаяние есть нечто большее, чем сожаление о чем-либо. Раскаяние – это очень могущественная эмоция. Раскаявшаяся личность чувствует настоящее отвращение к самой себе и к тому, что она совершила. Подлинное раскаяние и стыд, который сопровождает его (эмоции, свойственные только человеку), могут предупредить повторение прежних злодеяний. Там, где нет раскаяния, может возникнуть иллюзия, что не совершается никакого злодеяния. Но как можно отличить подлинное раскаяние? Чувствовали ли израильтяне раскаяние за геноцид, учиненный над племенами Ханаана? Чувствуют ли американцы раскаяние за почти полное уничтожение индейцев? Тысячелетия человек жил в системе, которая задерживает победу раскаяния, в которой ставится знак равенства между силой и справедливостью. Каждому из нас следовало бы откровенно признаться в злодеяниях, которые совершили наши предки, современники или которые совершили мы сами либо непосредственно, либо из-за отсутствия сопротивления им, и сделать это открыто, публично, в ритуальной форме, так, как это было бы на самом деле.

Римская католическая церковь предлагает индивиду возможность признать свои грехи и, таким образом, позволить голосу совести быть услышанным. Но индивидуального раскаяния недостаточно, так как оно не адресовано преступлениям, совершенным группой, классом,нацией или, что особенно важно, суверенным государством, которое не является субъектом диктата индивидуальной совести. До тех пор, пока мы бессильны совершить «признание

Фрому Эрих Может ли человек преобладать filosoff.org

национальной вины», мы будем идти прежним путем, лицемерно закрывая глаза на преступления наших врагов и оставаясь слепыми по отношению к нашим собственным преступлениям. Как могут отдельные люди начать следовать голосу совести сколько-нибудь серьезным образом, если нации, чье предназначение быть хранителем морали, совершают поступки без какой-либо оглядки на совесть. Неизбежно вытекает то, что голос совести молчит в каждом гражданине, а совесть так же неделима, как и правда.

В наших действиях не могут доминировать иррациональные эмоции, если человеческий разум начнет эффективно направлять их. Разум остается разумом, даже если он направлен на плохие цели. Тем не менее, разум есть наше ускользание от реальности как таковой, а не той реальности, которую хотели бы видеть, т. е. реальности, которую мы могли бы использовать в своих собственных целях. Разум, в этом смысле, может быть эффективен только в той степени, в какой мы способны отклонить наши иррациональные эмоции, т. е. в той степени, в которой мы, как человеческие существа, становимся истинными людьми, и эти иррациональные побуждения перестают быть главными мотивирующими силами, стоящими за нашими действиями.

Это приводит нас к вопросу о том, какие стимулы необходимы для выживания человеческой расы. Агрессия и деструктивность могут помочь одной группе искоренить другую и, таким образом, выжить; но эти стимулы принимают другое значение, если мы рассматриваем их в контексте всего человечества. Если бы агрессия распространилась на все человеческое население, то это могло бы привести не только к уничтожению той или иной группы, но, в конце концов, к искоренению всей человеческой расы. В прошлом подобная мысль не соотносилась с реальностью и была праздным размышлением. Сегодня наша любовь к жизни претерпевает глубокий упадок. Разрушение всего человечества – реальная возможность, так как мы имеем средства для саморазрушения и потому, что мы фактически играем с идеей использования этих средств. Сегодня мы обязаны осознать, что принцип выживания сильнейшего, который заключается в неограниченной воле к власти над независимыми государствами, может привести к уничтожению всего человечества.

В XIX в. Эмерсон сказал: «Вещи оседлали человечество и едут на нем верхом». Сегодня мы можем сказать: «Человечество сделало из вещей идолов, и культ этих идолов может уничтожить его».

Мы снова повторяем, что нет предела податливости человеческого существа, и при беглом анализе это кажется правдой. Обзор человеческого поведения на протяжении веков, показывает нам, что в нем практически нет действий, от наиболее благородных до наиболее низких, на которые человек был бы не способен и которые бы не совершил. Необходимо уточнить тезис «податливости человеческого существа». Всякое поведение, которое не служит развитию личности, ее прогрессу на пути полной самореализации, задерживает ее развитие. Эксплуататор боится эксплуатируемых, убийца боится осуждения, которое изолирует его, даже если эта изоляция не принимает форму изоляции в тюрьме. Разрушитель боится голоса собственной совести. Безрадостный потребитель боится жить, не испытывая полноты жизни.

В утверждении, что человек бесконечно податлив, подразумевается то, что он может быть физиологически живым, но разум его будет искаженным. Такая личность несчастна, она не будет испытывать радости. Она будет испытывать ожесточение, и это ожесточение будет делать ее деструктивной. Только в случае, если человек сможет разорвать этот порочный круг, он сможет снова открыть для себя возможность радости. Проигнорировав врожденные патологии, можно сказать, что люди физиологически здоровы от рождения. Они становятся искаженными только благодаря тем, кто хочет осуществить полный контроль над ними, кто ненавидит жизнь и не переносит звука радостного смеха. Если ребенок затем становится искаженным, они чувствуют оправдание своей враждебной позы по отношению к нему и рассматривают свою враждебность как следствие его больного поведения, не видя при этом причины в себе.

Почему кому-то хотелось бы сделать искаженным кого-то еще? Ответ на этот вопрос заключается в том, что я называю каннибализмом, все еще присутствующим в современном обществе и о котором было упомянуто выше. Психически искаженную личность эксплуатировать легче, чем здоровую. Отпор может дать сильная, а не слабая личность. Слабая личность вызывает жалость у власти имущих. Чем больше правящая группа может психически искажить подвластных ей людей, тем легче ей эксплуатировать их для ускорения достижения своих целей.

Так как человек есть существо, наделенное разумом, он способен критически анализировать свой опыт и увидеть, что способствует продвижению его развития и что мешает ему. Насколько возможно, он добивается гармоничного роста своих физических и ментальных сил с конечной целью достижения благополучия. Как продемонстрировал Спиноза, противоположностью благополучия является депрессия. Можно предположить, что радость есть продукт разума, а депрессия – результат неверного образа жизни. Это находит свое подтверждение в Ветхом Завете, где подобный образ жизни интерпретируется как смертный грех среди тех израильтян, чья жизнь была безрадостна, даже несмотря на то, что они жили в изобилии.

Основные условия существования индустриального общества состоят в конфликте с человеческим благополучием. Что это за условия?

Первое основное условие состоит в контроле над природой. Контролировало ли природу доиндустриальное общество? Ясно, что да; в противном случае человек должен был бы погибнуть от голода. Но способ, при помощи которого мы контролируем природу в индустриальном обществе, отличается от способа контроля природы в земледельческом обществе. Частично это стало так с тех пор, как индустриальное общество стало использовать технологию для осуществления контроля над природой. Для производства вещей технология использует способность человека мыслить. Это равнозначно замене женского начала мужским. Вот почему в начале Ветхого Завета описывается, как Бог создал мир посредством слова. В древнем вавилонском мифе о сотворении говорится о Великой Матери, давшей миру рождение.

Второе основное условие индустриального общества есть то, что человек может быть эксплуатируем посредством силы, вознаграждения или – что наиболее часто – сочетания того и другого.

Третье условие состоит в том, что экономическая деятельность должна приносить выгоду. В индустриальном обществе мотив выгоды не является в первую очередь проявлением личной алчности, а скорее является критерием правильности экономического поведения. Мы не производим товары, чтобы их употреблять, хотя большинство товаров должно иметь некоторую утилитарную ценность, чтобы пользоваться спросом. Мы производим товары для получения выгоды. Конечный результат моей экономической деятельности должен быть в том, что я зарабатываю больше, чем мне нужно вложить в производство или в приобретение материальных ценностей. Утверждение, что мотив выгоды является характерной психологической чертой личности, – основная ошибка алчных людей. Желание выгоды можно, конечно, объяснить так, но подобный взгляд на мотив выгоды не является образцом нормы в современном индустриальном обществе. Выгода – есть просто доказательство правильности экономического поведения и, следовательно, критерий успешного бизнеса.

Четвертая черта, которая является классической характеристикой индустриальных обществ, – это конкуренция. История показала, однако, что усиление централизации и разрастание некоторых концернов – и как результат нелегальной, но существующей балансировки цен – конкуренция между большими концернами положила начало кооперации. В случае, если конкуренция существует, то она скорее встречается между двумя розничными магазинами, чем между двумя индустриальными концернами. В нашем современном экономическом укладе уже не осталось эмоциональной связи между продавцом и покупателем. В более ранние времена существовали специфические отношения между продавцом и его клиентом. Торговец был заинтересован в своем клиенте, и продажа была чем-то большим, нежели просто финансовой сделкой. Бизнесмен чувствовал определенное удовлетворение при продаже своему клиенту того, что было полезным и привлекательным. Это, конечно, случается и сегодня, но это исключение и ограничивается преимущественно маленькими старомодными магазинами. В дорогом супермаркете продавцы вежливо улыбаются, в дешевом они отрешенно смотрят перед собой. Здесь необходимо жестко уточнить, что улыбка в дорогом магазине является фальшью и является отражением высоких цен магазина.

Пятый пункт, на который я бы хотел обратить внимание, это подавление в себе сочувствия в наш век, и я, наверное, добавил бы, что вместе с этим угасает способность человека страдать. Я не имею в виду, конечно, что люди сегодня страдают меньше, чем раньше, но они настолько отчуждены друг от друга, что уже не чувствуют полноту своего страдания. Подобно кому-то с хронической физической болью они приходят к тому, что принимают свое страдание как

Фрому Эрих Может ли человек преобладать filosoff.org
данное и ощущают его только тогда, когда оно выходит за рамки своего нормального фона. Но не стоит забывать, что страдание – это только эмоция, которая, как кажется, действительно является общей для всех людей и, возможно, для всех чувствующих существ. По этой причине страдающая личность, которая осознает, насколько страдание вездесуще, может чувствовать утешение в человеческой солидарности.

Существует множество людей, которые никогда не знали счастья, но нет никого, кто бы никогда не страдал, независимо от того, как упорно он избегает страдания. Сочувствие неотделимо от любви к человечеству. Где нет любви, там не может быть сочувствия. Безразличие противоположно сочувствию, и мы можем описать безразличие как патологическое состояние с шизоидными тенденциями. То, что выдается за любовь к другому индивиду, часто доказывает, что это не что иное, как зависимость от этой личности. Любой, кто любит одну личность, на самом деле не любит никого.

Глава I. Несколько предпосылок общего характера

I. ПРЕДУПРЕЖДАЮЩЕЕ В СРАВНЕНИИ С КАТАСТРОФИЧЕСКИМ ИЗМЕНЕНИЕМ

Общества живут своей собственной жизнью; они базируются на существовании определенных производительных сил, географических и климатических условиях, методах производства, идеях и ценностях и на определенном типе человеческой личности, развившимся в этих условиях. Они организованы таким образом, что имеют тенденцию продолжать существование в том виде, к которому сами себя приспособили. Обычно люди, принадлежащие к любому обществу, верят, что образ существования их общества – естествен и неизбежен. Они с трудом осознают какие-либо другие возможности и действительно склонны верить, что кардинальное изменение формы их существования приведет к хаосу и разорению. Они всерьез убеждены, что их путь верен, одобрен богами или законами человеческой природы и что единственной альтернативой исключительному порядку, в котором они существуют, является разрушение. Эта вера не просто результат доктринизации, она коренится в эмоциональной сфере человека, в структуре его характера, которая формируется всем социальным и культурным устройством, с тем чтобы человек делал то, что должен, с тем, чтобы его энергия направлялась на выполнение той индивидуальной функции, которую он должен выполнять как полезный член данного общества. Именно потому, что система мыслей уходит корнями в систему чувств, образ мыслей так сильно и упорно сопротивляется изменению.

Тем не менее общества меняются. Множество факторов, таких как новые производительные силы, научные открытия, политические завоевания, рост населения и т. д., способствуют изменениям. Вдобавок к этим объективным факторам растущее осознание человеком своих потребностей и самого себя и, что важнее всего, своей возрастающей потребности в свободе и независимости способствуют постоянному изменению его исторического положения, ведя от жизни обитателя пещер к человеку, в недалеком будущем путешествующему в космосе.

Как происходят эти изменения?

Чаще всего – посредством насилия и катастроф. Большинство обществ, ведущие и ведомые, было не в состоянии добровольно, мирным путем приспособиться к абсолютно новым условиям, предвосхитив необходимые изменения. Они склонны упорно продолжать то, что они порой поэтически называют «выполнением своей миссии», пытаясь сохранить основной социальный уклад, внося лишь незначительные изменения и модификации. Даже когда складывались обстоятельства, являвшиеся полным, вопиющим противоречием всей их структуре, такие общества продолжали слепо пытаться сохранить устоявшийся образ жизни до тех пор, пока это становилось действительно абсолютно невозможным. Потом они завоевывались и уничтожались другими нациями или медленно умирали из-за своей неспособности управлять дальше жизнью в привычном ключе.

Больше всех сопротивлялась фундаментальному изменению элиты, которая получала наибольшую выгоду от существующего порядка и поэтому не могла

Фромм Эрих Может ли человек преобладать filosoff.org добровольно отказаться от своих привилегий. Но материальные интересы властовавших и привилегированных групп не единственная причина неспособности многих культур предвосхитить необходимые изменения. Другой не менее важной причиной выступает психологический фактор. Ведущие и ведомые общества, гипостазируя и обожествляя свой образ жизни, свои идеальные концепции и свою формулировку ценностей, становятся с ними неразрывно связанными. Даже не сильно отличающиеся концепции становятся помехой и рассматриваются как враждебные, дьявольские, безумные атаки на собственное «normalное», «здравое» мышление.

Для последователей Кромвеля паписты были посланниками дьявола; для якобинцев таковыми были жирондисты; для американцев – коммунисты. Кажется, что человек в любом обществе абсолютизирует образ жизни и образ мышления, созданные данной культурой, и скорее умрет, чем что-то изменит, поскольку изменение для него равносильно смерти.

Поэтому история человечества – это кладбище великих культур, пришедших к катастрофическому концу из-за своей неспособности на спланированную, рациональную, добровольную реакцию на вызов.

Тем не менее ненасильственные, упреждающие изменения все же случались в истории. Освобождение рабочего класса от статуса объекта жестокой эксплуатации и придание ему ранга важного экономического партнера – один из примеров ненасильственного изменения межклассовых отношений внутри общества. Готовность британского правительства подарить Индии независимость до того, как оно было бы вынуждено это сделать, – пример из области международных отношений. Но эти упреждающие решения являются пока скорее не правилом, а исключением из правил. Религиозный мир наступил в Европе только после Тридцатилетней войны, в Англии – лишь после полных насилия и жестокости обоюдных гонений папистов и антипапистов; в первой и второй мировых войнах мир был достигнут только после бесполезного массового убийства миллионов мужчин и женщин с обеих сторон и намного позже того, как стал ясен окончательный исход. Не выиграло ли бы человечество, если бы вынужденные решения принимались добровольно обеими сторонами до того, как стать вынужденными? Не предотвратил бы упреждающий компромисс страшные потери и массовое уподобление диким зверям?

Сегодня мы стоим перед лицом одного из решающих выборов, в котором разница между насилием и упреждающим решением может быть обозначена как разница между разрушением нашей цивилизации и дальнейшим ее развитием. Сегодня мир делится на два блока, противостоящих друг другу с ненавистью и подозрительностью. У обоих блоков есть возможность нанести противнику огромный ущерб, величина которого расценивается как одинаковая для обоих блоков только по причине неточности возможных изменений. (Предполагается, что потери Соединенных Штатов в случае ядерной войны могут составить от / до практически всего населения убитыми, и такие же оценки верны для Советского Союза.) Оба блока полностью вооружены и готовы войне. Они не верят друг другу, и каждый подозревает другого в желании завоевать и уничтожить противника. Равновесие подозрительности и угрозы, основанной на разрушительном потенциале, существующее в настоящий момент, может продлиться еще какое-то незначительное время. Но в долгой гонке альтернативами являются ядерная война со всеми ее последствиями, с одной стороны, и конец «холодной войны», включающий разоружение и политический мир между двумя блоками, – с другой. (Работа написана в период «холодной войны». – Прим. пер.)

Вопрос в том, должны ли США (и их западные союзники) и СССР с коммунистическим Китаем каждый следовать своему теперешнему курсу к горькому концу, или обе стороны в состоянии предвосхитить определенные изменения и достигнуть решения, которое исторически возможно и которое в то же время оптимально выгодно каждому из блоков.

Вопрос практически тот же, с которым сталкивались другие общества и культуры; а именно: способны ли мы применить понимание истории к политическим действиям. [2 – Эта тема великолепно проработана в книге Heilbroner R. The Future as History. Harper & Bros., New York, 1960.]

Но при этом возникает дополнительный вопрос: что же делает общество жизнеспособным, способным откликнуться на изменение? Простого ответа нет, но очевидно, что общество должно в первую очередь быть способно отличить свои первичные, истинные ценности от вторичных, побочных ценностей и

Фрому Эрих Может ли человек преобладать filosoff.org институтов (установленных законов, обычая, систем). Это сложно, потому что вторичные системы создают свои ценности, которые становятся как бы необходимыми, как человеческие и общественные потребности, вкладывающие их в человека. По мере того как человеческая жизнь переплетается с институтами, организациями, стилями жизни, видами производства и потребления и т. д., у людей появляется желание принести себя и других в жертву творениям своих собственных рук, превратить эти творения в идолы и поклоняться этим идолам. Более того, институты сопротивляются изменению, и, таким образом, люди, связывающие себя с ними, не свободны предвосхитить изменения. Проблема общества, каким является сегодня наше, состоит в том, чтобы вновь обрести основные человеческие и общественные ценности нашей цивилизации и отказаться от преданности, если не сказать поклонения, тем идеологическим ценностям, которые нам препятствуют.

Существует одно огромное различие между прошлым и настоящим, которое делает этот вопрос безотлагательным. Насильственное, вынужденное, неупреждающее решение в нашем случае не приведет к плохому миру, как это было с Германией в 1918 и 1945 гг.; не приведет некоторых наших – или некоторых русских – людей в плен, как это случилось с народами, разбитыми Римской империей; наиболее вероятно, оно приведет к физическому уничтожению большинства американцев и большинства русских, живущих сегодня, и к варварскому, бесчеловечному, диктаторскому режиму для выживших. В наше время выбор между насильственно-иррациональным и упреждающе рациональным поведением – это выбор, который затронет человеческую расу и ее культурное, если не физическое, выживание.

Тем не менее пока надежды на то, что случится такое рационально-упреждающее действие, весьма слабы. Не потому, что нет возможности такого исхода в существующих обстоятельствах, но из-за того, что с обеих сторон выстроены мысленные барьеры из штампов, обрядовых идеологий и даже изрядной доли общественного безумия, которые препятствуют людям – ведущим и ведомым – видеть факты трезво и реально, отделять факты от вымысла и, как следствие, находить альтернативные насилию решения. Такая рациональная, предупредительная политика требует от нас в первую очередь критической проверки наших предположений о – среди прочих вещей – природе коммунизма, будущем развивающихся стран, ценности средств устрашения в деле сдерживания войны. Она требует также устроить серьезный экзамен нашим собственным предубеждениям и некоторым полупатологическим формам мышления, определяющим наше поведение.

II. ИСТОРИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ СОВРЕМЕННОГО КРИЗИСА И ПЕРСПЕКТИВЫ НА БУДУЩЕЕ

После периода, длившегося примерно 1000 лет, продолжавшегося с возникновения феодализма в Римской империи до позднего средневековья, периода, в течение которого Европа была пропитана христианством, а также идеями греческого, иудейского и арабского типов мышления, она дала рождение новой культуре. Человек Запада открывал природу как объект интеллектуального размышления и эстетического наслаждения; он создал новую науку, которая стала – в течение нескольких столетий – базой для техники, призванной преобразить природу и практическую жизнь человека невероятным образом. Он открыл самого себя как индивидуальность, наделенную почти неограниченными силами и энергией.

Этот новый период породил надежду на улучшение или даже на совершенствование человека. Надежда на возможность совершенствования человека на этой земле и на то, что он способен построить «справедливое общество», – это одна из самых характерных и уникальных особенностей западной мысли. Эта надежда поддерживалась пророками Ветхого Завета, так же как и древнегреческими философами. Позже она была отодвинута в тень – хотя и не потерялась совсем – трансисторическими идеалами спасения и той силой, с которой христианское мышление отвращало человека от материального. Она нашла новое выражение в утопиях XVI и XVII вв. и в философских и политических идеях XVIII и XIX столетий.

Параллельно с расцветом надежды после Ренессанса и Реформации последовал рывок в экономическом развитии Запада, первая индустриальная революция. В организационном плане это приняло вид капиталистической системы, характеризовавшейся частной собственностью в области производства, существованием политически свободных наемных рабочих и регулированием всех

Фрому Эрих Может ли человек преобладать filosoff.org
экономических действий принципами расчета и максимизации прибыли. к 1913 г.
выпуск промышленных товаров возрос в семь раз по сравнению с 1860 г.,
причем практически все производство сосредоточилось в Европе и Северной
Америке (на долю остального мира приходилось менее 10 % всей продукции).

После окончания первой мировой войны человечество вступило в новую фазу.
Природа капиталистической формы производства претерпела глубокие изменения.
Новые производственные открытия (такие, как использование нефти,
электричества, атомной энергии) и исследования в области техники во много
раз увеличили производство товаров по сравнению с серединой XIX в.

Новые технические исследования принесли с собой новую форму производства.
Она характеризовалась централизацией производств на больших заводах, наряду
с доминирующей ролью больших корпораций; административной бюрократией,
которая управляла этими корпорациями, но не владела ими; и такой моделью
производства, при которой сотни тысяч работников физического труда и
канцелярских служащих сотрудничали на равных, поддерживаемые мощными
профсоюзами, которые разделяли бюрократизм крупных корпораций.
Централизация, бюрократизация и манипуляция – характерные особенности новой
формы производства.

Ранний период индустриального развития, с его потребностью постоянно
наращивать тяжелую промышленность в ущерб удовлетворению материальных
потребностей трудящихся, вылился в крайнюю бедность миллионов мужчин,
женщин и детей, работавших на заводах в XIX в. В качестве реакции на их
нищету и как выражение человеческого чувства достоинства и веры по всей
Европе широко распространялось социалистическое движение, которое грозило
свергнуть старый порядок и заменить его новым, служившим бы делу выгоды
широких масс населения.

Организация труда в сочетании с техническим прогрессом и как результат
увеличение выпуска продукции сделали доступным для рабочего класса все
возрастающую долю национального продукта. Крайняя неудовлетворенность
системой, характерная для XIX в., уступила дорогу духу сотрудничества
внутри капиталистической системы. Появился новый вид партнерства между
промышленностью и рабочими, представленными профсоюзами и (за исключением
США) сильными социалистическими партиями. Тенденция к насильтственным
революциям умерла в Европе после первой мировой войны, за исключением
России, наиболее отсталой в экономическом плане среди великих держав.

В то время как пропасть внутри западных индустриальных стран между
«имущими» и «неимущими» заметно сократилась и продолжает сокращаться
(медленнее в Советской России), пропасть между «имущими странами» Западной
Европы и Северной Америки и «неимущими странами» Азии (за исключением
Японии), Африки и Латинской Америки сегодня широка так же, как когда-то
была в отдельно взятой стране, и продолжает расширяться. Но в то время как
в начале нашего столетия жители колоний соглашались с эксплуатацией и
бедностью, середина века является свидетелем полномасштабной революции
бедных стран. Точно так же как в XIX в. трудящиеся внутри капиталистической
системы отказывались продолжать верить, что их судьба предопределена
божественным пророчеством или общественным законом, сегодня бедные нации
отказываются принимать свою нищету. Они требуют не только политической
свободы, но уровня жизни, приближающегося к западному, и быстрой
индустриализации как средства достижения этих целей, /человеческой расы не
склонны принимать ситуацию, в которой их уровень жизни колеблется от 10 до
менее 5 % относительно уровня жизни людей в самой богатой стране –
Соединенных Штатах, но которые, составляя всего лишь 6 % мирового
населения, производят на сегодняшний день около 40 % мировой продукции.

Колониальные революции вспыхнули по многим причинам, и среди них ослабление
Европы в экономическом и военном плане в первой половине XX в. после двух
мировых войн; националистическая и революционная идеология, полученная
Европой и Северной Америкой в качестве наследства XIX в.; новые формы
организации производства и общественной жизни, которые позволили превратить
возможность «догнать Запад» с уровня лозунга в область реальности.

Китай, позаимствовавший коммунистическую идеологию, общественные и
производственные методы у Советской России, становится первой колониальной
страной, добившейся видимых экономических успехов, начавшей превращаться в
одну из великих мировых держав и пытающейся посредством убеждения и
экономической помощи стать во главе колониальных революций в Азии, Африке и

Фромм Эрих Может ли человек преобладать filosoff.org
Латинской Америке.

После 1923 г. Советский Союз осознанно отказался от надежды на рабочие революции на Западе и фактически стремился сдерживать все западные революционные движения с тех пор, как появилась надежда поддержки национальными революциями на Востоке. Однако теперь, став одним из «имущих» государств, он чувствует опасность, исходящую от многочисленных атак развивающихся стран во главе с Китаем, и ищет взаимопонимания с США, но без дальнейшего преобразования этого взаимопонимания в альянс против Китая.

Любому описанию основных тенденций западной истории за последние 400 лет будет не доставать существенного элемента, пока оно не примет во внимание глубокое духовное изменение. В то время как влияние христианского теологического мышления уменьшалось начиная с XVII в., духовная реальность, подобная той, которая ранее была выражена в теологических концепциях, нашла новое воплощение в философских, исторических и политических формулировках. Философи XVIII в., как отмечал Карл Беккер, были не менее верующими, чем теологи XIII в. Они просто отражали в различных концептуальных точках зрения свой жизненный опыт. Со стремительным ростом благосостояния и технических возможностей в XIX в. произошло фундаментальное изменение в позиции человека. Не только, как изложил это Ницше, «Бог умер», но и гуманизм, который был обычным явлением среди теологов XIII в. и философов XVIII в., тоже медленно умирал; доктрины и идеологии как религии, так и гуманизма продолжали использоваться, но подлинное применение все больше и больше истончалось, вплоть до состояния чего-то нереального. Это было подобно тому, как будто человек опьянел от своей собственной силы и превратил материальное производство в главный смысл наиболее достойной человеческой жизни, – в конец, заложенный в нем самом.

Крупномасштабное предприятие, государственное вмешательство, акцент на управление – более сильный, чем на обладание – собственностью в области производства – вот отличительные черты всех индустриальных систем сегодня. Западная капиталистическая система, хотя и обладает многими чертами капитализма XIX в., включает в себя достаточное количество новых особенностей, чтобы очень отличаться от предшествующих систем. Три существующие сегодня формы социализма, радикально порывающие с наследием предыдущего экономического этапа, демонстрируют новые тенденции в разной степени и с разной силой: а) хрущевизм – система полностью централизованного планирования и государственной собственности на промышленность и сельское хозяйство; б) китайский коммунизм – особенно это заметно с 1958 г. – система тотальной мобилизации наиболее значимых имущественных средств, 600 млн. человек, при полной манипуляции их физической и эмоциональной энергией и мыслями, игнорирующей их индивидуальности; в) гуманный социализм, цель которого заключается в смешивании необходимого минимума централизации, государственного вмешательства и бюрократии с максимально возможными децентрализацией, индивидуализмом и свободой. Этот третий тип социализма представлен в различных вариантах – от Скандинавии до Югославии, Бирмы и Индии.

Опираясь на распознавание этих исторических направлений, тезис, который я хочу представить или доказать на последующих страницах, звучит следующим образом:

«Советский Союз под руководством Хрущева – это консервативный, управляемый государством, индустриальный менеджерализм, а не революционная система; он заинтересован в законности и порядке и обеспокоен защитой самого себя от атак революций «неимущих» стран».

По этой причине Хрущев стремится к взаимопониманию с Соединенными Штатами, окончанию «холодной войны» и всеобщему разоружению. Война ему не нужна, да он и не желает ее.

Однако Хрущев не в силах отойти от революционно-коммунистической идеологии, не может выступить против Китая, не подорвав свою собственную систему. Следовательно, он вынужден осторожно маневрировать, чтобы сохранить свою идеологическую власть над русским народом и защититься как от противников внутри России, так и от Китая и его потенциальных союзников.

Если он потерпит неудачу в своей попытке завершить «холодную войну» с Западом, он (или его преемник) будет вынужден пойти на тесный альянс с Китаем и политику, которая оставит весьма призрачную надежду на мир.

Развитие бывших колониальных народов не пойдет по капиталистическому пути, потому что по психологическим, социальным и экономическим причинам капиталистическая система одновременно и не осуществима и не привлекательна для них. Вопрос не в том, присоединятся ли они к капиталистической или коммунистической системе. Реальная альтернатива для них заключается в следующем: они могут принять китайскую или русскую форму коммунизма, таким образом став близким союзником одной из этих двух стран, или они заимствуют один из вариантов демократического, децентрализованного социализма и сольются с нейтральным блоком, представленным Тито, Насером и Неру.

Соединенные Штаты, таким образом, столкнулись со следующей альтернативой: или продолжающаяся борьба против коммунизма с наращиванием гонки вооружений и, следовательно, увеличением вероятности ядерной войны – или политическое взаимопонимание на основе *status quo* с Советским Союзом, всеобщее разоружение (включая Китай) и поддержка нейтральных демократических социалистических режимов в бывшем колониальном мире. Последнее из двух решений приведет к поляризации мира, который будет состоять из западного блока под руководством США и Европы, советского блока с СССР во главе, Китая, социал-демократического блока под предводительством Югославии и Индии и блока нейтральных стран, не вошедших в вышеперечисленные группировки.

Бесспорно, две системы, представленные СССР – Китаем и США – Западной Европой, сегодня соревнуются друг с другом на мировой арене. Любая попытка каждой из систем победить другую при помощи военной силы не просто обречена на провал, но приведет к разрушению обеих. Для США существует только один способ соревнования с коммунизмом: посредством демонстрации того, что возможно поднять уровень жизни в развивающихся странах до уровня, сравнимого с уровнем, достигнутым тоталитарными методами, без использования методов принудительной регламентации жизни.

Существование мира с несколькими центрами зависит от принятия существующего положения вещей всеми странами и эффективного всеобщего разоружения. Напряженность и подозрительность гонки ядерных вооружений не допускают политического взаимопонимания; нестабильная политическая ситуация не допускает разоружения. И разоружение, и политическое взаимопонимание одинаково необходимы, если мы хотим сохранить мир. Однако, чтобы эти шаги стали возможными, нужно предпринять некоторые другие: 1. Психологическое разоружение, окончание истеричной ненависти и подозрительности между основными действующими лицами, которые до сих пор делали затруднительным, если не невозможным, реалистическое и объективное мышление с обеих сторон. (Такое психологическое разоружение не подразумевает отказа от политических или философских убеждений или права критиковать другую систему. Напротив, это способствует такой критике и утверждению своих собственных убеждений, потому что они не будут испорчены ненавистью и не будут использоваться для подпитки духа войны.) 2. Массовая помощь – продуктами питания, деньгами, техническим содействием – слаборазвитым странам, которая станет возможна только когда (и только если) закончится гонка вооружений. 3. Усиление и реорганизация ООН таким образом, чтобы эта организация могла контролировать процесс международного разоружения, и организация широкомасштабной экономической помощи слаборазвитым странам.

В международной политике есть еще одна, вряд ли менее важная и связанная с первой, альтернатива. В процессе победы над бедностью и достижения богатства США, как и остальной Запад (и Россия), восприняли дух материализма, под воздействием которого производство и потребление скорее замкнулись сами на себе, чем стали обозначать более богатую, творческую жизнь. Эти и другие установленные вторичные цели и ценности стали неотличимы для большинства людей от изначальных целей жизни. Помимо всех внешних опасностей наша внутренняя пустота и глубоко укоренившееся отсутствие надежды со временем приведут к падению западной цивилизации, если только подлинный ренессанс духа Запада не придет на смену современным самодовольству, смирению и замешательству. Этот ренессанс должен быть в точности таким же, каким был Ренессанс XV–XVII столетий, – дающим силы восстановлению связи с гуманистическими принципами и стремлениями западной культуры.

Суммируя вышесказанное, можно констатировать: то, чему мы сегодня являемся свидетелями; это стремительно развивающаяся мировая революция, начавшаяся на Западе 400 лет назад. Она привела к новой системе производства, которая

Фротм Эрих Может ли человек преобладать filosoff.org на первых порах сделала Америку и Европу мировыми лидерами. Она позволила широким массам трудящихся Европы пользоваться благодеяниями системы, и с тех пор народные революции в Европе (за исключением России) и в Северной Америке протекают мирно. Сейчас наступила новая стадия мировой революции – революция стран Азии, Африки и Латинской Америки. Вопрос в том, будет ли эта революция носить мирный характер, который видится возможным, в случае, если великие промышленные державы признают эту историческую тенденцию и предпримут адекватные упреди-тельные шаги. Если они этого не сделают, они не остановят революцию в бывших колониях, хотя смогут подавить ее на небольшой период времени. Но во время этой попытки притормозить колониальную революцию возрастет напряженность между двумя блоками, выставляющими друг друга в качестве противников с ядерным боезапасом, что оставит нам ничтожную надежду на мир и выживание демократии.

III. ЗДРАВОЕ И ПАТОЛОГИЧЕСКОЕ МЫШЛЕНИЕ В ПОЛИТИКЕ

Мысль о том, что Советский Союз – консервативное, не революционное государство, и мысль о том, что Соединенным Штатам не следует подавлять социал-демократический путь развития бывших колоний, но стоит приветствовать, входят в противоречие с предположениями, которые большинство людей высказывают в связи с этими вопросами, причем не только в области сознания, но также в области эмоций. Они звучат как ересь, вздор, ниспровержение по отношению к респектабельности читателей. Я полагаю, следовательно, что будет полезно, если я несколько поясню психологический механизм, заложенный в эти реакции, чтобы подготовить почву для лучшего понимания того, что я должен сказать в последующих главах.

Понимание своего собственного общества и культуры, так же как осознание самого себя, является задачей рассудка. Но препятствия, которые должен преодолеть разум, чтобы понять свое собственное общество, не менее серьезны, чем те ужасные помехи, которые, как показал Фрейд, блокируют дорогу к осознанию самого себя. Эти препятствия (Фрейд называл их «сопротивлением сознания [«Я»]») лежат вовсе не в сфере интеллектуальных ограничений и недостатке информации. Они заключаются в эмоциональных факторах, которые притупляют и деформируют наши мыслительные инструменты до такой степени, что те становятся бесполезными в деле раскрытия реальности. Большинство людей в любом обществе не подозревает о существовании этой деформации. Они замечают искажение, только если это отклонение от позиции большинства, будучи уверенными, что мнение большинства логично и «здраво». Тем не менее это не так. Раз уж есть folie a deux, существует и умопомешательство миллионов, и единодушие в ошибке не делает ошибку истиной. Для более поздних поколений, годы спустя после вспышки массового умопомешательства, безумный характер такого мышления, даже если его разделяли почти все, может стать очевидным; так же как некоторые из наиболее крайних психических реакций на черную смерть в средневековье, охота на ведьм в период Контрреформации, религиозная ненависть в Англии XVII в., ненависть по отношению к Гансам во время первой мировой войны по прошествии времени выглядят как проявления патологии. Но обычно существует слабое понимание патологичности многоного, что считается «мышлением» в тот момент, когда те или иные события происходят. Я освещу на следующих страницах некоторые из наиболее важных проявлений патологического мышления, относящихся к политике и международным событиям, поскольку жизненно важно, чтобы у нас был неиспорченный инструмент для понимания политических событий современности.

Я начну с описания одной из наиболее крайних форм патологического мышления – параноидального мышления. Положение о страданиях индивида от параноидальных иллюзий очевидно для психиатра и также для большинства обычайтелей. Человек, говорящий нам, что «все против него», что его коллеги, друзья и даже жена замышляют его убить, будет определен большинством как больной. На каком основании? Очевидно, что не потому, что обвинения, которые он предъявляет, логически невозможны. Может статься, его враги, знакомые и даже его семья объединились, чтобы его уничтожить; в жизни такие вещи случаются. Мы не можем правдиво ответить несчастному пациенту, и говорим что, то о чем он говорит, невозможно. Мы можем только утверждать, что это очень маловероятно; очень маловероятно только из-за редкости таких случаев вообще и из-за характера его жены и друзей в частности.

И все же мы не убедим пациента. Для него реальность опирается на логическую
Страница 12

возможность, а не на логическую вероятность. Этот подход и есть базовая причина его болезни. Его контакт с действительностью опирается на маленькую базу ее совместимости с законами логического мышления и не требует оценки реальной вероятности. Он не требует оценки потому, что параноик не в состоянии ее сделать. Как и у всех психических больных, его контакт с реальностью чрезвычайно тонок и хрупок. Реальность для него главным образом состоит в том, что происходит внутри него, в его собственных эмоциях, страхах и желаниях. Внешний мир – всего лишь зеркало, символическое отображение его внутреннего мира.

Но в отличие от шизофреников параноики сохраняют одну черту здравого мышления: потребность в логической возможности. Они просто отказываются от другого – аспекта реальной вероятности. Если только возможность является условием истины, то легко достичь уверенности. Но, с другой стороны, если требуется вероятность, существует относительно мало вещей, в которых можно быть уверенным. Это именно то, что делает параноидальное мышление таким «привлекательным», несмотря на причиняемые им страдания. Оно спасает человека от сомнений. Оно гарантирует чувство уверенности, которое превосходит все то понимание, которое может нам дать здравое мышление.

Людям легко распознать параноидальное мышление в каждом конкретном случае параноидального психоза. Но распознать параноидальное мышление, когда оно разделяется миллионами людей и санкционируется стоящими во главе их властями, значительно труднее. Рассматриваемым случаем будет условное мышление по отношению к России. Большинство американцев думают о России в параноидальной манере; они задаются вопросом «что возможно» более, чем вопросом «что вероятно». Действительно возможно, что Хрущев хочет завоевать нас силой. Возможно, что он выдвигает мирные предложения чтобы не дать нам осознать опасность. Также возможно, что весь его спор с китайскими коммунистами на предмет существования не более чем уловка, чтобы заставить нас поверить в то, что он хочет мира, чтобы застать нас врасплох. Если мы думаем лишь о возможностях, тогда на самом деле у нас нет шансов совершить трезвое и разумное политическое действие.

Здравое мышление подразумевает не только мысли о возможностях, которые действительно всегда относительно легко определить, но также мысли о вероятностях. Это означает оценивать реальные ситуации и предсказывать на ближайшее будущее вероятные действия противника при помощи анализа всех факторов и мотиваций, которые влияют на его поведение. Чтобы окончательно прояснить этот вопрос, я хочу заявить, что мои усилия, направленные на противопоставление здравого и параноидального типов мышления, не включают утверждения, что русские не могут иметь всех упомянутых зловещих и обманчивых планов. Наоборот, все это настойчиво заявляет, что мы должны провести основательную и беспристрастную оценку фактов и что логическая возможность ничего не доказывает и мало значит.

Другой патологический механизм, который угрожает трезвому и эффективному политическому мышлению, – проекция. Каждый близко знаком с этим механизмом в его грубых формах, когда он проявляется в индивидуальных случаях. Все представляют себе враждебную и деструктивную личность, обвиняющую любого во враждебности и изображающую себя невинной жертвой. Тысячи браков продолжают существовать на базе этого проектного механизма. Каждый из партнеров обвиняет другого в том, что в действительности является его собственной проблемой, и, следовательно, преуспевает в погружении в состояние, когда его мысли полностью заняты проблемой партнера, вместо того чтобы встать перед лицом своей собственной. И снова то, что легко увидеть в частных случаях, не распознается, когда такой же проекционный механизм действует в миллионах и поддерживается их лидерами. Например, во время первой мировой войны жители стран-союзниц верили, что немцы все сплошь отвратительные Гансы, убивающие невинных младенцев, и что они являются истинным воплощением всего зла до такой степени, что даже музыка Баха и Бетховена превратилась в часть владений дьявола. С другой стороны, обвинители Гансов сражались только во имя благородных целей, во имя свободы, мира, демократии и т. д. Немцы, что достаточно странно, верили в то же самое применительно к союзникам.

Что же в результате? Враг предстает как воплощение всего зла, потому что все зло, которое я чувствую внутри себя, проецируется на него. Логично, что после того как это случится, я посчитаю себя воплощением всего добра, поскольку зло было перенесено на другой объект. В результате появляются негодование и ненависть по отношению к врагу и не подлежащее критике

Фрому Эрих Может ли человек преобладать filosoff.org
самовлюбленное самовосхваление. Это может создать настроение всеобщей мании и разделенного всеми чувства ненависти. Тем не менее это – патологическое мышление, опасное, когда оно ведет к войне, и убийственное, когда война подразумевает разрушение.

Наше отношение к коммунизму, Советскому Союзу и коммунистическому Китаю – в значительной степени демонстрация проективного мышления. Действительно, система сталинского террора была бесчеловечной, жестокой и отвратительной, хотя не более чем террор в ряде стран, которые мы называем свободными, не более чем, например, террор Трухильо или Батисты.

Я не подразумеваю, что некоммунистические жестокость и бессердечность могут служить оправдательными мотивами на суде сталинского режима, потому что очевидные проявления жестокости и бесчеловечности не уменьшают отвратительности друг друга. Я упомянул их, чтобы показать, что возмущение многих по поводу Сталина не является таким искренним, как они сами думают. Если бы оно действительно было таким, люди бы чувствовали негодование по поводу других случаев проявления жестокости и бессердечия, не придавая значения тому, являются ли преступники их политическим врагами или нет. Но более того, сталинский режим в прошлом. В настоящее время Россия представляет из себя консервативный, полицейский режим, который отнюдь не хорош для возвращения свободы и индивидуальности, но который также не вызывает такого глубокого чувства человеческого негодования, какого была достойна сталинская система. Это удача, что русский режим отошел от жестокого террора к методам консервативного полицейского государства. Это также показывает недостаток искренности в любителях свободы, которые настолько крикливы в своей ненависти к Советскому Союзу, что, кажется, не могут понять происшедшего значительного изменения.

Многие еще продолжают верить, что коммунизм – это миниатюрное изображение зла и что мы, свободный мир, включая таких союзников, как Франко, – воплощение всего хорошего. Результатом является самовлюбленная и далекая от истины картина, представляющая Запад борцом за добро, свободу и гуманизм, а коммунизм – противником всего человеческого и порядочного. Этот же механизм определяет взгляд китайских коммунистов на Запад.

Если проекция смешивается с параноидальным мышлением, как это происходит во время войны, и в том числе «холодной войны», на самом деле мы имеем взрывоопасную психологическую смесь, которая препятствует трезвости и предусмотрительности мышления.

Обсуждение патологического мышления останется неполным, если мы не упомянем еще один тип патологии, который играет огромную роль в политическом мышлении, – фанатизм. Что такое фанатик? Как мы можем его распознать? Сегодня, когда подлинная убежденность становится крайне редким явлением, существует тенденция называть «фанатиком» любого, кто глубоко верит духовному или научному убеждению, которое радикально отличается от мнения других и еще не доказано. Если бы это действительно было так, то наиболее известные и отважные мужи – Будда, Исаия, Сократ, Иисус, Галилей, Дарвин, Маркс, Фрейд, Эйнштейн – все считались бы «фанатиками».

На вопрос, кто является фанатиком, часто нельзя ответить, оценив суть его убеждения. Например, вера в человека и его потенциальные возможности не может быть доказана с помощью разума, хотя может иметь глубокие корни в аутентичном жизненном опыте того, кто верит. С другой стороны, в научном мышлении часто существует достаточно большое расстояние между стадиями гипотетической конструкции и обоснованного доказательства, и ученому необходима вера как составная часть мышления, пока он не достигнет стадии доказательства. Совершенно верно, что существует много утверждений, которые находятся в очевидном противоречии с законами рационального мышления, и любой, кто непоколебимо в них верит, может быть назван фанатиком с достаточной долей истины. Но часто непросто решить, что иррационально, а что нет, и ни «доказательство», ни всеобщее согласие не являются достаточными критериями.

На самом деле легче узнать фанатика по некоторым качествам личности, чем по сути его убеждений. Наиболее важной – и обычно видимой – чертой характера фанатика является вид «хладнокровного пыла», страсти, в которой нет ни капли теплоты. Фанатик не соотносится с окружающим его миром, он не заботится ни о ком и ни о чем – даже если он объявляет заботу важной частью своей «веры». Холодный блеск его глаз часто говорит нам больше о

Фримм Эрих Может ли человек преобладать filosoff.org
фанатичности его идей, чем очевидная «безрассудность» самих идей.

Говоря более теоретически, фанатик может быть описан как человек, страдающий крайним нарциссизмом и освобожденный от зависимости от внешнего мира. Он ничего по-настоящему не чувствует, поскольку истинные чувства всегда являются результатом взаимосвязи между человеком и внешним миром. Патология фанатика близка к патологии подавленного человека, который страдает не от уныния (которое было бы спасением), но от неспособности что-либо чувствовать. Фанатик отличается от подавленного человека (и в некотором смысле похож на маньяка) тем, что он нашел путь выхода из острой депрессии. Он сотворил себе идола, абсолют, которому он полностью подчиняется, но в тоже время частью которого себя считает. Поэтому он действительно думает и чувствует во имя идола, или, скорее, у него есть иллюзия этого «чувства», внутреннего возбуждения, в то время как подлинные чувства отсутствуют. Он живет в состоянии самодовольного, самовлюбленного возбуждения, с тех пор как заглушил чувство изоляции и пустоты полным подчинением идолу и одновременно обожествлением своего собственного «Я», которое он сделал частью идола. Он страстен в своем подчинении идолу и в чувстве собственной грандиозности, но холоден в своей неспособности на истинные чувства и взаимоотношения. Это состояние может быть символически описано как «горящий лед». Его отношение может быстрее ввести в заблуждение, если сущность его идола – это любовь, братство, Бог, спасение, Родина, человеческая раса, честь и т. д., чем когда он поклоняется откровенному разрушению, враждебности и неприкрытому желанию завоевания. Но, что касается человеческой действительности, не столь важны различия в природе идола. Фанатизм всегда результат неспособности на подлинные взаимоотношения. Образ фанатика так соблазнителен и, следовательно, опасен политически, потому что кажется, что он особенно сильно чувствует и особенно убежден. С тех пор как все мы стремимся к уверенности и страстному приключению, удивительно ли, что фанатики преуспевают в привлечении многих с помощью своей ложной веры и фальшивых чувств?

Паранойя, проективное и фанатическое политическое мышление являются подлинно патологическими формами мыслительного процесса, отличающимися от патологии в общепринятом смысле только тем, что политическое мышление разделяется большими группами людей и не запрещено для отдельных индивидов. Эти патологические формы мышления не являются, однако, единственными препятствиями на пути к правильному пониманию политической действительности. Существуют другие формы мышления, которые, вероятно, нельзя назвать патологическими, но при этом столь же опасные, возможно, только потому, что они более распространены. Я имею в виду главным образом неаутентичное, автоматизированное мышление. Процесс прост: я верю, что что-то является правдой не потому, что я достиг этой мысли самостоятельно, основываясь на собственных наблюдениях и опыте, но потому что это было «внушено» мне. При автоматизированном мышлении я могу испытывать иллюзию, что мои мысли – это мои собственные мысли, тогда как на самом деле я всего лишь перенимаю их, так как они были предоставлены источниками, представляющими власть в той или иной форме.

Все современные способы манипулирования мышлением, в коммерческой ли рекламе или в политической пропаганде, используют технику внушения и гипноза, которая производит мысли и чувства в людях, не давая им осознать, что «их» мысли – вовсе не их собственные. Искусство промывания мозгов, столь великолепно освоенное китайцами, – просто более крайняя форма этого. С ростом уровня мастерства техники внушения аутентичное мышление все больше заменяется автоматизированным, хотя сильная иллюзия добровольного и спонтанного характера наших мыслей сознательно не уничтожается.

Достаточно показательно, с какой готовностью группы распознают неаутентичный характер мышления в своих противниках, но только не в себе самих. Американские путешественники, например, возвращаясь из Советского Союза, описывали свои впечатления о единообразии политического мышления в России. Кажется, все должны задаться вопросами начиная с: «Как насчет линчевания на Юге?» и заканчивая: «Зачем Соединенным Штатам столько военных баз, окружающих Советский Союз, если у американцев мирные намерения?».

Путешествовавшие по России люди, которые заявляют о единообразии взглядов, не понимают, что общественное мнение в США не менее единообразно. Большинство американцев считают доказанным ряд стереотипов, например, что русские хотят завоевать мир во имя революционного коммунизма; что из-за того, что они не верят в Бога, у них нет концепции морали, похожей на нашу,

Фрому Эрих Может ли человек преобладать filosoff.org
и т. д. Более того, в США – до какой степени это верно для Советского Союза, я, конечно, даже не берусь предполагать – стереотипное мышление отнюдь не ограничивается низшими слоями общества. Его также придерживаются те, кто, как действующие политики, интеллектуалы, газетные и радиокомментаторы и т. п., участвует в формировании реальной политики и общественного мнения.

Этот вид неаутентичного, автоматизированного мышления выливается в «раздвоение мышления», которое было столь блестяще охарактеризовано Джорджем Оруэллом как логика тоталитарного мышления. «Раздвоение мышления», – говорит он в своей книге «1984», – это способность удерживать две противоречавшие друг другу веры в одном мозгу и соглашаться с ними обеими». Мы знакомы с русским вариантом раздвоения мышления. Такие страны, как Венгрия и Восточная Германия, правительства которых, это очевидно, действуют против воли большинства населения, называются «народными демократиями». Иерархическое, классовое общество, построенное на жестких принципах экономического, социального и политического неравенства, называется «бесклассовым обществом». Система, в которой власть государства наращивалась на протяжении последних 40 лет, как говорят, ведет к «отмиранию государства». Но раздвоение мышления отнюдь не только советское явление. Мы на Западе называем диктатуры «частью свободного мира». Диктаторы, такие как Чан Кайши, Франко, Салазар, Батиста, и это далеко не полный список, были провозглашены борцами за свободу и демократию, и правда о этих режимах замалчивается и искажается. Кроме того, мы позволяем людям, подобным Чан Кайши и Аденауэру, влиять и, иногда, видоизменять американскую внешнюю политику. Американское общество вводится в заблуждение насчет Кореи, формозы, Лаоса и Германии до такой степени, что они предстают ужасающим контрастом нашей собственной действительности, со свободной прессой и информированной публикой. Мы говорим о «подрывной деятельности», когда русские разворачивают антиамериканскую пропаганду, но европейское «Радио Свободы», вещающее на страны Восточной Европы, не ведет подрывной деятельности. Мы провозглашаем свое уважение к независимости всех небольших стран, но поддерживаем попытки свержения правительств Гватемалы и Кубы. Мы в ужасе от русского террора в Венгрии, но не от французского в Алжире.

Патологическое мышление и раздвоение мышления – не только проявления болезненности и бесчеловечности, но они угрожают нашему выживанию. В ситуации, когда ошибки в оценке могут повлечь катастрофические последствия, мы не можем позволить себе удовольствие обратиться к патологическим и стереотипным формам мышления. Ничем не затуманенное и как можно более реалистическое размыщение над ситуацией в мире, особенно в свете конфликта советского и западного блоков, становится жизненно необходимым. Сегодня некоторые взгляды одобряются как «реалистические», в то время как на самом деле они столь же фантастичны и далеки от реальной жизни, как и идеи неисправимых оптимистов, против которых они направлены. Эта особенная моральная неустойчивость человеческих реакций служит тому, что многие склонны верить в то, что циничная, «жесткая» перспектива более похожа на «реальную», чем объективная, комплексная и конструктивная. По-видимому, многие, люди считают, что необходимо быть сильным и мужественным человеком, чтобы смотреть на вещи просто, без лишних сложностей или встретить катастрофу, не моргнув глазом. Они забывают, что часто нужно быть фанатичным, самодовольным и невежественным человеком, чтобы спутать то, что Ч. Миллс так правильно назвал «сумасшедшим реализмом» с рациональным пониманием действительности.

Параноидальная, проективная, фанатическая и автоматизированная формы мышления – это варианты мыслительного процесса, имеющие корни в одном базовом явлении, – в том факте, что человеческая раса еще не достигла уровня развития, выраженного в великих гуманистических религиях и философиях, которые возникли в Индии, Китае, Палестине, Персии и Греции в период с 1500 г. до н. э. до появления Христа. В то время как большинство людей думают на языке этих религиозных систем и их нетеологических философских последователей, они эмоционально находятся на архаичном, иррациональном уровне, не отличающемся от того, который существовал до того, как были провозглашены идеи буддизма, иудаизма и христианства. Мы все еще поклоняемся идолам. Мы не называем их Ваалом и Астартой, но мы поклоняемся и подчиняемся нашим идолам под разными именами.

В плане техники и интеллекта мы живем в век атома; эмоционально же. мы находимся на уровне каменного века. Мы чувствуем превосходство над ацтеками, которые в день праздника приносили в жертву 20 тыс. человек,

Фрому Эрих Может ли человек преобладать filosoff.org
веря, что это удержит Вселенную на верном пути. Мы жертвуем миллионами во имя различных целей, которые, как мы думаем, благородны, и оправдываем массовые убийства. Но факты одинаковы, отличаются только рациональные объяснения. Человек, несмотря на технический и интеллектуальный прогресс, все еще опутан идолопоклонством кровным узом, собственности и институтам. Его разум все еще управляет иррациональными страстями. Он до сих пор не вынес из своего жизненного опыта, что значит быть до конца человеком. У нас все еще двойная шкала ценностей для оценки своих и чужих групп. История цивилизованного человека до настоящего момента действительно очень коротка, меньше часа, если сравнивать с длиной человеческой жизни. То, что мы еще не достигли зрелости, не удивляет и не обескураживает. Тем, кто верит в человеческую способность стать тем, кем он потенциально является, нет нужды беспокоиться, что расхождение между эмоциональным и интеллектуально-техническим развитием на сегодняшний день достигло таких размеров, что мы напуганы возможностью вымирания или нового варварства. В такое время нас спасет лишь фундаментальное и подлинное изменение.

Мы все еще очень слабо представляем себе, как свершить это изменение, а время не ждет. Выход один – это говорить правду. Мы должны вырваться из плена рациональных объяснений, самообмана и раздвоенного мышления. Мы должны быть объективными и видеть мир и самих себя реалистично, не поддаваясь нарциссу и ксенофобии. Свобода существует только там, где есть разум и правда. Архаичные трибализм и идолопоклонство расцветают там, где молчит голос разума. Не следует ли из этого, что знать правду о событиях внешней политики – жизненно важно для сохранения мира и свободы?

Глава II. Природа советской системы

Для большинства американцев советская система является неким мифическим существом; вероятно, не в меньшей степени, чем капиталистическая система для большинства русских. В то время как русские видят капитализм как систему, в которой эксплуатируемые, получающие зарплату рабы повинуются хлысту воротил с Уолл-стрит, Россия представляется американцам страной, ведомой людьми, представляющими из себя смесь Ленина и Гитлера, склонной поработить остальной мир силой или хитростью. Поскольку наша внешняя политика базируется на идее, что Советский Союз хочет силой завоевать мир, крайне важно проанализировать факты и получить ясное и реалистичное представление о природе советской системы. Эта задача тем более сложна, поскольку природа советской системы полностью изменилась в период между 1917 г. и настоящим моментом. Она преобразилась из революционной системы, считавшей себя центром и вдохновителем коммунистических революций в Европе и со временем во всем мире в консервативное, индустриальное классовое общество, идущее по пути, во многом повторяющем путь развития капиталистических стран на Западе.

Это изменение, однако, не было отмечено никаким официальным разрывом целостности и неизменности системы, потому что многие основные черты, такие как национализация средств производства и идея плановой экономики, остались прежними. Но еще более, чем неизменность определенных экономических моделей, запутывает неизменность идеологии. По причинам, которые будут обсуждены позже, Сталин, а за ним Хрущев благоговейно следовали «марксистско-ленинским» формулировкам и продолжали разговаривать на языке 1848 или 1917 гг., хотя представляли систему, которая очень отличалась от той, которую рассматривали такие революционеры, как Маркс и Ленин.

В настоящее время мы более способны определить различие между ритуальными идеологическими формулировками и жизненными реалиями. Не подвержены ли мы сами такому же противоречию, когда говорим о «личной инициативе» в обществе «организованного человека» или о «богобоязненном обществе», в действительности заботясь главным образом о деньгах, комфорте, здоровье и образовании и совсем немного о Боге? Однако – и это делает распознавание действительности еще более затруднительным – ни русские, ни мы не являемся лжецами. Обе стороны убеждены, что говорят правду, и воспринимают друг друга с одинаковым убеждением, что их собственное мировоззрение и даже до определенной степени мировоззрение их противников отражают действительность.

В этой главе я намереваюсь прорваться сквозь существующие стереотипы и
Страница 17

Фромм Эрих Может ли человек преобладать filosoff.org
добраться до реального понимания существующей советской системы. Я сравнил
короткий революционный период, который длился с 1917 по 1922 г., с
трансформацией этой системы в тоталитарную систему управления Сталина и
Хрущева. Я попытаюсь детально доказать несоциалистический и нереволюционный
характер сегодняшней советской системы и, более того, показать, что со
времени власти Сталина советские правители никогда не ставили целью
коммунистическую революцию на Западе и использовали Коммунистические партии
только как инструменты поддержки своей внешней политики.

I. РЕВОЛЮЦИЯ – НАДЕЖДА, КОТОРАЯ ПРОВАЛИЛАСЬ

Середина XIX в. была временем социалистической надежды; эта надежда
основывалась на сверхъестественном прогрессе науки и ее влиянии на
промышленное производство, на успехе революций среднего класса 1789[21 –
Великая французская революция 1789–1794 гг. – Прим. пер.], 1830[22 –
Июльская революция 1830 г. во Франции. – Прим. пер.], 1848[23 – Э. Фромм,
по-видимому, имеет в виду революцию 1848 г. во Франции, так как
буржуазно-демократическая революция 1848–1849 гг. в Австрии, буржуазная
революция 1848–1849 гг. в Венгрии, буржуазно-демократическая революция
1848–1849 гг. в Германии и буржуазная революция 1848–1849 гг. в Италии в
итоге потерпели поражение. – Прим. пер.] гг., на возрастающем количестве
протестов трудящихся и на широком распространении социалистических идей.
Маркс и Энгельс, как и многие другие социалисты, были убеждены, что
недалеко то время, когда свершится великая революция и вскоре начнется
новая эпоха в истории человечества, что существует явная перспектива, как
сказал Энгельс, «превращения революции меньшинства» (какими были все
предыдущие революции) «в революцию большинства» (какой он представлял
социалистическую революцию). Но в конце столетия Энгельс вынужден был
заметить: «История показала, что и мы, и все мыслившие подобно нам были не
правы. Она ясно показала, что состояние экономического развития
Европейского континента в то время далеко еще не было настолько зрелым,
чтобы устранить капиталистический способ производства[24 – Engels F.
Introduction (1895) to K. Marx. The Class Struggles in France 1848 to 1850;
K. Marx and F. Engels. Selected Works. Foreign Languages Publishing House,
Moscow, 1955. Vol. I, p. 125.]».

Первая мировая война наметила решительное изменение в истории социализма.
Она обозначила коллапс двух наиболее значительных целей социализма –
интернационализма и мира. С началом войны каждая социалистическая партия
приняла сторону своего правительства и сражалась против других социалистов
во имя «свободы». Это моральное падение социализма произошло не столько
вследствие личного предательства некоторых лидеров, сколько из-за изменения
экономических и политических условий. Явная и безжалостная эксплуатация
рабочих, которая существовала в XIX в., медленно уступила место участию
рабочего класса в экономических прибылях собственных стран. Капитализм,
вместо того чтобы потерять свою способность функционировать по причине
своих внутренних противоречий, как предсказывал Маркс, показал свою
дееспособность в плане преодоления кризисов и трудностей в значительно
большей степени, чем это ожидалось радикальными революционерами[25 – Эти
факты создали базу для развития «ревизионистского» крыла в социалистическом
движении, основным теоретическим представителем которого был Э. Бернштейн,
в годы, предшествовавшие первой мировой войне.]».

Именно этот успех капитализма привел к новому пониманию социализма. Если
Маркс и Энгельс видели его как новую форму общества, вышедшего за предел
капитализма, общество, в котором в полной мере реализуются принципы
гуманизма и индивидуализма, то теперь социализм стал интерпретироваться
большинством своих приверженцев как движение к политическому и
экономическому подъему рабочего класса вне капиталистической системы.
Несмотря на то что марксистский социализм XIX в. был самым существенным
духовным и моральным движением столетия, антипозитивистским и
антиматериалистическим в своей сущности, он медленно трансформировался в
чисто политическое движение с важными экономическими целями, даже хотя
старые моральные цели никогда полностью и не исчезали. Интерпретация
социализма в терминах, присущих капиталистическим категориям, привела к
новой политике социалистических партий, целью которых стало скорее
государство всеобщего благосостояния, чем осуществление мессианских надежд,
которых придерживались основоположники социализма.

Война 1914 г., эта бесчувственная кровавая резня миллионов людей всех национальностей ради неких экономических преимуществ, привела к возрождению – в новой и насущной форме – старого социалистического лозунга – против войны и национализма. Радикальные социалисты во всех странах были глубоко возмущены войной и встали во главе революционных движений России, Германии и Франции. Фактически радикализация социалистического движения была тесно связана с циммервальдским движением, попыткой международных социалистов покончить с войной.

Февральская революция в России дала новый стимул этим революционным лидерам. Первоначально Ленин, в соответствии с теорией Маркса, верил, что социалистическая революция может быть успешной только в стране с высокоразвитой капиталистической экономикой, такой как Германия. Он считал необходимым, чтобы такая слаборазвитая страна, как Россия, прежде чем двигаться к социалистической революции, сначала завершила революцию буржуазную. По этой причине большинство членов Коммунистического центрального комитета сначала были против взятия власти в 1917 г., но возросший протест солдат крестьянского происхождения против войны, усиленный неспособностью царского правительства и его революционеров-преемников завершить войну и реорганизовать русскую экономику, подтолкнул Ленина к Октябрьской революции. Ленин и Троцкий связывали свои надежды с революцией в Германии, которая, как они были уверены, должна была вскоре произойти. Они подписали Брест-Литовский мир с имперской Германией в надежде, что в Германии вскоре вспыхнет революция и сделает его недействительным. Если бы высокондустриальная Германия стала советским государством и слилась главным образом с аграрной Россией, тогда, так обосновывалось следование теории Маркса, социалистическая германо-русская советская система имела все шансы на выживание и расцвет. Так же как Маркс и Энгельс в середине XIX в., Ленин и Троцкий 70 лет спустя верили, что «социалистическая царство близится» и что они заложат фундамент истинно социалистического общества.

У надежды Ленина были свои пики и падения; 1917 и 1918 гг. представляли собой первый взлет. Через десять дней после Октябрьской революции он заявил: «Мы пойдем прямо и непоколебимо к победе социализма, которая будет окончательно решена передовыми рабочими большинства цивилизованных стран и принесет людям прочный мир и избавление от всех видов угнетения и эксплуатации». Когда после вспышки революции в Германии в ноябре 1918 г. новое германское правительство проявило явное нежелание вступать в дипломатические отношения с Россией и когда немецкие рабочие не последовали русскому примеру, сомнения начали закрадываться в умы Ленина и Троцкого. В 1919 г. советские революции в Венгрии и Баварии породили новый взлет надежд, которые вскоре были разбиты поражением этих революций. Лето и осень 1920 г., когда гражданская война в России близилась к концу и Красная Армия стояла у ворот Варшавы, стали свидетелями пика престижа Коминтерна и коммунистических надежд на мировую революцию. II Конгресс Коминтерна был проникнут духом высокого революционного энтузиазма. И все же спустя небольшой отрезок времени, с разгромом Красной Армии под Варшавой и провалом попытки польских рабочих восстать, все драматически изменилось. Революционные надежды испытали потрясение, от которого уже никогда не оправились.

Ленин, отдавая приказ о наступлении на Варшаву, после успешного отражения польского нападения, поддавшись безумной надежде на мировую революцию, был в то время менее реалистичен, чем Троцкий, который (вместе с Тухачевским) выступал против наступления на Варшаву. История еще раз доказала, что революционеры ошибались в оценке революционных возможностей. Ленин осознал поражение; он согласился с тем, что западный капитализм все еще значительно более жизнеспособен, чем ожидалось; и он выступил инициатором и организатором отступления, чтобы спасти то, что еще было возможно спасти. Он ввел НЭП, возвратил капитализм в важнейшие сектора российской экономики; он пытался убедить иностранных капиталистов инвестировать средства в «концессии» на территории Советского Союза и хотел достичь мирного взаимопонимания с великими западными державами, и в то же время он силой подавил восстание моряков в Кронштадте, которые выступали против того, что, по их мнению, было предательством революции.

Я устою перед искущением обсудить здесь ошибки Ленина и Троцкого и вопрос, в какой степени они следовали учению Маркса. Достаточно сказать, что ленинская концепция о том, что истинная заинтересованность делами рабочего класса свойственна лишь руководящей эlite, а не большинству трудящихся, не

Фромм Эрих Может ли человек преобладать filosoff.org была марксистской; фактически Троцкий стоял в оппозиции к ней на протяжении долгих лет своих разногласий с Лениным; Роза Люксембург, одна из недрогнувших и самых дальновидных марксистских революционных лидеров, также выступала против вплоть до ее предательского убийства немецкими солдатами в 1919 г. Ленин не замечал того, что видела Роза Люксембург и многие другие, того, что централизованная, бюрократическая система, в которой элита правит для рабочих, должна превратиться в систему, где она будет властвовать над рабочими и уничтожит все, что осталось в России от социализма. Но какими бы ни были разногласия между Лениным и Марксом, остается фактом, что великая надежда потерпела неудачу во второй раз. В этот раз провал застал Ленина и Троцкого, которые находились у власти, перед исторической дилеммой: как направлять социалистическую революцию в стране, лишенной объективных условий для того, чтобы стать социалистическим обществом. Им не суждено было решить эту дилемму. Ленин после первого удара в 1922 г., который сделал его практически недееспособным, прожил лишь до 1924 г. Троцкий был отстранен от власти несколькими годами позже; Сталин, с которым Ленин разорвал все личные отношения в последние месяцы перед смертью, вступил во владение страной.

Смерть Ленина и поражение Троцкого только ускорили конец периода революционных движений в Европе и надежд на новый социалистический порядок. После 1919 г. революция начала отступать, и с 1923 г. уже не было сомнений в ее поражении.

II. ПРЕВРАЩЕНИЕ СТАЛИНЫМ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ В АДМИНИСТРАТИВНУЮ

Сталин – практический и циничный оппортунист, с ненасытной жаждой личной власти, искал последствия провала. При его характере социализм никогда не означал для него человеческой мечты Маркса и Энгельса, и, следовательно, у него не было сомнений в проведении форсированной индустриализации в России под названием «социализма в отдельно взятой стране». Формулировка была лишь откровенным прикрытием для цели, которая должна была быть достигнута, – построение тоталитарного государственного менеджериализма в России, и скорейшее накопление средств (и мобилизация человеческой энергии), необходимых для достижения этой цели.

Я использую термин индустриальный «государственный менеджериализм» как лишенный определенной двойственности и трудностей, сопутствующих термину «государственный капитализм». В ходе последующего обсуждения станет ясно, какие элементы капитализма обнаруживаются в сталинской системе и какие есть существенные различия. Другой термин, который может быть использован, – это введенный одним из ведущих немецких марксистских экономистов Хильфердингом (Hilferding), термин «тоталитарная государственная экономика».

Сталин ликвидировал социалистическую революцию во имя «социализма». Он использовал террор, чтобы принудить население смириться с материальными лишениями, которые были результатом быстрого наращивания базовых отраслей промышленности за счет производства потребительских товаров; более того, террор служил для создания новой рабочей морали, мобилизуя энергию в большинстве своем аграрного населения и заставляя его работать в темпе, необходимом для быстрого индустриального расширения. Возможно, он использовал террор в значительно большей степени, что было необходимо для выполнения его экономической программы, поскольку он был одержим экстраординарной жаждой власти, параноидальным подозрением в соперничестве и патологическим удовольствием от мести.

Поскольку целью Сталина был высокониндустриализированный централизованный русский государственный менеджериализм, он, конечно, не мог открыто сказать об этом. Только террор, даже самый жестокий, не смог бы принудить массы к сотрудничеству, если бы Сталин не умел влиять на разум и мысли людей. Он, конечно, мог бы сделать поворот на 180°, организовав идеологическую контрреволюцию, взяв на вооружение национал-фашистскую доктрину. Тогда у него появились бы идеологические средства, которые привели бы к похожему результату. Сталин не выбрал этот путь, и, следовательно, ему ничего не оставалось, как использовать единственную идеологию, имевшую в то время какое-то влияние на массы, – идеологию коммунизма и мировой революции. Религия была унижена коммунистической партией; национализм обесценился; единственной престижной доктриной оставался «марксизм-ленинизм». Но не только это; фигуры Маркса, Энгельса и Ленина имели харизматическую

Фрому Эрих Может ли человек преобладать filosoff.org

привлекательность для русских людей, и Сталин использовал эту привлекательность, представив себя их законным преемником. Для того чтобы совершить этот великий исторический обман, Сталин избавился от Троцкого и в конечном счете истребил всех старых большевиков, чтобы очистить себе путь для преобразования социалистической цели в другую – реакционный государственный менеджериализм. Он переписал историю так, чтобы исчезла даже память о старых революционерах и их идеях. Возможно, он боялся и подозревал их из-за своей паранойи, потому что чувствовал вину за предательство идеалов, символами которых они являлись.

Сталин преуспел в достижении своей цели, которой была не мировая революция, а индустриальная Россия, которая должна была стать мощнейшей промышленной державой в Европе, если не во всем мире. Успех его метода тоталитарного государственного-планирования, который был позже с некоторыми изменениями подхвачен Маленковым и Хрущевым, не является более вопросом для диспута. «Советская система централизованного управления доказала, что может быть более или менее равной рыночной экономике, представленной США». Это заключение было рождено русским экономическим ростом. Несмотря на то что оценки разных американских экономистов отчасти разнятся, различия эти относительно малы. Бернштейн оценивает темп годового прироста национального валового продукта в период с 1950 по 1958 г. в Советском Союзе в 6,5–7,5 %, а в США за тот же период – 2,9 %. Каплан-Моорштейн считает, что темп промышленного роста в России за тот же период времени составил 9,2 %. Кэмпбелл оценивает темп роста в России на тот же момент в 6 %. Если кто-то рассматривает ежегодный темп роста в России с 1913 г., т. е. включая разрушения, вызванные первой мировой войной и гражданской войной, цифры получаются, конечно, совсем другие. По Наттеру, они составляют только 4,2 % для гражданских отраслей промышленности, в то время как темп роста за последние 40 лет царского правления – 5,3 %. Но с 1928 по 1940 г. (т. е. в период мира) – в советское время – прирост составил 8,3 %, а между 1950 и 1955 г. – 9 %, что приблизительно вдвое выше американских показателей за те же периоды времени, и чуть менее чем в два раза выше показателей царской России. Наттер считает, что если заглянуть в ближайшее будущее, то «видится с достаточной определенностью, что промышленный прирост будет выше в России, чем в Соединенных Штатах, если в этих странах не случится каких-либо системных изменений», в то время как «очень сомнительно, что промышленный прирост в Советской Союзе будет выше, чем в быстро расширяющихся западных экономиках, таких как Западная Германия, Франция и Япония». Наттер считает, однако, что в длительной перспективе советская система сумеет сгенерировать более быстрый рост, чем система частных предприятий. В сравнении с промышленным производством выпуск сельскохозяйственных продуктов в России сильно не дотягивает до запланированных цифр и все еще составляет одну из серьезнейших проблем русской системы.

Что касается потребления, принимая во внимание рост населения, оно оценивается в 5 %, учитывая современное увеличение потребления среди крестьян. «Что касается пищи и одежды, – заключает Тарジョン, – у СССР есть отличный шанс превзойти наш уровень жизни», в то время как Соединенные штаты далеко впереди по автомобилям и другим потребительским товарам, рассчитанным на долговременное пользование, а также по расходам на сервис и путешествия.

Сталин заложил основу новой, индустриализированной России. Менее чем за 30 лет он превратил самую отсталую в экономическом плане из великих европейских держав в индустриальную систему, которая вскоре станет экономически наиболее развитой и процветающей, пропустив вперед только США. Он достиг этой цели, безжалостно разрушая человеческие жизни и счастье, цинично сфальсифицировав социалистическую идею, и при помощи жестокости, которая вместе с бесчеловечностью Гитлера разъедала чувство гуманности остального мира. Несколько в стороне от вопроса, могла ли эта цель быть достигнута менее жестоким путем, с использованием других методов, остается факт, что он оставил своим преемникам жизнеспособную и сильную экономически и политически систему. Многие черты сталинской системы остались прежними, другие были изменины. На следующих страницах я попытаюсь описать суть современной советской системы, построенной на фундаменте, заложенном Сталиным.

III. ХРУЩЕВСКАЯ СИСТЕМА

1. Конец террора

Наиболее очевидная новая особенность, которой хрущевизм отличается от сталинизма, – это ликвидация террора. Если террор был необходим системе, в которой массы должны были упорно трудиться, не получая при этом соответствующего материального удовлетворения, он мог бы быть ослаблен, если бы рабочие смогли начать пользоваться плодами своего труда и рассчитывать на рост этого пользования. Преемники Сталина также достаточно травмировали себя безумным террором, который он осуществлял в последние годы и который ежедневно угрожал уничтожением любому из числа правящих высших руководителей. Психологический феномен, похожий на феномен, существовавший во Франции перед падением Робеспьера, вероятно, имел место и среди правящей верхушки России и привел, вместе с упомянутыми выше причинами, к решению ликвидировать террор.

Все сообщения из России подтверждают, что система террора прекратила существование. Лагеря рабского труда, которые были не только институтами террора, но также источниками дешевой рабочей силы при Сталине, постепенно исчезли. «Революционные тройки» и наказания были запрещены. Что касается политической свободы, хрущевское государство может быть сравнимо с реакционным, полицейским государством XIX в. и не сильно отличалось от системы царизма. Тем не менее это сравнение может ввести в заблуждение, не только из-за очевидной разницы в экономической структуре этих двух систем, но также из-за другого, более комплексного фактора. Политическая свобода становится явной проблемой, только когда возникает значительное расхождение внутри самой фундаментальной структуры данного общества. При царизме большинство населения – крестьяне, рабочие, средний класс – находились в оппозиции к системе, и система использовала угнетение, чтобы обеспечить свое существование. С другой стороны, есть основания полагать, что хрущевская система успешно справилась с обеспечением преданности большинства советского населения. Это было сделано частично при помощи реального экономического удовлетворения, которое она обеспечила в то время и обоснованными надеждами на значительно более сильное улучшение в будущем, а частично посредством успеха в идеологическом манипулировании человеческими умами.

Из всех сообщений видно с абсолютной очевидностью, что средний русский уверен в том, что система работает довольно хорошо, с нетерпением ожидает улучшения в будущем, получает удовольствие от возможностей образования и досуга и боится главным образом лишь одного – войны. Когда он критикует систему, он критикует детали ее работы, бюрократические несуразности и низкое качество потребительских товаров, но не советскую систему как таковую. Он, конечно же, не думает менять ее на капиталистическую.

Без сомнения, во времена сталинского террора ситуация была совсем другой. Безжалостные расправы при терроре угрожали каждому, высокопоставленному и нет, тюрьмой или физическим уничтожением не только за совершенные ошибки, но и вследствие доноса, интриги и т. д. Но этот террор остался в прошлом, и дела обстоят по-другому. Средний американец неправильно оценивает ситуацию в России, ставя себя в положение антикоммуниста внутри России и предполагая степень осуждения, которую вызовет выражение его мнения. Он забывает, что, за исключением писателей и социологов, которые, возможно, и склонны критиковать систему, у среднего русского практически отсутствует такое побуждение. Следовательно, проблема политической свободы значительно менее насущна для него, чем это кажется с позиции американца. (Средний русский, наверно, почувствует то же самое, что и средний американец, если, представляя себя коммунистом, он представит запреты и опасности, с которыми он столкнется в Соединенных Штатах.) Все это не меняет того факта, что хрущевская Россия – это полицейское государство, где значительно меньше свободы расходиться во взглядах и критиковать правительство и мнение большинства, чем в западных демократических государствах. Более того, после стольких лет ничем не сдерживаемого террора потребуются годы, чтобы исчезли остатки страха и запуганности, созданные им. Таким образом, если учесть все, общий вывод состоит в том, что по сравнению со сталинизмом, хрущевизм обозначил значительное улучшение, если касаться вопроса политической свободы.

Изменение сущности методов управления в России также тесно связано с исчезновением системы террора. Правление Сталина было единовластным, без каких-либо консультаций со сподвижниками и без чего-либо, что можно было бы назвать в широком смысле обсуждаемым правлением или властью большинства. Ясно, что такому режиму единоличной власти требуется сила террора, с помощью которой диктатор может подавить любого, кто решится встать в оппозицию к нему. С уничтожением Берии власть терроризирующей государственной полиции была значительно ограничена, и ни один из русских лидеров после смерти Сталина не занимал диктаторской позиции, сравнимой со сталинской. Стало реальностью, что лидер, кем бы он ни был, должен убедить высший партийный эшелон в верности своих взглядов и в том, что в действиях руководящего комитета существует нечто похожее на коллегиальность и зависимость от мнения большинства. Все события последних лет ясно показывают, что Хрущев должен защищать свою политику от оппонентов, должен демонстрировать успех, чтобы удержаться наверху, и что в определенном смысле он находится в таком же положении, как и государственный человек на Западе, которого его продолжающиеся политические провалы приводят к политическому исчезновению.

2. Социоэкономическая структура

Поразительной особенностью социалистической экономики является отсутствие частной собственности на средства производства, а все предприятия управляются административной бюрократией, назначенной государством. (Естественно, существует частная собственность на потребительские товары, например, дома, мебель, автомобили и частное накопление сбережений, например, банковские вклады и государственные долговые обязательства, так же как и в Соединенных Штатах. Разница в этом отношении заключается в том, что человек не может владеть фабрикой или пакетом акций в корпорации, отличие, которое в данном случае относится лишь к малой части населения Соединенных Штатов.). Советские лидеры и население полагают, что марксистский социализм характеризуется тем, что владеет и управляет предприятиями государство, и используют это в качестве доказательства того, что их система есть социализм. Оправдано ли это заявление или нет, будет обсуждено позже, в соответствии с фактом, что текущее развитие советской системы по многим параметрам больше соответствует тенденциям, существующим в капитализме XX в., чем в социализме.

Всеобщее планирование, введенное сначала в первой сталинской пятилетке в 1928 г., предоставило советской идеологии дополнительную причину утверждать, что существующая система является социализмом. Всеобщий план (Госплан) для СССР непременно составлялся в Москве после интенсивного обсуждения огромного количества данных. Планирование определяло, что должно быть произведено и в каком объеме, в отличие от относительно свободного рынка западных стран. До 1957 г. московские министерства различных отраслей промышленности были центральной властью для соответствующих отраслей. Хрущев запретил эту централизованную систему, существовавшую более 20 лет, и ввел в действие процесс децентрализации, заменив министерства региональными экономическими советами (совнархозами):

Эти советы приняли на себя роль министерств в различных регионах Советского Союза. Существует приблизительно более 100 таких советов в Советском Союзе. Они назначают руководящий персонал (или подтверждают назначение) на подведомственные предприятия, разрабатывают программу выпуска продукции «своих» отраслей промышленности (хотя и в рамках всеобщего плана), активны в установлении цен и производственных методов и гарантировании обеспечения дефицитными материалами, также проводят исследования качества продукции и т. д. Управление совнархозом многими подведомственными отраслями промышленности осуществляется через подкомитеты, «главные администрации», которые в свою очередь управляют отдельными предприятиями, возглавляемыми их управляющими.

Кем же являются администраторы, работающие в региональных советах, главных администрациях и на отдельных предприятиях?

Большинство из них имеют высшее образование (фактически больший процент, чем в Соединенных Штатах), причем больше количество специалистов в инженерной области и меньше – в области администрирования и управления бизнесом. Подавляющее большинство являются членами Коммунистической партии.

(Для американского читателя важно помнить, что Коммунистическая партия в России не является массовой, но представляет цвет тех, кто хочет занять высшие позиции и собирается приложить большие усилия к этому; на самом деле только около 4 % всего населения состоит в партии.) Директора предприятий зарабатывают (включая премии) в 5–10 раз больше рабочих, в зависимости от размера и вида предприятия.

Если мы сравним это с положением в США, то американский директор завода зарабатывает 22 тыс. долл. в год, что в соотношении с заработком рабочего повторяет эти цифры. Но крупномасштабное исследование американских фирм, проведенное в 1957 г., показало, что «в действительности высшее должностное лицо, определяющее политику фирмы, под началом которого находятся порядка 1 тыс. служащих, зарабатывает в среднем, включая зарплату и премии, 28 тыс. долл. в год».

Эти цифры трудно сравнивать, так как, с одной стороны, цены на потребительские товары в Советском Союзе относительно выше, чем в США, в то время как, с другой стороны, плата за жилье – ниже, а дополнительные льготы (пенсии, оплаченные отпуска и т. д.) – значительно. Таким образом, разница между доходами рабочих и менеджеров в СССР не слишком отличается от того, что мы видим в США.

Что действительно важно, так это роль премий, которые достигают 50–100 % зарплаты менеджера и являются наиболее важным стимулом для оптимальной производительности. (Часто эта система акцентируется на объеме продукции более, чем на качестве, что приводит, следовательно, к производству потребительских товаров худшего качества.) Таким образом, менеджеры представляют социальную группу, которая по доходам, потреблению, власти так же отличается от трудящихся, как в любой капиталистической стране Запада. Фактически, судя по многочисленным сообщениям, жесткость классовой стратификации, разницы статусов и так далее больше, чем в Соединенных штатах.

И еще одна важная характеристика управляющей группы. Граник сообщает, что советские данные показывают, что к 1930 г. была достигнута социальная стабильность. «Статистические данные по этому вопросу, – пишет Граник, – к сожалению, обрываются на 30-х годах. Более того, данные по виду занятости родителей классифицируются только по трем графикам: рабочий, крестьянин и служащий. И все же даже эти данные достаточно показательны. Они демонстрируют, что сын служащего, квалифицированного рабочего или бизнесмена в США имеет в 8 раз больше шансов достичь вершин менеджмента, чем сыновья рабочих, занятых ручным трудом, и фермеров (1952 г.), и в 6 раз больше шансов, чем в Советском Союзе (1936 г.)» (Курсив мой. – Э. Ф.).

Что касается сегодняшнего положения, можно только догадываться. Но высказывание Граника, что тенденция уменьшения социальной мобильности, «вероятно, набрала силу в России на настоящий момент просто потому, что уменьшилась враждебность по отношению к детям служащих», звучит убедительно. Эта классовая стратификация существует несмотря на то, что образование в Советском Союзе абсолютно бесплатное и, кроме того, большинство хорошо успевающих студентов получают стипендии. Это очевидное противоречие, вероятно, до определенной степени объясняется тем, что, многие молодые люди в Советском Союзе не могут продолжать обучение из-за того, что их семьи нуждаются в их заработках». Принимая во внимание очень высокие схолasticкие стандарты русского высшего образования, становится более понятным, что культурная атмосфера в семьях менеджеров предоставляет лучшую подготовку в этом отношении, чем в рабочих и крестьянских семьях.

Поразительный факт – поразительный для тех, кто верит в социалистический характер советской системы, – это то, как сообщает Берлинер, что быть «рабочим» – это «нечто, чего искренне хотят избежать все молодые люди, достигшие высшей школы». Такое отношение к тому, чтобы быть рабочим, конечно не выражается в официальной идеологии, которая превозносит рабочих как истинных хозяев советского общества, и миф о высокой социальной мобильности продолжает существовать в Советском Союзе.

Правильно ли тогда говорить о менеджеральном классе в Советском Союзе? Если использовать концепцию Маркса, то термин «класс» нельзя употребить здесь с достаточным основанием, так как, по Марксу, он относится к социальной группе со ссылкой на ее отношение к средствам производства; другими словами, владеет ли группа капиталом или средствами его добычи

Фрому Эрих Может ли человек преобладать filosoff.org
(ремесленники) или скомплектована из не имеющих собственности рабочих.
Естественно, что в стране, где государство владеет всеми средствами
производства, в этом контексте не существует ни управленческого «класса»,
ни какого другого, и если кто-то использует термин «класс» строго в том
смысле, который был заложен Марксом, он может заявить, что Советский Союз –
бесклассовое общество.

В действительности, однако, это не так. Маркс не предусмотрел, что с
развитием капитализма в нем появится огромная группа менеджеров, которые,
не владея средствами производства, осуществляют управление ими и которые
имеют в среднем высокий доход и высокий социальный статус. Следовательно,
Маркс никогда в своем определении класса не уходил от владения средствами
производства к управлению этими средствами и «человеческим материалом»,
задействованным в процессе производства, распределения и потребления.

В смысле управления Советский Союз – общество с жесткими классовыми
различиями. Отдельно от управленческой бюрократии существуют политическая
бюрократия Коммунистической партии и бюрократия военная. Они делят между
собой престиж, управление и доход. Важно отметить, что они в значительной
степени дублируют друг друга. Большинство менеджеров и высших офицеров не
только являются членами партии, но также часто «заменяют друг друга», т. е.
работая какое-то время менеджерами, они затем вновь становятся партийными
функционерами. По краям трех типов бюрократии находятся ученые и другие
интеллектуалы, артисты, которые хорошо зарабатывают, хотя и не обладают
властью трех основных групп.

Дальнейшие рассуждения пояснят один пункт. Советский Союз в процессе
развития в высоко-индустриализованную систему создал не только новые заводы
и машины, но также новые классы, которые направляют производство и
занимаются администрированием. Эти классы имеют свои собственные интересы,
которые сильно отличаются от тех, во имя которых революционеры взяли власть
в 1917 г. Они заинтересованы в материальных удобствах, в надежности, в
образовании и продвижении своих детей по социальной лестнице, короче
говоря, в том же, в чем заинтересованы соответствующие классы
капиталистических стран.

Продолжающееся существование мифа о равенстве не означает, однако, что факт
возникновения советской иерархии обсуждается в России. Сталин достаточно
откровенно – и, конечно же, всегда цитируя вырванные из контекста
подходящие отрывки из Маркса и Ленина, – еще в 1925 г. предостерегал XIV
съезд: «Мы не должны играть с фразой о равенстве. Это – игра с огнем». Как
отмечал Дойчер, Сталин в последние годы «выступал против «уравнителей»
злобно и ядовито, что предполагало, что он защищает наиболее чувствительную
и уязвимую грань своей политики. Она была столь чувствительна, потому что
высокооплачиваемые и привилегированные менеджеральные группы стали опорой
сталинского режима». Фактически Советский Союз преодолевает ту же проблему,
что и капиталистические страны, а именно: как примирить идеологию
открытого, мобильного общества с нуждами иерархически организованной
бюрократии и как обеспечить престиж и моральное оправдание тем, кто достиг
вершины. Советское решение не слишком отличается от нашего собственного:
оба принципа усиленно подчеркиваются, и предполагается, что отдельная
личность не споткнется о противоречия.

Рост советской промышленности создал не только новый класс менеджеров, но
также растущий класс рабочих, занятых ручным трудом. В 1928 г. 76,5 %
населения было занято в сельскохозяйственном секторе, 23,5 % – в неаграрных
областях; к 1958 г. пропорция составляла 52 % и 48 % соответственно. Но
развитие индустрии требует большего, чем просто рост числа промышленных
рабочих. Требуется также увеличение производительности рабочей силы.
Насколько серьезна эта потребность для Советского Союза, иллюстрируется тем
фактом, что в машиностроительной индустрии, в соответствии с официальным
справочником Госплана, производительность труда в США в 2,8–3 раза выше,
чем в Советском Союзе. Кроме более высокого технологического уровня, одним
из решающих факторов для производительности труда является сама личность
рабочего. Чтобы способствовать развитию более независимого и ответственного
характера, карательные меры были не просто заменены (абсентеизм, бывший при
Сталине позорным преступлением, сейчас является дисциплинарным вопросом,
который должен решаться с менеджментом), но «советская политика в области
труда во многих отношениях двигается к поощрению рвения и эффективности на
работе» (в области выплат и даже увеличении роли рабочих в принятии
ежедневных решений на предприятиях), «однако без фундаментальной узурпации

Роль образования, материального удовлетворения и стимулирования в общем смысле признаны советской иерархией определяющими важными, и государство делает все возможное, чтобы повысить ценность этих факторов и таким образом увеличить производительность труда. Развитие в этом направлении несомненно приведет к тому же, к чему оно привело западные страны. Трудящиеся не только лучше работают, они также в большей степени удовлетворены системой и лояльны по отношению к ней: в одном случае к «капитализму», в другом – к «социализму».

Несмотря на то что разрыв между положением рабочих в обеих системах сокращается, существует различие, не демонстрирующее никаких признаков исчезновения, скорее политическое и психологическое, чем экономическое, – отсутствие независимых рабочих профсоюзов в Советском Союзе. Соответствие по духу русских профсоюзов американским «компанейским профсоюзам», конечно, отрицается советской идеологией. Объяснение заключается в том, что в стране рабочих, где трудящиеся сами «владеют» средствами производства, не нужен вид профсоюзов, необходимый рабочим при капитализме. Но объяснение это по большей части идеологическое. Главное заключается в том, что господство партии и государства над профсоюзами душит дух независимости и свободы и, таким образом, ведет к усилению авторитарного характера советской системы в целом.

3. Образование и мораль

Система образования в Советском Союзе, как и в любой другой стране, служит тому, чтобы подготовить человека к той функции, которую он будет выполнять в обществе. Основная задача – привить те отношения и ценности, которые господствуют в советском обществе. Ценности, внушаемые советской молодежи и гражданам, соответствуют господствующей на Западе морали, хотя и сильно сдвинуты в сторону консерватизма. «Забота, ответственность, любовь, патриотизм, усердие, честность, трудолюбие, предписание не препятствовать счастью другого человека, осознание всеобщих интересов – в этом списке ценностей нет ничего, что не могло бы быть включено в этические законы западной традиции».

Уважение к собственности внушается как уважение к социалистической собственности, подчинение властям, – как национальная и международная солидарность. Что касается сексуальной морали, советский вариант – это консерватизм и пуританство. Семья превозносится как центр социальной стабильности, и любой вид сексуальной неразборчивости сурово осуждается. Поскольку измена партии и советской системе является едва ли не самым тяжелым преступлением с точки зрения советской морали, следующее высказывание покажет сущность этого советского пуританизма. «Комсомольская правда» (апрель 1959 г.) спрашивает, описывая случай супружеской измены: «Сколько же шагов отделяет это от измены в более широком смысле...?». Коммунизм описывается как система «консистентной моногамии», принципиально выступающая против любовных связей, рожденных «распущенностью и ветреностью». В стороне от основной цели советского образования, исполненного сознания долга подчинения отдельной личности требованиям советского общества и его представителей, находится другая – создание соответственного духа трудовой соревновательной морали. Следующее утверждение, принятое Центральным Комитетом комсомола показывает, что даже семья должна служить делу подготовки надлежащих трудовых качеств: «Семья, в которой очевидно наличие подлинной общей убежденности в необходимости культурного роста и домашние обязанности равномерно распределены между всеми членами семьи, должны быть приняты за образец. Необходимо поощрять участие детей, подростков, юношей и девушек в выполнении работы по дому и оценивать это как важную составную часть трудовой подготовки».

Досуг, как и семейная жизнь, должен служить трудовой подготовке. Он не должен служить «праздному наслаждению», но готовить человека к социальной интеграции и развивать в нем лучшие трудовые качества. Это очень удачно выражено в следующем утверждении: «С увеличением свободного времени при социализме каждый трудящийся получил прекрасную возможность повышать свой культурный уровень, увеличивать объем знаний; он может лучше выполнять свои общественные обязанности и расти детей, лучше организовывать свой отдых,

Фрому Эрих Может ли человек преобладать filosoff.org заниматься спортом и т. д. Все это необходимо для всестороннего развития человеческой личности. Одновременно, свободное время... является важнейшим фактором в повышении производительности труда. Именно в этом смысле Маркс называл свободное время величайшей по продуктивности силой, в свою очередь оказывающей влияние на производительность труда. Таким образом, свободное время и рабочее время взаимосвязаны и взаимозависимы». (Здесь необходимо отметить, что эта ссылка на Маркса – циничная фальсификация; Маркс говорил о свободном времени изначально как о подлинном царстве свободы, которое начинается, когда заканчивается работа, и в котором человек может раскрыть свои собственные силы – как цель саму по себе, а не как средство достижения производительности.) Насколько далеко такой советский лидер, как Хрущев, отошел от марксистской концепции социализма, становится совершенно ясно из разговора между ним и президентом Сукарно. Сукарно сформулировал в простой и достаточно правильной форме традиционную социалистическую концепцию: «Индонезийский социализм... направлен на достижение хорошей жизни для всех, без эксплуатации». Хрущев: «Нет, нет, нет. Социализм означает, что каждая минута просчитана, жизнь строится на расчете». Сукарно: «Это – жизнь робота». Ему следовало добавить: и ваше определение социализма в действительности является определением капиталистического принципа.

В некоторых отношениях, как указывал Маркузе, советская мораль похожа на кальвинистскую трудовую этику: обе «отражают необходимость объединения больших масс «отставших» людей в новую социальную систему; необходимость создания хорошо подготовленной, дисциплинированной рабочей силы, способной принять бессрочную рутину рабочего дня с этическими санкциями, производящую все возрастающее, сверх разумного предела, количество товаров, в то время как разумное использование этих товаров для нужд отдельных людей постоянно задерживается обстоятельствами». В то же время, однако, Советский Союз использует самые современные технологии, технику и методы производства и, следовательно, вынужден комбинировать потребность в разумной творческой фантазии, личной инициативе и ответственности с потребностью старомодной, традиционной, трудовой дисциплины. Советская система в своих организационных методах, так же как и в психологических целях, комбинирует (или «складывает подобно телескопу», как удачно говорит Маркузе) старые с очень новыми фазами, и именно это складывание подобно телескопу делает столь трудным для западного наблюдателя понимание ее – не говоря уже о дополнительной сложности, которую эта система выражает в идеологических терминах марксистского гуманизма и философии Просвещения XVIII в.

В то время, как на словах советская идеология признает Марков идеал «разносторонней личности», которая не прикована всю жизнь к одному занятию, советское образование направляет все свои усилия на подготовку – подготовку специалистов на базе тесной кооперации учебы и производства» – и призывает к «усилению связи науки с производством, с конкретными требованиями национальной экономики».

Советская культура сосредоточена вокруг интеллектуального развития, отрицая развитие эмоциональной стороны человеческой личности. Последний из названных фактов находит свое выражение в низком уровне советской литературы, изобразительного искусства, архитектуры и кино. Во имя «социалистического реализма» культтивируется низкий уровень викторианского буржуазного вкуса, и это в стране, которая, особенно в литературе и кино, была когда-то одной из наиболее творческих в мире. В то время как в некоторых традиционных видах искусства, таких как балет и исполнение музыкальных произведений, русские демонстрируют ту же одаренность, которая была присуща им на протяжении многих поколений, виды искусства, связанные с идеологией, особенно литература и кино, не показывают и толики этой креативности. Они наполнены духом крайнего утилитаризма, дешевых призывов к труду, дисциплине, патриотизму и т. д. Отсутствие каких-либо истинных человеческих чувств – любви, печали или сомнений, выдают степень отчуждения, которая вряд ли превышена где-либо в мире. В этих фильмах и романах мужчина и женщина превращены в вещи, полезные для производства и чуждые для самих себя и друг друга. (Остается только посмотреть, приведет ли в конечном счете изменение сталинизма в хрущевизм к видимому улучшению уровня советской культуры, что означает уменьшение степени отчуждения, существующей сейчас; такое развитие видится возможным только в случае, если в социальной системе Советского Союза будут иметь место крайне фундаментальные изменения.)

Возможно, что эти факты могут быть опровергнуты набором других фактов, а именно большим количеством «хорошей» литературы (Достоевский, Толстой,

Фромм Эрих Может ли человек преобладать filosoff.org
Бальзак и др.), которая издается и, по-видимому, читается в Советском Союзе. Некоторые авторы, верящие, что хрущевская система может быть основой, из которой разовьется подлинно гуманный социализм, часто приводят этот аспект советского книгоиздательства в качестве доказательства своих надежд. Если люди пропитаны такой литературой до такой степени, как в Советском Союзе, то, доказывают они, их человеческое развитие будет определяться духом этой литературы. Я не нахожу этот аргумент достаточно убедительным. Только с логической точки зрения население, которое принуждено жить в состоянии постоянно возрастающего отчуждения, испытывает острую нехватку в подлинно человеческом существовании, каким оно представлено в «хорошой» литературе. Но тот факт, что романы Достоевского, Бальзака и Джека Лондона занимают свое место в других странах и культурах, совершенно отличных от советской действительности, делает их высококлассной, далекой от действительности литературой; эта литература удовлетворяет неутолимуюажду истинно человеческого существования, которая остается неудовлетворенной в современной советской действительности, и в то же время абсолютно не связана с этой действительностью, и, следовательно, ей не угрожает.

Если мы хотим провести параллель с явлением западной культуры, нам просто нужно вспомнить, что Библия – все еще самая продаваемая и, по-видимому, самая читаемая книга на Западе и в то же время что она тоже не имеет сколько-нибудь заметного влияния на реальную жизнь современного человека, на его чувства и поступки. Короче говоря, Библия стала литературой, не связанной с жизнью, необходимой, чтобы спасти человека от бездны пустоты, которую открывает перед ним образ его жизни, но без заметного эффекта, потому что между Библией и реальной жизнью нет никакой связи.

Глава III. Является ли мировое господство целью советского союза?

Политика и общественное мнение в Соединенных Штатах базируются на предпосылках, что Советский Союз является: 1) социалистическим государством и 2) революционной и/или империалистической системой, нацеленной на покорение мира. Каждая из этих предпосылок требует детального исследования. В то же время внимание должно быть обращено на связь между внутренней социальной структурой Советского Союза и его революционной и/или империалистической направленностью на мировое господство.

I. ЯВЛЯЕТСЯ СОВЕТСКИЙ СОЮЗ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ СИСТЕМОЙ?

Если верить лидерам Советского Союза, «Союз Советских Социалистических Республик» – является социалистическим не только по названию, но и по сути. Уже в 1936 г. Сталин провозгласил «окончательную победу социализма во всех сферах народного хозяйства», и в настоящее время советская идеология утверждает, что Советский Союз стремительно движется к претворению в жизнь коммунизма. (Характеризующегося известным изречением Маркса: «От каждого по возможностям, каждому по потребностям».)

Ответить на вопрос о социалистическом характере Советского Союза можно, только сравнив видение социализма Марксом и действительность советской системы. Какие логические основания есть у советских лидеров, от Сталина до Хрущева, чтобы называть их систему социализмом? Они делают это заявление исключительно на основе своего толкования Маркса социализма, в котором определяющими для социалистического общества считаются два фактора: «социализация всех средств производства» и плановая экономика. Но социализм в понимании Маркса или, коли на то пошло, в видении Оуэна, Гесса, Фурье, Прудона и т. д., не может быть определен таким образом.

В чем же была суть идеи Маркса и марксистского социализма? Сбивает с толку, почему же теория Маркса фальсифицирована и очернена не только невеждами, но и многими из тех, кто мог и должен был лучше разбираться в этом вопросе. Как точно отметил это Роберт Л. Хейльбронер, наши общественные газеты и книги «затушевывают тот факт, что литература социалистического протеста – одна из самых подвижных и ищущих в моральном плане среди всех летописей человеческой надежды и отчаяния. Отделаться от этой литературы, оставив непрочитанной, очернить ее, даже приблизительно не понимая, что она

Фрому Эрих Может ли человек преобладать filosoff.org
представляет, не просто ужасно, но и опасно глупо».

Понимание Маркса уже в самом начале блокируется одним из самых распространенных и совершенно ошибочных стереотипов – «материализмом» Маркса. Предполагается, что этот материализм означает, что основной мотивацией человека является его желание материальной наживы в противовес духовным, этическим и религиозным ценностям. Но весьма парадоксально, что те, кто нападает на Маркса за этот приписываемый ему материализм, превозносят капитализм в сравнении с социализмом, заявляя, что только денежный стимул может являться достаточно сильной мотивацией для человека, чтобы признать свое превосходство, на самом же деле теория Маркса изначально стоит в оппозиции к этому приписываемому ему материализму. Главным в его критике капитализма было то, что эта система в первую очередь требует экономической и материальной мотивации, и в его концепции социализм является обществом, которое благосклонно к людям, живущим в полном смысле этого слова, а не имеющим больше. Марков исторический материализм вообще не говорит об экономическом факторе как о психологической мотивации. О нем говорится как о социоэкономическом условии, которое ведет к определенному образу жизни и, таким образом, формирует человеческий характер. Его отличие от идеализма Гегеля (идеализм и материализм – философские термины и не имеют ничего общего с разницей между идеалистической и материалистической мотивациями, как это должно быть известно любому студенту высшей школы) состоит в том, что «...мы не отталкиваемся ни от того, что человек воображает, представляет себе, ни от того, что о человеке рассказывается, думается, воображается, представляется, для того чтобы понять человеческую сущность. Мы отталкиваемся от реальных, активных людей, и на основе процесса их реальной жизни демонстрируем развитие идеологических рефлексов и отголосков этой жизни». Или, как он это выразил где-то в другом месте: «Какова жизнедеятельность индивидов, таковы они и сами. То, что они собой представляют, совпадает, следовательно, с их производством – совпадает как с тем, что они производят, так и с тем, как они производят. Что представляет собой индивид – это зависит, следовательно, от материальных условий их производства». Открытие Маркса заключалось в том, что образ жизни в том виде, в котором он определяется экономическими системами, определяет чувства и мышление человека. В соответствии с этой точкой зрения какая-то система может благоприятствовать развитию материалистических усилий; другая система ведет к преобладанию аскетических тенденций.

Главным убеждением Маркса, как и Гегеля, было достигшее высшей точки развитие человеческих потенциальных возможностей, то, что Гегель выразил, как «перевод себя из мрака возможности в свет действительности». Человек, как учил Маркс, развивает свой потенциал в процессе истории. Ему следует быть тем, кем он может быть, тем, кем еще не является. В современном индустриальном обществе человек, по Марксу, достиг пика отчуждения. В процессе производства отношение рабочего к своей собственной активности существует как нечто «не относящееся к нему. В то время как человек, таким образом, становится чуждым самому себе, продукт труда становится «чуждым объектом, господствующим над ним». Трудящийся существует для процесса производства, а не процесс производства для трудящегося». Не только вещи, производимые человеком, становятся его повелителями, но также социальные и политические обстоятельства, которые он создает. «Это консолидирование нашего собственного продукта в какую-то вещественную силу, господствующую над нами, вышедшую из-под нашего контроля, идущую вразрез с нашими ожиданиями и сводящую на нет наши расчеты, является одним из главных моментов в предшествующем историческом развитии». Тот человек, который всесторонне развит, тот человек, который является субъектом, а не объектом истории, тот человек, который перестанет быть «уродливым чудовищем и станет полноценным человеческим существом», и есть, в соответствии с Марксом, цель социализма.

Цель человека, в концепции Маркса, независимость и свобода. «Существо, – говорит он, – не воспринимает себя независимым, пока не является хозяином самому себе, и только тогда оно им становится, когда отвечает за свое существование перед самим собой. Человек, живущий в угоду другому, считает себя зависимым существом». Как полагал Маркс, человек независим только тогда, когда он «полностью принимает свое существование во всем его многообразии, и таким образом, как полноценный человек. Все его человеческие связи с миром – зрение, слух, обоняние, осязание, чувство вкуса, мышление, наблюдательность, чувствование, желание, деятельность, любовь, – короче говоря, все органы его личности... являются... восприятием человеческой действительности. Частная собственность сделала нас столь

Фромм Эрих Может ли человек преобладать filosoff.org глупыми и пристрастными, что предмет является нашим, только если мы владеем им, когда он существует для нас в роли капитала, когда его можно съесть, выпить, носить, можно в нем жить и т. д., короче говоря, использовать каким-то способом... Таким образом, все физические и интеллектуальные чувства были заменены простым отчуждением всех этих чувств – чувством обладания. Человек должен был быть опущен в эту абсолютную нищету, чтобы обрести возможность дать рождение всему своему внутреннему богатству».

Марксова идея полной самореализации человека подразумевает, что эта самореализация может произойти лишь во взаимосвязи человека с внешним миром, природой, с другим человеком и в отношениях мужчины и женщины. Социализм для Маркса – что П. Тилих обозначил как «движение сопротивления против разрушения любви в общественной действительности» – становится особенно понятным из следующего отрывка: «Предположим теперь человека как человека и его отношение к миру как человеческое отношение: в таком случае ты сможешь любовь обменивать только на любовь, доверие только на доверие и т. д. Если ты хочешь оказывать влияние на других людей, то ты должен быть человеком, действительно стимулирующим идвигающим вперед других людей. Каждое из твоих отношений к человеку и к природе должно быть определенным, соответствующим объекту твоей воли, проявлением твоей действительной индивидуальной жизни. Если ты любишь, не вызывая взаимности, т. е. если твоя любовь не порождает ответной любви, если ты своим жизненным проявлением в качестве любящего человека не делаешь себя человеком любимым, то твоя любовь бессильна, и она – несчастье».

Продуктивная, свободная, независимая, любящая личность – таково было видение человека Марксом. Он не был озабочен максимальным производством и потреблением, хотя он был сторонником того, чтобы сделать возможным для каждого достижение экономического уровня, являющегося основой достойной человеческой жизни. Сначала он также не был обеспокоен вопросом уравнивания доходов, хотя и был против такого неравенства, которое мешает людям одинаково наслаждаться основными радостями жизни. Главное убеждение Маркса было связано с освобождением человека от того вида работы, который разрушает его индивидуальность, превращая в вещи, выведением его из состояния рабского подчинения вещам, им же созданным.

Концепции Маркса берут начало в «пророческом мессианстве, в индивидуализме Ренессанса и в просвещенном гуманизме. Философия, лежащая в основе его концепции, – это философия активной, продуктивной, связной личности, философия, которую наилучшим образом представляют имена Спинозы, Гете, Гегеля.

То, как идея Маркса была деформирована и искажена, превращена практически в свою противоположность и коммунистами, и противниками социализма из капиталистического лагеря, является отличным – хотя отнюдь не единственным – примером человеческой способности извращать факты и мыслить иррационально. Однако чтобы понять, представляют ли Советский Союз и Китай марксистский социализм и чего действительно можно ожидать от подлинно социалистического общества, важно осознать то, что имел в виду Маркс.

Сам Маркс не считал бы Советский Союз и Китай социалистическими государствами. Это следует из следующего высказывания: «Этот (вульгарный) коммунизм, который отрицает человеческую личность в любой социальной сфере, лишь логическое выражение частной собственности, которая и есть это отрицание. Всеобщая зависть, возвысившаяся как сила, является лишь закамуфлированной формой алчности, которая сама восстанавливается и удовлетворяет себя различными способами. Мысли, сопутствующие индивидуальной частной собственности, по крайней мере направлены против более обширной частной собственности, в форме зависти и желания сократить все до общего уровня; таким образом, эта зависть и разбиение на уровни и составляют сущность конкуренции. Сырой, незрелый коммунизм – лишь кульминация этой зависти и уравниловки по принципу снижения до заранее определенного минимума. В какой малой степени эта отмена частной собственности исполняет свое истинное предназначение, показывают трудное для понимания отрицание целого мира культуры и цивилизации и регресс к противоестественной непрятательности бедной и лишенной желаний личности, которая не только не превосходит частную собственность, но даже не добивается этого. Это сообщество – всего лишь сообщество по работе и равенству зарплаты, выплачиваемой из средств сообщества сообществом же как универсальным капиталистом. Две стороны отношений воздвигают здание предполагаемой универсальности: труд, как состояние, в котором пребывает

Фрому Эрих Может ли человек преобладать filosoff.org
каждый, и капитал, как признанная универсальность и сила сообщества».

Кто угодно, но только не Маркс, верил в отрицание личности и в то, что социализм означает всеобщую уравниловку. Его ошибки имеют различное происхождение, но не имеют ничего общего с недооценкой индивидуальности. Он недооценивал запутанность и силу человеческих иррациональных страстей и его готовность принять системы, которые могут освободить его от ответственности и груза свободы. Он недооценивал способность капитализма восстанавливать свои силы и огромное количество форм, в которые эта система может эволюционировать и таким образом предотвращать неизбежные, катастрофические, как считал Маркс, последствия своих внутренних противоречий. Другая ошибка Маркса заключалась в том, что он не мог в достаточной степени освободиться от той определяющей важности, которую мышление XIX в. придавало законной собственности. Законное владение тогда соответствовало управлению и контролю со стороны общества. Следовательно, Маркс заключал, что если законная собственность будет отобрана у работающего на себя капиталиста и перейдет к обществу, то рабочие будут управлять своими собственными делами. Он не понимал, что изменение во владении может быть только изменением в области управления, от владельцев к бюрократии, действующей от имени акционеров или государства, и что это изменение может иметь незначительное (либо не иметь вообще) влияние на реальное положение рабочих внутри системы производства.

Поколения спустя национализированные отрасли промышленности в Англии, Франции и России наглядно показали это. Теоретически социалистическая организация в Англии, теоретически и на практике югославские коммунисты осознали двусмысленную сущность государственной собственности и построили систему, основанную на владении и управлении заводов рабочими, а не государственным и бюрократическим аппаратом.

Как я отмечал ранее, с нарастающим развитием капитализма не только экономические, но и психологические, духовные, гуманные цели социализма были заменены целями победоносной капиталистической системы – целями максимальной экономической эффективности, максимального производства и потребления. Эта ошибочная интерпретация социализма как чисто экономического движения, принимающая национализацию средств производства за самоцель, имела место и в правом, и в левом крыле социалистического движения. Изначальной целью лидеров-реформистов социалистического движения в Европе было поднятие экономического статуса рабочего внутри капиталистической системы. Для них самой радикальной мерой в этом направлении являлась национализация некоторых крупных отраслей промышленности. Лишь недавно пришло понимание того, что национализация предприятий сама по себе не является реализацией социализма и что быть под управлением бюрократического аппарата, назначенного обществом, для рабочего практически то же самое, что и управляться кем-то лично назначенным бюрократом. Лидеры Советского Союза также оценивали социализм по капиталистическим стандартам, и их принципиальным требованием к советской системе является принцип, что «социализм» может производить больше и работать эффективнее, чем «капитализм».

Оба крыла социализма забыли, что Марксставил целью общество, отличное в человеческом плане, а не просто более процветающее; Его концепция социализма, несмотря на изменения в его собственном мышлении, в принципе подразумевала общество, в котором каждый гражданин будет активным и ответственным членом общества, участвующим в управлении всеми социальными и экономическими механизмами, а не – как в современной советской практике – «цифрай», которая накачивается идеологией и управляемая ничтожным бюрократическим меньшинством. Для Маркса социализм был управлением общества снизу, его членами, а не сверху, бюрократией. Советский Союз может быть назван государственным капитализмом или как-то еще; но только одному определению эта менеджериальная, бюрократическая система не может соответствовать – «социализму», как понимал его Маркс. Не может быть дано лучшего ответа чем утверждение Шумпетера, что «между истинным значением послания Маркса и практикой и идеологией большевизма такая же пропасть, какая разделяла религию смиренных галилеян и идеологию кардиналов или воителей средневековья».

В то время как советская система заимствовала концепцию национализации средств производства и всеобщего планирования из марксистского социализма, она ничуть не меньше разделяла многие черты современного капитализма.

Развитие капитализма в XX в. привело ко все более возрастающей централизации в промышленном производстве. Крупные корпорации все больше и больше становятся центрами производства металлургической, автомобильной, химической, нефтяной, пищевой отраслей промышленности, банковского дела, кино и телевидения. Только в некоторых ветвях производства, например в текстильной промышленности, мы все еще видим картину XIX в. – огромное количество мелких и остро конкурирующих предприятий. Большинство предприятий управляет сегодня огромными бюрократическими аппаратами с иерархической структурой, которые ведут дела предприятия в соответствии с принципами максимизации прибыли и относительно независимы от миллионов акционеров, которые являются законными владельцами. Такая же централизация присутствует и в правящих кругах, военных силах и даже в научных исследованиях.

В то время как «частные предприятия» в идеологическом плане преуменьшают значение всех социалистических тенденций, значительно проще принимать большие – прямые и косвенные – дотации от государства. Это же привело к важным изменениям в отношении свободного рынка и свободной конкуренции. Свободный рынок и свободная конкуренция в том смысле, в котором они понимались в XIX в., – явления, оставшиеся в прошлом.

Даже несмотря на то, что западные системы сохранили некоторую долю конкуренции, нескрываемые и тайные ценовые соглашения между крупными корпорациями, государственные дотации и т. д. (несмотря на антимонопольное законодательство в Соединенных Штатах) сильно ограничивают конкуренцию и роль свободного рынка. Представьте на минуту, что тенденция к централизации развивается дальше и что в конце концов будет существовать одна огромная корпорация, производящая, соответственно, автомобили, сталь, фильмы и т. д., картина «капиталистической» экономики будет не так уж сильно отличаться от социалистической экономики России. Конечно, существует все усиливающийся элемент государственного планирования в западном капитализме, не только посредством крупномасштабного государственного вмешательства, но также в том смысле, что Государственная комиссия по атомной энергии – самое крупное промышленное предприятие в Соединенных Штатах, и что военная промышленность, хотя и находится в частной собственности, производит огромное количество оружия по государственному заказу. Это, однако, не означает, что в Соединенных Штатах, за исключением оружейного производства, существует всеобщее планирование или даже план перехода военной промышленности к мирной экономике.

Метод производства современного капитализма – это крупные конгломераты рабочих и клерков, которые трудятся под руководством менеджеральных, бюрократических аппаратов. Они являются частью громадной производственной машины, которая, чтобы вообще работать, должна работать ровно, без трения, без остановок. Отдельный рабочий или служащий становится гайкой в этом механизме, его функции и действия определяются всей структурой организации, в которой он трудится. В крупных предприятиях законное владение средствами производства отделяется от управления и теряет свое значение. Менеджеры лишены качеств былых владельцев – личной инициативы, смелости, способности рискнуть, зато у них есть качества, присущие бюрократам, – недостаток индивидуальности и воображения, безликий, осторожность. Они управляют вещами и людьми и относятся к людям так же, как к вещам. Гигантские корпорации, которые управляют экономической – и в большой степени политической – судьбой страны, определяют процесс, сильно отличающийся от демократического; они представляют собой власть, не контролируемую теми, кем они правят.

Помимо промышленной бюрократии подавляющее большинство населения управляет другими бюрократическими аппаратами. Во-первых, существует государственная бюрократия (включая военную), которая влияет на жизни миллионов людей, направляет их в той или иной форме. Все больше и больше индустриальная, военная и правительственные бюрократии переплетаются как в своих действиях, так и в составе. С дальнейшим развитием крупных предприятий профсоюзы превратились в большие бюрократические машины, в которых голос отдельного человека практически ничего не значит. Многие профсоюзные лидеры являются менеджеральными бюрократами, так же как и шефы индустрии.

Все эти бюрократические аппараты имеют вид, весьма отдаленно напоминающий нормальный; и благодаря особой природе бюрократической администрации это так и должно быть. Они функционируют скорее как электронные компьютеры, в

Фрому Эрих Может ли человек преобладать filosoff.org которые загружены все данные и которые – в соответствии с определенными принципами – «принимают решения». Если человек превратился в вещь и управляет подобно вещи, менеджеры сами становятся вещами, а у вещей нет воли, нет мечты, нет замыслов.

С появлением бюрократического управления людьми демократический процесс превращается в ритуал. Собрание ли это акционеров или политические выборы, или профсоюзное собрание, отдельный человек практически теряет возможность активно участвовать в принятии решения. Особенно в политической сфере выборы все больше и больше нисходят до уровня плебисцитов, во время которых избиратель может выразить предпочтение одному из двух занесенных в список профессиональных политиков. Лучшее, что можно сказать в защиту этого, это то, что им управляют с его собственного согласия. Но способы, которые используются для получения этого согласия, – внушение и манипуляция, и при всем этом наиболее фундаментальные решения – в сфере внешней политики, включающей войну и мир, – принимаются маленькими группами, о которых средний гражданин вряд ли даже имеет представление!

Отдельным человеком управляют и манипулируют не только в сфере производства, но также в области потребления, которая, как утверждают, является той сферой, где может найти выражение человеческая свобода выбора. Является ли это потреблением продуктов питания, одежды, напитков, сигарет или кинофильмов и телепрограмм, могущественный аппарат внушения работает в направлении двух целей: во-первых, постоянно увеличивать аппетит на новые предметы потребления и, во-вторых, направлять эти аппетиты в выгодное для промышленности русло. Предельный размер инвестирования капиталов в индустрию производства потребительских товаров и конкуренция между небольшим количеством гигантских предприятий делают невозможным пустить потребление на самотек или оставить потребителю возможность свободно решить, хочет ли он что-либо купить и что именно. Его аппетиты должны постоянно разжигаться; его вкусами необходимо манипулировать, управлять ими, их нужно делать предсказуемыми. Человек трансформируется в «потребителя», вечно голодного, чье единственное желание – потреблять больше вообще и «более хорошие» вещи.

Советский Союз служит западному индустриальному обществу предостережением того, куда мы можем прийти, если будем продолжать двигаться в сегодняшнем направлении. Мы развили на Западе индустриальный менеджериализм и сопутствующего ему человека организации; Россия, перепрыгнув через средний этап, на котором все еще находимся мы на Западе, довела это развитие до логического конца – под лозунгами марксизма и социализма. Национализация (запрещение частной собственности на средства производства) не является отличительной особенностью «социализма» и «капитализма». Это просто техническая схема для более эффективного производства и планирования. Советская система – эффективная, полностью централизованная система, управляемая промышленной, политической и военной бюрократиями; это скорее завершенная «менеджериальная революция», чем социалистическая революция. Советская система – не противопоставление капиталистической системе; это то, во что разовьется капитализм, если мы не вернемся к принципам западной традиции – гуманизму и индивидуализму.

Если концентрированное владение собственностью, бюрократическое управление процессом производства и манипулирование потреблением – необходимые элементы капитализма XX в., отличие от советского коммунизма представляется скорее в степени, чем в качестве. Если капитализм, как выразился Кейнс, может выжить только при значительной степени социализации, можно заявить с равной обоснованностью, что советская система выжила благодаря значительной степени капитализации. Фактически и советская, и западная системы сталкиваются с теми же проблемами индустриального и экономического роста в высокоразвитом, централизованном, менеджериальном обществе. Обе эти системы используют методы менеджериального, бюрократического управления обществом, характеризующегося возрастающей степенью человеческого отчуждения, групповой адаптации и преобладанием материальных интересов над духовными; они обе создали человека организации, который управляет бюрократическими аппаратами и машинами и все еще верит в то, что преследует возвышенные цели гуманистических идеалов.

Схожие стороны советской системы и «капитализма» были ярко продемонстрированы в представлении классовой стратификации и целях советской системы образования; сравнение, которое показывает, что во многих отношениях советская система походит на капиталистическую систему XIX в.,

Фромм Эрих Может ли человек преобладать filosoff.org

хотя в то же время она более современна и «продвинута», чем западная. Схожесть этих сторон станет даже очевидней, если мы учтем один фактор, который заключается в том, что, с западной точки зрения, краеугольным камнем капитализма являются денежные стимулы. Какие же данные есть о стимулах, существующих в Советском Союзе?

Что касается рабочих в России, стимулом являются наличные деньги. Действие этого стимула осуществляется двумя путями. Во-первых, это тот факт, что зарплата по большей части основывается на принципе сдельности. Размер зарплаты «фиксирован для определенного требуемого выпуска продукции трудающимся определенной специальности. Если рабочий выполняет норму, система стимулирования предоставляет ему возрастающую оплату, чтобы компенсировать увеличение производительности. Для трудящегося, который превышает норму на 1–10 %, компенсация достигает в долевой пропорции 100 %». Если он перекрывает норму в два раза, его месячный заработок также удваивается относительно зарплаты. Вторым денежным стимулом для рабочих являются премии, которые выплачиваются из прибыли предприятия. «Во многих случаях премии составляют большую часть годового дохода рабочего в России».

Что касается советских менеджеров, главным стимулом является премиальная выплата за перевыполнение плана.

«Размер дохода, заработанного в виде премий, весьма значителен. В 1947 г. управляющий персонал сталелитейной промышленности получил премий в среднем в размере 51,4 % от основного дохода. В пищевой промышленности, которая занимает по этим показателям последнее место, – 21 %. Поскольку это усредненные показатели, многие отдельные менеджеры заработали значительно больше. Премии таких размеров должны на самом деле являться могущественным стимулом». Символ статуса и размер трат также стали, по Джэвитсу, важными стимулами для советского менеджера. Подводя итог, Берлинер утверждает, что «личная выгода была на протяжении последних 25 лет основным принципом системы стимулирования управляемого персонала», и «мы с уверенностью можем сказать, что, по крайней мере, несколько следующих десятилетий личная выгода будет ведущим экономическим стимулом в обеих (американской и российской) системах».

Для крестьян деньги также являются одним из главных экономических стимулов. «Существует один стимул, – отмечает Джэвитс, – который парадоксален постольку, поскольку он показывает ослабление государственного стимулирования Советами, с одной стороны, и продолжающееся экспериментирование Соединенными Штатами – с другой. Это относится к широко разрекламированному призыву заняться сельским хозяйством в Соединенных Штатах – с предлагаемым высоким личным доходом фермера за счет государства... В Советском Союзе... после продажи обязательной части урожая правительству членам колхозов разрешено продавать излишки зерна населению на основе принципа спроса и предложения. Эта область советской экономики, пожалуй, единственная, где можно обнаружить свободный рынок».

Россия – спокойное реакционное, богатое государство; мы – спокойное либеральное, богатое государство. Но предполагается, что положение вещей в Советском Союзе будет медленно меняться. Очевидно, что чем больше Советский Союз будет удовлетворять материальные потребности своего населения, тем менее ему будут необходимы методы полицейского государства. Советская система будет склоняться к тем же средствам, что используются на Западе: методы психологического внушения и манипулирования, которые предлагаютциальному человеку иллюзию, что у него есть свои собственные убеждения, которым он следует, в то время как в действительности «его» решения создаются элитой «принимающих решения».

Русские верят, что они представляют социализм, потому что говорят на языке марксистской идеологии, и они не осознают, насколько их система похожа на одну из наиболее развитых форм капитализма. Мы на Западе верим в то, что представляем систему индивидуализма, личной инициативы, гуманистической этики, потому что мы держимся за нашу идеологию и не видим, что наши институты на самом деле все больше и больше походят на ненавистную коммунистическую систему. Мы верим, что сущность коммунистической системы в России – подчинение отдельной личности Государству, и, следовательно, она не свободна. Но мы не признаем, что в западном обществе отдельный человек все более и более подчиняется экономической машине, большой корпорации, общественному мнению. Мы не осознаем, что отдельная личность, сталкиваясь с гигантским предприятием, гигантским правительством, гигантскими

Фрому Эрих Может ли человек преобладать filosoff.org профсоюзами, боится свободы, не верит в свои силы и ищет укрытия в установлении тождественности с этими гигантами.

Наш метод организации промышленности также нуждается в людях, таких же, какие необходимы советской системе: людях, которые ощущают себя хозяевами своего общества (это одинаково утверждают и социализм, и капитализм), но в то же время хотят, чтобы ими управляли, хотят делать то, что от них ждут, виться в общественную машину без трения, и кого можно вести без применения силы, кем можно руководить без руководителей, побуждать, не выдвигая никакой цели за исключением одной – приносить пользу, быть в движении, стать первым. Мы пытаемся добиться этих результатов посредством идеологии свободного предпринимательства, личной инициативы и т. д.; русские – идеологией социализма, солидарности, равенства.

Итак, вопрос, является ли советская система социалистической, получил отрицательный ответ. Мы сделали вывод, что это – государственный менеджерализм, использующий самые передовые методы тотальной монополизации, централизации, манипулирования массами и медленно продвигающийся в осуществлении этого манипулирования от методов насилия к методам массового внушения. Он, все еще сохраняя социализм в некоторых своих проявлениях и свое особое противоречие в социальном и человеческом плане, в действительности повторяет тенденции наиболее развитых капиталистических стран, что обеспечивает сохранение прежнего курса. Это очень успешная в экономическом плане система, хотя она не благоприятствует развитию подлинных свободы и индивидуализма; в ней присутствуют многие черты планирования и общественного благосостояния, которые можно отнести к позитивным достижениям.

II. ЯВЛЯЕТСЯ ЛИ СОВЕТСКИЙ СОЮЗ РЕВОЛЮЦИОННО-ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ СИСТЕМОЙ?

Тезис, что целью Советского Союза является мировое господство, основан на двух предположениях. Основное заключается в том, что Хрущев, будучи коммунистом и преемником Ленина, хочет революционизировать мир для победы коммунизма. Добавочное предположение состоит в том, что Хрущев как наследник царизма является лидером русского империализма, цель которого – мировое господство. Иногда эти два предположения комбинируются, иногда даже заявляется, что несерьезно «обсуждать, 'действительно ли' Советский Союз заинтересован в мировом господстве ввиду того, что советская система безопасности в результате приведет к разрушению других государств». Более того, существуют различные мнения насчет того, как Советский Союз хочет достичь мирового господства. До последнего времени преобладала – и, вероятно, все еще преобладает сейчас – точка зрения, что Советский Союз хочет покорить мир силой оружия, хотя в свете мирных жестов России последнее предположение трансформируется. Оно теперь утверждает, что, если и не насильственно, Советский Союз хочет достичь мирового господства экономическими средствами и ненасильственным подчинением.

Давайте же обсудим различные точки зрения на советский курс на достижение мирового господства и исследуем обоснованность аргументов в защиту этого тезиса.

1. Советский Союз как революционная держава и роль Коминтерна

Старейший и, наверно, все еще самой популярной концепцией является преемственность режимов Ленина – Сталина – Хрущева и соответствие советской державы коммунизму 1917–1921 гг. сорок лет спустя. Действительно, если бы Хрущев являлся легитимным наследником Ленина и коммунистом, в марксистско-ленинском понимании, его основным интересом было бы распространение коммунизма по всему миру, так как, без сомнения, Ленин надеялся и трудился во имя интернациональной революции и победы коммунизма – не в отдельно взятом российском государстве – во всем мире.

Но, как я пытался показать ранее, Сталин и Хрущев, вся их идеология не представляют революционный коммунизм. Они, напротив, представляют консервативный тоталитарный менеджерализм и класс, доминирующий в этой

Фромм Эрих Может ли человек преобладать filosoff.org
системе. Возникает вопрос, могут ли быть представители этой системы и этого класса революционерами и коммунистами – могут ли они желать революций в других странах (или просто симпатизировать им), дух которых противоречил бы духу, господствующему внутри России.

Ответ на этот вопрос зависит от политического предположения более общего характера, а именно, внутренняя структура режима определяет его отношение к революциям. Консервативной державе нет пользы, по причине ее особой природы, от революционных движений за рубежом. Во-первых, лидеры консервативной державы – это люди, которые правят, основываясь на власти и повиновении, а революции – это движения, борющиеся против власти и повиновения. Те, кто приходит к власти в консервативной системе, лично не симпатизируют антиавторитарным отношениям. Более важен, однако, тот факт, что революции в других странах, особенно если они не слишком далеки (в географическом и культурном плане), представляют опасность для консервативных держав. Конкретно же это означает, что, если бы произошли рабочие революции, например, в Берлине, Западной Германии, Франции, Италии, советская бюрократия встала бы перед сложной задачей сдерживания распространения этих революций на Восточную Германию, Польшу, Венгрию и т. д. В лучшем случае советскому режиму опять пришлось бы использовать танки и пулеметы, как они использовались против восстаний в этих странах, чтобы подавить выступления революционно настроенных рабочих. Может ли все это понравиться и нравится ли Хрущеву?

Мой тезис, что Советский Союз, будучи консервативной, иерархической системой выступает против революций, сперва поразит многих читателей не намного меньше, чем абсолютная нелепица. Они будут думать о надежде Ленина и Троцкого на мировую революцию, о декларациях Сталина и Хрущева о «победе коммунизма» и о завоевании Балтийских государств, Польши, Болгарии, Чехословакии и Румынии Россией. Как, следовательно, будут утверждать они, кто-либо может считать хрущевизм нереволюционной системой в свете всех очевидных доказательств обратного?

Чтобы ответить на этот вопрос, давайте проследим, шаг за шагом, изменения от существования подлинной надежды на мировую революцию, которая руководила Ленинским и его соратниками, к трансформации коммунистических партий в инструмент внешней политики Сталина.

Всегда существовала двойственность в отношениях России и международного коммунистического движения. Но природа этой двойственности решительно изменилась в период между 1917 и 1925 гг. Как я уже отмечал, Ленин и Троцкий верили, что только революция в Германии (или Европе) может спасти русскую революцию. Их внешняя политика была подчинена их революционным целям, но когда осуществление германской революции потерпело крах и Россия осталась единственной коммунистической страной, она стала символом и центром коммунистических надежд. Выживание стало само по себе целью коммунистической России, хотя все еще верилось, что выживание России необходимо для окончательной победы коммунизма. Таким образом, если проницательней взглянуть на вещи, интересы зарубежных коммунистических партий начали подчиняться интересам советской внешней политики.

Эта тенденция получила свое развитие начиная с 1920 г. После того как исчезла угроза гражданской войны и союзной интервенции, были осуществлены первые попытки установления торговых контактов с Западом, и интересы выживания России были поставлены выше интересов мировой революции. Чичерин призвал правительства союзнических держав к началу мирных переговоров, и он, и Радек заявляли в первую очередь, что капиталистические государства и Советская Россия могут мирно сосуществовать, как, например, «либеральная Англия не боролась постоянно против крепостнической России». Но поддержанная Францией польская атака против России и первоначальные успехи России положили конец этому первому проявлению надежды на мирное сосуществование. Вместо этого эти события привели к кульминации революционных надежд Ленина. Как я уже отмечал, разочарование в этих надеждах было в сущности концом революционной стратегии Москвы на Западе.

1921 и 1922 гг. безошибочно обозначили этот конец. В 1921 г. восстание германских коммунистов было подавлено, Ленин ввел новую экономическую политику, заключил торговое соглашение с Великобританией и подавил Кронштадтское восстание. Ленин и Троцкий не оставили революционных надежд, но они осознали поражение. Первый раз в истории Коминтерна немецкими и итальянскими коммунистами и левыми социалистами было озвучено подозрение,

Фромм Эрих Может ли человек преобладать filosoff.org
что существует скрытое противоречие между интересами России и Коминтерна и
входящими в него на правах членов партиями.

Один из первых признаков подчинения коммунизма внешней политике России может быть замечен в новом курсе Коммунистической партии Германии (КПГ) в период заключения Рапалльского договора. Хотя до того момента КПГ заявляла о своей поддержке буржуазного правительства Германии (доказательством этого" может служить ее пассивное отношение к реакционному капповскому путчу), в период между летом 1921 г. и заключением Рапалльского договора в апреле 1922 г. развился новый подход. Коммунисты поддержали договор в рейхстаге, и «Роте Фане» провозгласила это «первой независимой внешнеполитической акцией германской буржуазии с 1918 г.». Эти события означали, пишет Кэрр, «что среди самых передовых коммунистических партий мира подход и политические тенденции менялись в соответствии с тем, в каких, враждебных или дружественных, отношениях правительства соответствующих стран были с советским правительством, и модифицировались время от времени, принимая во внимание изменения в этих отношениях. Потребовалось долгое время для окончательного развития этой следственной связи, и, конечно, она до конца не осознавалась теми, кто заключал договор Рапалло весной 1922 г.». Через шесть месяцев после заключения этого договора советское правительство сделало вторую попытку вернуть себе ранг мировой державы, поддержав турок на конференции в Лозанне; преследование коммунистов в Турции не послужило препятствием для русско-турецкой дружбы.

К 1922 г. крах революционных надежд был признан открыто. Радек заявил на IV Конгрессе Коминтерна (ноябрь-декабрь 1922 г.): «Отличительной чертой времени, в котором мы живем, является то, что, хотя вопрос власти все еще остается самым центральным из всех прочих вопросов, широчайшие слои пролетариата потеряли веру в способность завоевания власти в обозримом будущем... Если ситуация такова, если подавляющее большинство рабочего класса чувствует себя бессильным, тогда завоевание власти, как немедленная задача, на повестке дня не стоит». Речи Ленина и Зиновьева хотя и не были столь решительно пессимистичными, звучали в том же минорном ключе.

То, что произошло к 1922 г., понятнее для историка сегодня, чем тогда для участников событий. Надежда на мировую революцию потерпела крах. Так же как Маркс и Энгельс в середине XIX в. недооценивали жизнеспособность капитализма, так и Ленин с Троцким в период между 1917 и 1922 гг. не смогли понять, что большинство рабочих на Западе не откажется от экономических и социальных преимуществ, предоставленных им капиталистической системой, ради неспокойного и опасного пути социалистической революции.

Сперва, в 1921 и 1922 гг. революционное отступление было сделано Лениным и другими лидерами честно. Они совершили отступление в стратегических целях, надеясь, что через некоторое время в будущем возникнет новая революционная ситуация. Но с болезнью и смертью Ленина, постепенным отлучением Троцкого от власти, восхождением Сталина отступление превратилось в откровенный обман. Хотя, вероятно, не существует отдельной точки в истории, в которой это изменение можно было бы увидеть, его развитие можно проследить с достаточной ясностью в последовательности событий начиная с Рапалльского договора в 1922 г. и заканчивая пактом с Гитлером в 1939 г.

После путча в Германии в 1923 г., в результате которого «престиж коммунистов вновь пострадал, и на этот раз уже непоправимо», точка зрения Сталина на превалирование национальных интересов России над революционными интересами коммунистических партий возобладала окончательно и бесповоротно. Он никогда не уважал зарубежные коммунистические партии и неоднократно выражал это неуважение. «Коминтерн ничего из себя не представляет. Он существует только благодаря нашей поддержке», – сказал он Ломинадзе в 20-х годах. Такое же отношение проявилось много лет спустя, когда он заявил польскому лидеру Миколайчику, что «коммунизм подходит Германии как корове седло». Его личное презрение к китайским коммунистам было общеизвестно. При нем взаимоотношения России и коммунистического движения изменились кардинально; мощь России стала целью, и коммунистические партии должны были этой цели служить.

В первый раз Stalin официально признал, что период острой революционной активности после первой мировой войны остался в прошлом и за ним последовал период «относительной стабилизации», в 1925 г. Только в 1947 г. было опубликовано его обращение к коммунистическим студентам, сделанное в 1925 г., проливающее ретроспективный свет на его отношение: «Я считаю, что

Фрому Эрих Может ли человек преобладать filosoff.org

революционные силы на Западе велики, что они растут, что они будут продолжать расти и что они сметут буржуазию повсеместно. Это – истина. Но им будет чрезвычайно сложно отстоять свои завоевания... Значение нашей армии, ее мощи и боеготовности будет неминуемо возрастать в связи с осложнениями в окружающих нас странах... Это не означает, что в какой-либо возможной ситуации мы связаны обязательством активно выступить против кого бы то ни было».

Это заявление – прекрасный пример разницы между ритуальным языком и реальной политикой, которая с того времени пропитывает все заявления русских. Выражения надежды на рост революционных настроений – ритуалы, без них было бы немыслимо ни одно коммунистическое заявление, но резолютивная часть заключается в том, что Сталин ускользает от каких бы то ни было обязательств насчет того, что Красная Армия придет на помощь зарубежным революциям, чтобы отстоять их завоевания. Он оставляет этот вопрос открытым, но настаивает, что «не связан обязательством» вмешиваться.

Внешняя политика России выглядела успешной в своих попытках установления дружественных отношений с Западом, особенно с Великобританией, довольно долго. Но британское консервативное правительство ясно обозначило движение к разрыву с Россией между 1924 и 1927 гг. На советскую торговую делегацию в Лондоне был совершен полицейский налет 12 мая 1927 г., и хотя эта акция не дала никаких очевидных обличающих материалов, тем не менее британское правительство прервало все официальные отношения с Россией 26 мая 1927 г. После этой неудачи во внешней политике «советское правительство вернулось, и даже более решительно чем раньше, к революционной активности за рубежом, частично изолировалось от внешнего мира и направило свои усилия на осуществление двух основных внутренних программ». Этими программами были: быстрая индустриализация России, нашедшая отражение в плане первой пятилетки 1928–1933 гг., и установление жесткого управления в российском сельском хозяйстве. Троцкий был отлучен от партии, и Stalin начал строительство менеджерского индустриализма в России. Как отмечал Джордж Кеннан, эта новая программа требовала огромного самопожертвования от населения России, и Stalin, чтобы оправдать эти трудности, должен был сделать акцент на внешней опасности. Он также использовал радикальную фразеологию, чтобы скрыть окончательный отказ от революционных идей и, в дополнение к этому, показать западным державам неприятную ценность коммунистических партий в ответ на их враждебную реакцию в период после 1924 г.

Новый, воинственный курс Коминтерна после 1927 г. объясняется этими тремя причинами. Stalin провозгласил в своем сообщении 3 декабря 1927 г., что «стабилизация капитализма становится все более и более нетвердой и нравственно испорченной». Официальный курс Коминтерна был изменен в соответствии с тем, что капиталистический мир начал новый «этап войн и революций». Этот новый, «революционный» курс часто использовался американскими советологами в качестве доказательства того, что сталинизм никогда не отказывался от своих революционных планов. Эти наблюдатели не видят того, что эта радикальная линия служила исключительно целям внешней и внутренней политики России, а не была проявлением подлинно революционных планов.

Наилучшее объективное суждение об этом новом революционном курсе было представлено Густавом Хиглером, бывшим в то время консулом немецкого посольства в Москве. «Таким образом, компетентный наблюдатель, находившийся в те дни в Москве, – пишет Кеннан, – позже, описывая советскую политику в период первой пятилетки, мог сказать, что Советский Союз «скрывал непробиваемый изоляционизм за фасадом интенсификации активности Коминтерна, которая была призвана, в частности, отвлечь внимание от его внутренних проблем». Более того, необходимо отметить, что, несмотря на все радикальные заявления, Коминтерн не издавал никаких директив, требующих захвата власти, но лишь предписания продолжать борьбу против «наступления капитализма».

С укреплением власти Сталина над всеми оппонентами, вступлением на престол Гитлера и началом эры Рузвельта Stalin предписал сделать еще один поворот. Он не пытался мобилизовать немецких рабочих против Гитлера с целью установления в Германии левого правления. Напротив, КПГ, во главе которой стояла марионетка Москвы, абсолютно презираемая московскими боссами, было приказано следовать практически самоубийственной политике. Представляя социалистов в роли своих главных врагов и заключая тактическое соглашение с нацистами, коммунистическая партия делала все, чтобы не препятствовать

Фромм Эрих Может ли человек преобладать filosoff.org

победе нацизма. Немыслимо, чтобы Сталин настолько деморализовал немецкую коммунистическую партию и свел на нет результаты всей ее работы, если его целью была революция в Германии или хотя бы просто поражение Гитлера. Говоря это, я не подразумеваю, что Сталин хотел победы Гитлера. Он определенно опасался Гитлера и делал все возможное, чтобы предотвратить эту угрозу. Но существует много веских причин – хотя неоспоримых доказательств нет, что Сталин предпочитал победу Гитлера истинно рабочей революции в Германии. Диктатор в Германии представлял военную угрозу, с которой Сталин мог надеяться справиться дипломатическими маневрами и военными приготовлениями. Рабочая же революция в Германии подрывала основу всего его режима.

Попытки Сталина достичь антинацистской коалиции с Западом подкреплялись новыми предписаниями иностранным коммунистическим партиям. Им было приказано держать курс на кооперацию с либеральными и демократическими силами своих стран и формировать единый фронт со всеми «антифашистскими» силами, включая социал-демократов. Эта политика была санкционирована VIII (и последним) Конгрессом Коминтерна в 1935 г.

Внешняя политика Сталина провалилась, несмотря на новую линию Коминтерна. «Во многих столицах, и не только в Лондоне, существуют серьезные препятствия на пути любой политики сотрудничества с Советской Россией, даже в целях сдерживания фашизма. Лига Наций, отражая эти запреты, доказала свою неэффективность и слабость. Окончательный вариант текста франко-советского пакта был запутанным и неопределенным, и его действие было поставлено в зависимость от приоритетных, с ее точки зрения, событий Лигой Наций. Обсуждение конкретных военных вопросов (вплоть до 1939 г., когда было уже слишком поздно) ему не сопутствовало. В конце концов, французское правительство так долго медлило с его ратификацией и проявляло в процессе этого много сомнений, что его ценность как политической демонстрации была практически сведена на нет. Презрение немцев к его существованию было со всей очевидностью продемонстрировано повторным захватом Рейнской демилитаризованной зоны в марте 1936 г.; неспособность же западных держав ответить какими-либо серьезными мерами показала неэффективность пакта в том смысле, который подразумевала Москва, заключая его».

Гражданская война в Испании, в которой Запад способствовал поражению республиканского правительства введением эмбарго на поставки оружия и в то же время не препятствуя серьезной военной помощи, которую оказывали Гитлер и Муссолини Франко, не могла оправдать ожиданий Сталина. Тем не менее даже здесь его действия были далеки от революционности. После некоторых колебаний в начале франкистского восстания русские решились вмешаться, поскольку победа Франко «означала бы окружение Франции фашистами, вероятный триумф фашистских настроений внутри самой Франции и дальнейшее ослабление сопротивления Гитлеру на Западе. В этом случае открывался бы свободный путь для германской агрессии на Восток».

Россия посыпала военную помощь, но смирилась с поражением республики, когда стало очевидным, что только значительно более серьезная поддержка России может перевесить итало-германскую помощь. В то время как советская военная помощь начала сокращаться к 1937 г., Сталин продолжал истреблять своих социалистических и анархических противников внутри Испании. Когда уничтожение его политических оппонентов (которые – в противовес мнению России – хотели перевести гражданскую войну в сражение за социализм) вступило в противоречие с требованиями успешного продолжения войны, «Кремлем было, с достаточной жестокостью, отдано предпочтение первому из этих двух требований, что ожесточило испанских республиканских лидеров».

Большинство из сражавшихся в Испании коммунистических деятелей и генералов были казнены в России вскоре после возвращения. Сталин хотел уничтожить всех, кто, познакомившись с западными революционными идеями, стоял у него на пути в деле окончательной ликвидации революционной традиции, которую он предпринял в те годы чисток. Короче говоря, отношение Сталина к Франко было таким же, как и к Гитлеру. Он предпочитал падение Франко, но не за счет народной революции, которая могла послужить сигналом началу революционных выступлений в других европейских странах.

Когда попытки Сталина прийти к соглашению с Западом провалились (и не совсем неестественно предположить, что уничтожение им почти всех ведущих коммунистов ленинской эпохи было его последней попыткой показать Западу, что он не обременен революционным прошлым), он вновь изменил курс, на этот

Фромм Эрих Может ли человек преобладать filosoff.org раз заключив пакт с нацистами. Коммунистические партии незамедлительно последовали этому примеру. Молотов дал им подсказку своим заявлением, что «нацизм – дело вкуса». Коммунисты изменили свою антифашистскую линию, начав атаку против «западных империалистов». В знак дружбы по отношению к нацистам немецкие коммунисты, нашедшие убежище в России, выдавались гитлеровскому гестапо, если возникало малейшее сомнение в их приверженности новой партийной линии. Коминтерн занял нейтральную позицию по отношению к двум лагерям.

Стрежень этой новой политики Сталина в период между заключением советско-нацистского пакта и нападением Германии на Россию был кратко описан Дойчером: «Оба противоборствующих лагеря, как сейчас говорится, преследовали империалистические цели, и если говорить о выборе, то между ними практически не было разницы. И там и там рабочий класс призывался к сопротивлению войне и борьбе за мир. Внешне эти возвзвания были похожи на политику революционного пораженчества, которую исповедовал Ленин во время первой мировой войны. Это сходство было обманчивым. В оппозиции Ленина к войне были революционные прямота и последовательность, в то время как политика Коминтерна просто соответствовала времененным интересам сталинской дипломатии и была такой же неискренней, как эта дипломатия. В то время оппозиция к войне имела безошибочно узнаваемую прогерманскую окраску, как, например, в октябре 1939 г., когда Коминтерн эхом отозвался на призыв Молотова и фон Риббентропа к достижению мира путем переговоров и обвинил Францию и Британию в стремлении к войне. Результат этой политики, особенно во Франции, был скорее пораженческим, чем революционным. Это дополнило пораженческие настроения, которые разъедали верхи французского общества, квазипопулярным видом пораженчества, идущим снизу. Только после того как вред был причинен, когда Москва, обеспокоенная победами Германии, начала поощрять сопротивление нацистской оккупации, французская коммунистическая партия начала осуществлять новую политику. Менее очевидным, хотя не менее важным, было влияние, произведенное пактом Молотова-Риббентропа на антинацистские силы внутри Германии; он сделал их смятение еще более отчаянным, он углубил их чувство поражения и подвигнул часть из них на примирение с гитлеровской войной».

С нападением Германии на Россию линия коммунистических партий вновь изменилась в сторону поддержки России. Французским коммунистам было приказано присоединиться к движению Сопротивления, и лозунги периода после 1939 г. были пересмотрены. Ясно, что Сталин не пытался использовать войну в качестве плацдарма революции на Западе. Даже наоборот, особенно в Италии и Франции, где коммунисты, благодаря своему участию в движении Сопротивления, заняли самые престижные и влиятельные позиции, Сталин делал все, чтобы доказать, что эти партии не преследуют революционных целей. Они сложили оружие и «в первый раз в истории, вопреки своим собственным программам, запрещавшим им участвовать в буржуазном правлении, вошли в правительства, созданные по принципу широкой коалиции национальных сил. Хотя в то время они являлись сильнейшими партиями своих стран, они довольствовались второстепенными постами в этих правительствах, в которых они не могли надеяться взять власть в свои руки ни в то время, ни позже и из которых они были, в конечном итоге, без особых усилий вытеснены другими партиями. Армия и полиция остались в руках консервативных, или, другими словами, антикоммунистических, группировок. Западная Европа осталась вотчиной либерального капитализма».

Тем, кто заявляет, что Сталин хочет завоевать мир в интересах Коминтерна, будет трудно ответить на вопрос, почему после войны, имея вооруженных и полных энтузиазма коммунистов во Франции и Италии, он не издал распоряжения совершить революцию и поддержать ее военным вторжением русских войск; почему вместо этого он провозгласил период «стабилизации капитализма» и заставил коммунистические партии следовать политике кооперации и «программного минимума», который никогда не имел своей целью коммунистическую революцию.

Джордж Кеннан приходит в принципе к такому же заключению, когда пишет, что Сталин «в целом проявлял нерешительность в вопросе поощрения попыток зарубежных коммунистических партий взять власть в свои руки», хотя он приходит к нему на других основаниях – к которым я также присоединяюсь, – а именно: страха Сталина, что противники внутри России могут сообща с лидерами сильных иностранных коммунистических партий выступить против него.

После 1946 г. отношения между Востоком и Западом начали охлаждаться. Запад
Страница 40

Фрому Эрих Может ли человек преобладать filosoff.org разоружился и стал подозревать Россию в притязаниях на захват всего западного мира, когда Сталин, нарушив Ялтинские соглашения, установил свои режимы в Польше, Венгрии, Румынии и Болгарии. Черчиль в своем выступлении в Фултоне, Миссouri, озвучил это опасение Запада, и это, очевидно, было понято Сталиным как отражение нового западного альянса против Советского Союза. Эта боязнь западного альянса против Советов всегда владела умом Сталина. Она была отнюдь не только тактическим оправданием; да и не так уж беспочвена, хотя в 1946 г. она была скорее надумана, чем обоснована фактами. С другой стороны, Запад всегда подозревал Россию в планах революционного завоевания мира, и действия Сталина после войны, похоже, подтверждали худшие опасения. Таким образом, основываясь на взаимных подозрениях, которые были в основном далеки от реальности в то время, началась «холодная война». Сталин ответил на жесткое отношение Запада агрессивной стратегией России в 1947–1948 гг. (создание Информационного бюро в 1947 г., успех в Чехословакии, блокада Берлина, разрыв с Тито в 1948 г.). Но в то же время ведущий советский теоретик в области экономики, Варга, получил разрешение на публикацию своего анализа развития капитализма, в котором он осторожно признавал стабилизирующую и продуктивную функции капитализма. Даже хотя его теоретические выкладки были забракованы, их публикация в жестко управляемой и контролируемой сталинской системе была намеком Западу. После этого советская идеология возродила (и в 1956, и в 1958 гг.) старую теорию о том, что внутренние противоречия капиталистической системы являются определяющими факторами в эволюции капитализма. Эта теория подразумевала, что нет смысла в серьезных революционных действиях в западных странах, поскольку они сами в конечном итоге падут под грузом собственных противоречий. (Я буду обсуждать идеологический характер этой теории позже; здесь же достаточно сказать, что оперативной частью этой теории является то, что нет необходимости в революционных действиях, в то время как ритуальной – надежда на коммунистическую революцию.)

Принципы либерализации 1956 г. были повторены и усилены в заявлении, принятом в Москве в ноябре 1960 г. представителями 81 коммунистической партии. Это заявление, которое, скорее, несло отпечаток взглядов Хрущева, а не точки зрения китайских коммунистов по всем важным вопросам, содержало следующее: «Ход общественного развития подтверждает предсказание Ленина, что страны победившего социализма будут влиять на развитие мировой революции главным образом экономическим строительством. Социализм сделает беспрецедентный рывок в производстве, науке и технологиях и в создании нового, свободного сообщества людей, в котором удовлетворение их материальных и духовных потребностей будет постоянно возрастать.

Недалеко то время, когда доля социалистических стран в мировом производстве превысит долю капиталистических стран. Капитализм потерпит поражение в имеющей решающее значение сфере приложения человеческих усилий – сфере материального производства. (Курсив мой. – Э. Ф.).

Укрепление и развитие социалистической системы оказывает все возрастающее влияние на жителей капиталистических стран. Силой своего примера социалистическая система, революционизируя мышление рабочих капиталистических стран, вдохновит их на борьбу против капитализма и будет всемерно содействовать этой борьбе».

Более того, это заявление гласило: «В мире, поделенном на две системы, единственным правильным и разумным принципом международных отношений является принцип мирного сосуществования государств с разными общественными системами, выдвинутый Лениным, и усовершенствованный в московской декларации и манифесте мира 1957 г., в решениях XX и XXI съездов КПСС и в документах других коммунистических и рабочих партий». И еще раз был повторен аргумент Хрущева: «Мирное сосуществование стран с разными системами или разрушительная война – вот альтернатива на сегодняшний день. Другого выбора нет. Коммунисты настойчиво отвергают американскую доктрину «холодной войны» и балансирования на грани вооруженного конфликта, так как эта политика ведет к термоядерной катастрофе».

Поддерживая принцип мирного сосуществования, коммунисты борются за полное прекращение «холодной войны», ликвидацию военных баз, за всеобщее и полное разоружение под международным контролем, за урегулирование международных разногласий путем мирных переговоров, уважение равенства государств и их территориальной неприкосновенности, независимости и суверенитета, невмешательство во внутренние дела других стран, широкое развитие торговли,

Ясно, что мы обнаруживаем здесь то же явление, которое вновь и вновь повторяется начиная с 20-х годов. Хрущев хочет мира с Западом, и политика коммунистических партий приспосабливается к политике России. Однако существует одно фундаментальное различие между периодом, предшествовавшим второй мировой войне, и 60-ми годами. Сталин безраздельно господствовал над зарубежными коммунистами и приказывал им. С возвышением коммунистического Китая Хрущеву пришлось считаться с влиятельным противником, для которого революционные лозунги и агрессивные цели – больше, чем просто ритуальные заявления. Этот соперник имеет своих собственных союзников внутри международного коммунистического движения и, вероятно, внутри самого Советского Союза. Мирная политика Хрущева должна быть успешной – в противном случае он проиграет своим противникам.

2. Советский Союз как империалистическая система

Даже если Советский Союз – вряд ли революционная держава, является ли он не империалистической державой, и если нет, является ли его целью – мировое господство? Подчинение себе государств-сателлитов рассматривается как первый шаг к осуществлению таких притязаний.

(Очевидно, что подчинение государств-сателлитов вряд ли можно считать революционным достижением. Эти завоевания были достигнуты не революциями рабочих, а русской военной оккупацией. Они были, особенно в первое время, не более чем завоеванные государства, вынужденные принять общественную и политическую систему завоевателя.)

И в самом деле, в Ялте Stalin утвердил общее заявление, оговаривавшее следующее: «Чтобы способствовать развитию условий, в которых освобожденные народы смогут осуществлять эти права, три правительства будут совместно помогать им в любой освобожденной европейской стране, равно как и на территории европейских стран, участвовавших в войне на стороне Германии, где, по их мнению, установка требует (а) установления мира внутри страны; (б) осуществления мер экстренной помощи терпящему бедствие населению; (в) формирования временных, предоставляемых всем демократические элементы населения правительственных структур, которые должны быть официально введены в свои полномочия посредством проводящихся в, по возможности, кратчайшие сроки свободными выборами исполнительной власти, отвечающей волеизъявлению населения; и (г) обеспечивать в случае необходимости проведение таких выборов». Stalin нарушил свое обещание и превратил эти государства в сферу своих интересов. Какие же мотивы им руководили?

Я верю, что З. К. Бжезинский дал верный ответ на этот вопрос в следующем высказывании: «Безотлагательные цели, определявшие советскую политику в Восточной Европе во время войны и сразу после нее и влиявшие на модель советского отношения в связи с этим, могут быть разделены на пять основных областей предположительных интересов России. Первая включает желание России оказывать свое влияние на страны, лежащие к западу от границ России, чтобы не допустить в эту область Германию – в прошлом главный источник угрозы безопасности России. Не подлежит сомнению, что с точки зрения перспективы доядерного века советские лидеры не могли быть уверены, что просто поражение Германии обеспечит безопасность России и что не повторится ситуация, сложившаяся в мире после первой мировой войны. Усилия Москвы, направленные на безопасность, были с готовностью поняты западными державами, особенно с точки зрения военного успеха России. Премьер-министр Уинстон Черчиль часто заявлял, выступая в палате общин во время войны, что Запад хочет пойти на многое, чтобы гарантировать безопасность России перед лицом Германии, на условиях, удовлетворяющих русских. И как результат этого западные лидеры были склонны оправдать Советский Союз «за недостаточностью улик» в вопросе, касающемся второй основной советской цели: быть уверенными, что Восточная Европа не будет управляема внутренними силами, которые, будучи враждебно настроеными по отношению к Германии, были бы также враждебны по отношению к Советскому Союзу. Stalin столкнулся с небольшим затруднением в демонстрации того, что Восточная Европа не может быть щитом СССР против возрожденной Германии в том случае, если она в то же время не захочет тесно сотрудничать с СССР. Следовательно, как он утверждал, необходимо, чтобы Восточная Европа была не только огорожена от

Фромм Эрих Может ли человек преобладать filosoff.org
влияния Германии, но чтобы она управлялась режимами, очищенными от всех
противников СССР. В свете обладания положительным балансом сил от Сталина
зависело принятие решения, какой критерий считать определяющим в
определении врага СССР.

Оставшиеся три предполагаемые советские цели относительно Восточной Европы казались в тот момент менее очевидными для Запада, или, может быть, Запад просто чувствовал неспособность противостоять им. Первой из них было желание использовать эту область в целях экономического восстановления России. Разрушения, причиненные России немцами во время войны, могли быть значительно быстрее компенсированы заимствованием капиталов из Восточной и Центральной Европы, посредством перемещения предприятий и ресурсов. Поскольку это касалось держав оси «Берлин – Рим» – таких как Болгария, Венгрия и Румыния, так же как и Германия, западные державы сошлись во мнениях, и политика репатриаций была одобрена. Ситуация кардинально отличалась в случае с Польшей, Чехословакией и Югославией, всеми союзническими странами. Не могло быть и речи о прямых репатриациях, но в конечном счете в случаях с Польшей и Югославией Советский Союз извлек некоторую экономическую выгоду. В отношении Польши это выражалось во вхождении Восточной Польши в состав СССР и перемещении промышленного оборудования в СССР из тех частей Германии, которые были отписаны Польше в качестве компенсации за немецкую оккупацию и потерю территорий. В случае с Югославией акционерные компании учреждались, если верить югославам, только если СССР находил это выгодным...

Четвертой целью, которую мы можем подозревать, было оградить эту область от капиталистического мира, так как он казался источником враждебных действий против СССР. Несомненно, что советские лидеры, даже в разгар Великого Союза, должны были предполагать возможность того, что однажды, после завершения войны, капиталистический мир вновь выстроится в боевой порядок против СССР. Многие советские подозрения военного времени относительно предполагаемых британских или американских контактов с антинацистскими группами внутри Германии происходили из идеологических предположений общего плана о капиталистическом поведении. В результате этого англо-американские декларации о том, что послевоенные правительства в Восточной и Центральной Европе должны быть демократическими, изначально рассматривались в Москве с большой долей недоверия. Кремль несомненно подозревал, что подобные правительства задумывались как плацдармы для капиталистического нападения на СССР, которое в конечном счете должно было последовать.

Пятая цель была связана с предшествующей. Если идеологические предположения играли роль в кристаллизации советских оборонительных интересов в Восточной Европе, тогда похоже, что другая сторона идеологической ориентации, а именно ее агрессивная часть, также присутствовала. Ленинско-сталинские концепции всегда подчеркивали важность сильной базы для экспансионистских операций, и естественно, что любой территориальный прирост к социалистической базе рассматривался как отражение марша социализма к окончательной победе. Невозможно не соотнести новую политическую ситуацию в Восточной Европе с этим историческим процессом, особенно с тех пор, как превалирующее положение вещей ясно предполагало, что эта область должна быть освобождена от господства капитализма пространственно и эры капитализма во временном отношении. Невозможно было бы не посчитать установление советской власти в Восточной Европе еще одной вехой революционного процесса, который должен пойти дальше».

Что касается пятого пункта Бжезинского, то он нуждается в некоторых оговорках. Несомненно, Сталин хотел показать себя преданным коммунистической идеологии, революционным преемником Ленина и удачливым государственным деятелем, но также очевидно, что в случае с государствами-сателлитами он проявил себя наследником скорее царизма, чем Ленина и Троцкого. Безотносительно к этому первые четыре цели, упомянутые Бжезинским, достаточно убедительно объясняют завоевание Сталиным этих государств-сателлитов и тот факт, что они были объектами военного наступления, которые как таковые не имели никакого отношения к коммунизму, мировой революции и т. д. Желание превратить эти государства в часть советской сферы влияния одинаково существовало бы и у царского, и у либерального правительства.

На Западе это нарушение обещания было в основном интерпретировано не только как признак сталинской ненадежности, но также как доказательство его намерения завоевать Европу и затем мир. В действительности его действия в

Фрому Эрих Может ли человек преобладать filosoff.org
принципе не отличались от позиции британских, французских и итальянских
лидеров после первой мировой войны. Несмотря на принятие четырнадцати
пунктов Вильсона, они настаивали, прикрываясь различными рациональными
объяснениями, на территориальных приобретениях, согласованных в секретных
договорах во время войны, которые были насмешкой над вильсоновскими
принципами самоопределения. Они хотели извлечь свою выгоду из войны, и они
нанесли Вильсону поражение. Сталин сделал практически то же самое, и он
также использовал различные уловки, чтобы дать рациональное объяснение
нарушению своего обещания. Он, возможно, действительно думал, что Рузвельт
и Черчилль не воспринимали Ялтинскую декларацию до конца всерьез, и, может
быть, он был удивлен, обнаружив их искреннее негодование. Вопрос
заключается в следующем: если захват государств-сателлитов не был
революционной акцией, был ли он актом русского империализма, отражающим
желание России завоевать мир?

Не подлежит сомнению, что Советский Союз является наследником царской
России. Как я отмечал ранее, индустриальное развитие потенциально богатой
страны, такой как Россия, должно было привести к появлению сильной,
промышленной России с любой идеологией, обеспечивающей управление
правительством, которое может выбрать адекватные методы ее экономического
развития.

Царская Россия была империалистической державой, такой же, как
Великобритания, Франция и Германия. Ее главные стремления сводились к тому, чтобы
получить порт в теплых водах (предпочтительно с контролем над
Дарданеллами), подчинить Персию (в 1917 г. царская Россия согласилась
разделить контроль над Персией с Великобританией) и расширить сферы влияния
на Ближнем, Среднем и дальнем Востоке. Правительство России не достигло
желаемого успеха в своих попытках осуществления территориальных
приобретений, особенно после поражения от Японии в войне 1905 г. Но совсем
независимо от этого царский империализм был связан такими же ограничениями,
как и другие европейские страны.

Что же это были за ограничения? Первый, и существенный, момент, приходящий
на ум, это то, что европейский империализм XIX в. никогда не ставил своей
целью мировое господство. Исследование истории европейской дипломатии с
середины XIX в. и до начала первой мировой войны показывает, что из-за
экономических интересов, соображений безопасности и престижа каждая держава
желала приобрести новые сферы влияния; что существовали острая конкуренция,
интриги, тайные действия, которые сегодня были бы названы подрывными, чтобы
обеспечить Советскому Союзу статус обвиняемого, но серьезных попыток
господствовать в мире не было. Даже кайзер и Гитлер, несмотря на их
агрессивные позы, никогда не помышляли о мировом господстве. Гитлер, даже в
наиболее экспансионистские периоды, никогда не хотел большего, чем
гегемония в Западной Европе и приобретение определенных территорий за счет
Чехословакии, Польши и России. Ни Англия, ни Соединенные Штаты в его мечтах
никогда не входили в состав его империи. Правда, гитлеровские солдаты пели
«Morgen Gehört Uns die Ganze Welt» («Завтра весь мир будет принадлежать
нам»), но это относилось к царству идеологии нацизма и было не более
серьезным, чем его «социалистические» обещания. Несмотря на свое
полубезумие, Гитлер был в достаточной степени реалистичен (а также в
достаточной степени подконтролен своим промышленным и военным советникам),
чтобы понимать, что завоевание мира неосуществимо, даже если он, может
быть, и мечтал об этом.

Не только ни одна из западных империалистических держав не была нацелена на
мировое господство, но и их дипломаты были очень энергичны в том, чтобы не
зайти в преследовании своих ограниченных целей за тот рубеж, где могла быть
спровоцирована крупномасштабная война. В 1914 г. эта мирная стратегия
потерпела крах, хотя вопрос, была ли война действительно «необходима» или
она явилась результатом глупой ошибки всех сторон, все еще остается
открытым.

Как бы там ни было, что я хочу особо отметить, так это то, что империализм
и «движение к мировому господству» – не одно и то же, и что то, что Россия
в большой мере является наследницей царского империализма, не превращает ее
в силу, стремящуюся покорить мир. Я отмечал прежде, что завоевание Россией
государств-сателлитов было ограниченным захватом большой страны,
совершенным по экономическим причинам и соображениям безопасности, в тот
момент, когда Сталин полагал, что сможет выйти сухим из воды. Но в целом
экспансионизм Советского Союза в своих проявлениях не превосходил

Фрому Эрих Может ли человек преобладать filosoff.org ограниченного экспансионизма западных держав. Причины достаточно очевидны. Россия, будучи потрясающе огромной территориально, нуждается как в сырье, так и в рынках сбыта. В этом отношении она находится в одинаковом положении с Соединенными Штатами, которые, несмотря на некоторые действия империалистического характера (Куба, Филиппины), не нуждаются в завоевании новых территорий. Кроме того, в ядерном веке у лидеров Советского Союза даже больше причин предотвратить крупномасштабную войну, чем было у государственных деятелей Европы в XIX в.

Однако все эти предположения остаются относительно теоретическими, пока не подкреплены фактами политического поведения Советского Союза. Мы уже рассмотрели послевоенное завоевание государств-сателлитов. Существует вторая попытка России расширить сферу своих интересов – нападение на Южную Корею. Необходимо отметить, что первоначально это была организованная и поддерживаемая Россией, но не Китаем, атака и что, вероятно, она была направлена скорее против Китая, чем против Соединенных Штатов. (Беглый взгляд на карту показывает стратегическую важность, которую имеет Южная Корея для позиции России на дальнем Востоке.) Сталин, возможно, был введен в заблуждение декларацией Дина Атчisona, которая не включала Корею в список стран, которые Соединенные Штаты собирались защищать, и еще более тем, что деньги, выделенные Конгрессом на защиту Кореи, едва ли были потрачены во время нападения. Сталин жестоко просчитался. Соединенные Штаты дали отпор, и китайцы (в результате того, что американцы просчитались с эффектом, который был вызван их переходом 38-й параллели) вступили в войну и приобрели самоуверенность и престиж своей способностью сдержать западные силы на старой разделительной линии.

Без сомнения, завоевание сателлитов и Корейская война были экспансионистскими, агрессивными действиями. Что же можно сказать об остальных данных по России? Советский Союз, как я говорил ранее, не только не воспользовался преимуществом ситуации во Франции и Италии после войны, но он также не предпринял наступательных действий и не пытался навязать свое иго правительствам там, где это можно было сделать без какого-либо серьезного риска. Финляндия, Австрия, Греция, Турция, Иран, Ирак, Ливан, Египет, Камбоджа, Лаос – примеры советской политики, которая оставляла эти страны либо на западной орбите, либо нейтральными.

Эта картина в достаточной степени противоречит существующему стереотипу, утверждающему, что Берлин, Лаос, Конго и Куба – это приметы агрессивного желания России господствовать в мире. Если бы эти мнения были верными, стоило бы отказаться от наших прежних заключений. Следовательно, мы должны рассмотреть этот аргумент более детально.

Я рассмотрю вопрос о Берлине позднее. На данный момент достаточно навести на мысль, что политика Советского Союза, говоря стратегически, – оборонительная политика; он хочет официального признания западных границ своей сферы влияния (включая Восточную Германию) и не хочет допустить, чтобы Западная Германия вновь вооружилась. Берлинский спорный вопрос используется в тактическом плане, чтобы побудить западных союзников пойти на уступки относительно первых двух проблем, но не существует доказательства того, что Советский Союз намеревается сделать Западный Берлин частью Восточной зоны. Что касается Лаоса, суть ситуации в том, что Советский Союз хотел сделать Лаос нейтральным, и западные державы согласились на создание независимой комиссии для надзора за нейтралитетом Лаоса. После всего этого Соединенные Штаты попытались присоединить Лаос к западному лагерю и отвергли нейтральную комиссию. Когда Советский Союз среагировал, поддержав коммунистические силы в Лаосе, мы заявили протест против русской агрессии. Достаточно очевидно, что русские хотят вернуться к первоначальному соглашению о нейтралитете Лаоса. (Необходимо отметить, что здесь, как и во многих других частях света, Россия соревнуется с Китаем и что некоторые акции русских нацелены в большей мере на сдерживание Китая, чем на завоевание новых территорий.) Что можно сказать о Конго? Несмотря на решение ООН, бельгийцы оставили за собой твердые позиции в богатой Катанге и, можно предположить, сконструировали военный успех, приведший к свержению законного правительства Лумумбы. Сразу же после этого русская миссия получила от правительства Касавубы предписание покинуть страну в течении 24 часов – и покинула. Бельгийские офицеры продолжали командовать силами Чомбе в Катанге, Касавубу доставил Лумумбу Чомбе, чтоб его там убили, и ни одна из западных держав не оказала достаточного давления, чтобы предотвратить то, что произошло. Русские потерпели довольно суровое дипломатическое поражение, которое должно было стать серьезной неудачей Хрущева, тем более

фромм Эрих Может ли человек преобладать filosoff.org
что китайцы были достаточно активны в Конго и могли обвинить Хрущева в провале его политики. Запад добился успеха в деле ограждения Конго от какого-либо влияния со стороны Советского Союза, но нет никаких оснований думать, что Россия была тогда столь агрессивна, чтобы послать пятнадцать коммерческих самолетов. Кажется, что рациональным решением было бы оградить Конго от дальнейшего бельгийского господства, надежно гарантировать ее независимость от лица ООН и не мешать столь бесцеремонно Советскому Союзу оказывать какое бы то ни было влияние на вновь создаваемые государства.

«Это же случилось с нашей программой помощи: большая ее часть была использована для создания моторизированной армии (в практически лишенной дорог стране), рядовые которой часто были вынуждены месяцами ждать зарплаты, в то время как генералы жили в роскоши. Фонды, выделенные на улучшение в области экономики, также растратчивались не по назначению. Например, в 1960 г., только \$ 590 750 из \$ 7 млн. были выделены на помощь сельскому хозяйству, – в стране, сельскохозяйственной на 99 %, тогда как более чем \$ 4 млн. пошли на выплату зарплат и содержание персонала, отвечавшего за американскую помощь. «Самым плохим было, вероятно, то, что вершители американской политики не пришли к соглашению с другими силами в Лаосе, кроме тех, которые они считали воинствующими антикоммунистическими. Эта политика вынудила ЦРУ вернуться к военному восстанию, возглавляемому генералом Фуми Нозаваном (Phoumi Nozavan) против законного, но нейтрального правительства принца Суванна Фума. Армия – и представители правого крыла – победили, но, сделав это, подвигли другие значительные группировки к созданию боевой коалиции, которая приняла «красную поддержку» и сейчас находится на пути к власти. Наиболее вероятный лидер этой коалиции, которая включает коммунистов, – человек, которого Соединенные Штаты отвергли с презрением, – принц Суванна Фума.

Куба является не более веским доказательством планов России на мировое господство. Кубинская революция не была спровоцирована ни Москвой, ни кубинскими коммунистами, которые сотрудничали с Батистой, пока не приблизилось время его падения. Кастро никогда не был коммунистом, но планировал революцию, выходящую за пределы чисто политических ограничений освобождения страны от диктатуры. Он начал социальную революцию, экспроприацию земельных владений и промышленности. Правительство и общественное мнение Соединенных Штатов повернулись против него и заставили Кастро, шаг за шагом, искать помощи в экономическом и политическом плане у Советского Союза и принять поддержку Коммунистической партии Кубы, которая до того презиралась кастритами по причине ее оппортунизма и продажности.

Хрущев пригрозил однажды защитить Кубу ядерными бомбами от американской военной интервенции, потому что достаточно хорошо понимал, что Соединенные Штаты не вмешаются в столь прямой манере. Проясняя ситуацию, он позже сгладил эту угрозу, заявив, что она была символической. Он предоставил кубинцам лишь минимальную помощь и ссуды и, создается такое впечатление, оказывал сдерживающее влияние на Кастро, которое с возвращением Гевара из Москвы привело к повторному – хотя и отвергнутому – приглашению к «новому началу» в кубино-американских отношениях. На Кубе Хрущев также должен был справиться с китайской конкуренцией, которая ограничивала его свободу действий. Но общая картина показывает, что Кастро, а не Хрущев начал революцию и что его альянс с Советским Союзом был вызван скорее действиями Соединенных Штатов, чем желанием Хрущева проникнуть в Латинскую Америку.

Несомненно, Хрущев хотел сохранить коммунистические партии в Латинской Америке по причине их индекса вредности для Соединенных Штатов. Он должен был предоставлять им определенную поддержку – как лидер коммунистического лагеря (особенно в свете соревнования с Китаем), но нет доказательств того, что Хрущев всерьез желал уничтожить все возможности взаимопонимания с Соединенными Штатами, пытаясь превратить Латинскую Америку в часть своей империи.

Суммируя вышеизложенное, заметим, что стереотип советского наступления против Соединенных Штатов в Берлине, Лаосе, Конго и на Кубе не опирается на реальные факты, это скорее подходящая формулировка для поддержки дальнейшего вооружения и продолжения «холодной войны». Это согласовывается с китайским стереотипом, который изображает Соединенные Штаты ищущими мирового господства и ради этой цели поддерживающих Чан Кайши, господство Южной Кореи и Окинавы, соглашение СЕАТО и т. д. Все эти взаимные обвинения не могут выдержать трезвого и реалистичного анализа.

Киссинджер высказал мысль, что на самом деле не имеет значения, хочет ли Советский Союз мирового господства, потому что если бы он даже хотел подорвать все некоммунистические страны из соображений безопасности, результат был бы таким же. Такая точка зрения ведет из царства анализа политической действительности в мир фантазий. Остается загадкой, почему, принимая существующее на сегодня равенство сил, Советский Союз должен хотеть завоевать остаток мира, чтобы быть в безопасности, особенно когда ясно, что еще до того, как он предпримет первые шаги в этом направлении, разразится ядерная война, которая будет концом всей «безопасности».

Предполагая, что Советский Союз – очень ограниченная форма империализма, необходимо добавить еще несколько предположений. Стало традиционным доказывать неограниченность империализма России, считая Китай с населением 600 млн. человек еще одним доказательством присоединения России. Любой, кто знаком с фактами, знает, конечно, что это – абсолютная ерунда. Китайская революция – подлинно китайская; она победила, несмотря на убеждение Сталина, что она этого сделать не сможет; и Китай получил, как я продемонстрирую позже, очень ограниченное количество помощи от России, даже после победы коммунистов. Китайско-русский союз был бы логичен для обеих сторон, но при этом создал бы серьезные проблемы, особенно для России. Считать Китай «завоеванием» России – это не более чем демагогическая формулировка.

Что можно сказать по поводу отношения Советского Союза к коммунистическим партиям и национальным революциям в других слаборазвитых странах, которые мы еще не обсудили? Что касается коммунистических партий в слаборазвитых странах, частью их назначения является служба в качестве вспомогательных сил внешней политике России, так же как и у коммунистических партий на Западе. Однако что касается революций в развивающихся странах, есть существенная разница. В то время как Сталин определенно не желал коммунистических революций на Западе, он, так же как и Хрущев, был за национальные революции в Азии и Африке. Эти национальные революции в развивающихся странах не являются для консервативного советского режима угрозой, в отличие от революций рабочих на Западе. Но они – очень важная политическая поддержка для советской политики, потому что приводят к власти режимы, не являющиеся частью западного лагеря.

Запад и особенно Великобритания вынуждены сейчас расплачиваться за прошлые ошибки. Западные страны часто поддерживали правящие режимы высших классов в Азии и Африке. В итоге сегодня, если где-либо свергается такой режим, новые правители занимают антибританскую и часто антизападную позицию. Естественно, Советский Союз использует этот факт для своего собственного продвижения, играя роль антиколониальной державы, для чего у него имеются идеологические инструменты. Как я попытаюсь показать позже, он при этом не настаивает на том, чтобы новые державы интегрировались в советский блок, и удовлетворяется их нейтралитетом. Обнадеживает тенденция, появившаяся в администрации Кеннеди. Она направлена на то, чтобы принимать нейтралитет как удовлетворительный итог; не подлежит сомнению, что у Соединенных Штатов за идеями антиколониализма и независимости стоит больший исторический опыт, чем у Советского Союза.

Глава IV. Значение и функция коммунистической идеологии

Вопрос о значении коммунистической идеологии, пожалуй, самый сложный из всего того, что необходимо для понимания Советской России и ее политических намерений. Выше я уже попытался показать, что Россия с 1923 г. не являлась революционной системой, не стремилась экспортовать революцию в страны Запада, скорее делала попытки сдерживать ее, и если это так, как понимать постоянные разговоры русских об «окончательной победе коммунизма во всем мире», о капитализме как враге, который со временем уступит место коммунизму, и тому подобное?

Чтобы понять этот явный парадокс, нужно знать, что такое идеология.

«Идеология» – это система идей. Говоря, например, о консервативной идеологии, имеют в виду консервативную систему взглядов и т. д. Подобное использование понятия «идеология» можно назвать дескриптивным. С середины XIX столетия появляются другие, более динамичные концепции. Динамичная концепция идеологии, которую я здесь использую, основана на признании того

Фрому Эрих Может ли человек преобладать filosoff.org

факта, что человеческие чаяния и страсти глубоко укоренены в природе человека и в самих условиях человеческого существования. Этими внутренними потребностями человека являются свобода, равенство, счастье и любовь. Если эти потребности остаются неудовлетворенными, они становятся перверсивными иррациональными страстями – стремлением подчинить себе других, жаждой власти, страстью к разрушению и т. д. Во многих культурах эти иррациональные страсти являются основными движущими силами, но лишь немногие общества открыто признают, что стремятся к разрушению или завоеванию. Желание человека верить в то, что его побуждения были человеческими и конструктивными, столь велико, что он всегда скрывает от себя или других свои самые аморальные и иррациональные импульсы, пряча их под личиной благородства и добра.

За историю последних четырех тысячелетий духовные вожди человечества – Лао-цзы, Будда, Исаия, Зороастр, Иисус и многие другие – выразили глубочайшие чаяния человека. Удивительно, насколько схожи фундаментальные идеи, выраженные этими столь разными вождями. Они проникли в самую суть привычки, безразличия, страха – всего того, чем большинство людей защищаются от аутентичного опыта, и нашли людей, которые, пробудившись от дремоты, стали их последователями. Это произошло в Китае, Индии, Египте, Палестине, Персии, Греции, где образовались новые религии и философские школы. Но спустя какое-то время эти идеи потеряли свою силу. В пору расцвета этих идей люди переживали свои мысли, но постепенно они становились чисто умозрительными, отчужденными от реального опыта.

Здесь не место рассуждать об этой сложной проблеме, о том, почему произошло такое затухание. Достаточно сказать, что было бы гораздо легче объяснить это только смертью харизматического лидера. Было бы слишком просто указать на тот факт, что свобода, любовь и равенство – качества, для обретения которых нужны смелость, воля и самопожертвование; было бы слишком просто сказать, что насколько люди жаждут свободы, настолько они ее и боятся, убегают от нас, и когда первоначальный энтузиазм испаряется, люди более не способны придерживаться изначальных идей. Как бы верно это ни было, существует другая, более серьезная причина. Человек в процессе развития изменяет окружающую среду и меняется сам. Но это медленный процесс. Если не рассматривать примитивные общества, развитие цивилизации и развитие человека шло таким образом, что большинство было на службе у меньшинства, поскольку материальная основа достойной жизни для всех была недоступна.

Как мог аутентично осуществляться идеал любви и равенства рабами, крепостными, бедняками, чья жизнь являла собой борьбу с голодом и болезнями? Как мог сохраняться идеал свободы у тех, кто должен был подчиняться требованиям немногих, власть предержащих? Но все же люди не могли жить без веры в эти идеалы, без надежды на то, что в свое время они будут претворены в жизнь. Священники и короли, шедшие за пророками, использовали эту веру. Они присваивали себе идеалы, систематизировали их, превращали в ритуал, используя их для манипулирования людьми и контроля над ними. Таким образом идеал превращался в идеологию. Слова оставались теми же, но, превращенные в ритуал, переставали быть живыми словами. Идея становилась отчужденной, она не была больше живым аутентичным переживанием человека, а превращалась в идола, которого он обожал и который использовал для оправдания и рационализации своих самых иррациональных и аморальных действий.

Идеология служит тому, чтобы связать людей воедино, заставить их подчиняться тем, кто управляет идеологическим ритуалом; она нужна для рационализации и оправдания всей иррациональности и аморальности, существующих в обществе. В то же время идеология, содержащая в себе законсервированную идею, удовлетворяет приверженцев системы; они верят, что соприкасаются с самыми насущными потребностями человека – любовью, свободой, равенством, братством, поскольку слышат и произносят эти слова. Но в то же время, однако, идеология хранит эти идеи. Превращаясь в ритуалы, они тем не менее остаются выраженными; они снова могут стать живыми идеями, когда историческая ситуация будет способствовать пробуждению человека и переживанию в реальности того, что превратилось в идола. Когда идеология перестает быть ритуалом, когда она опять становится связанный с индивидуальной и социальной реальностью, тогда из идеологии она опять превращается в идею. Идеологию можно сравнить с семенем, которое долгие годы лежало, но пересаженное в благодатную почву, оно снова прорастает. В таком случае идеологию можно назвать обманным заменителем идеи, ее хранительницей пока не придет время возрождения.

Идеологиями управляют бюрократии, контролирующие смысл идеологии. Бюрократии развиваются системы, решают, какой образ мыслей правильный, а какой неправильный, кто правоверный и кто еретик; короче говоря, манипулирование идеологиями становится одним из самых важных средств контроля над людьми посредством контроля над их мыслями. Идеологии становятся системами и приобретают свою собственную логику: слова приобретают специфическое значение, и – что очень важно – новые или даже противоположные идеи выражаются в рамках старых идеологий. (Одним из самых поразительных примеров может служить отрицание Спинозой монотеистского Бога, что он выразил в тех терминах определения Бога, которые почти ничем не отличаются от ортодоксальных.)

Идеи, Маркса стали идеологиями. Верх одержала новая бюрократия и установила свое господство, используя принципы, прямо противоположные первоначальным идеям. Русские заявляют, что у них бесклассовое общество, что у них подлинная демократия, что они идут по пути отмирания государства, что их цель – наиболее полное развитие личности и самоопределение человека. Все это идеи Маркса, которые он разделял с другими мыслителями социалистической и анархистской ориентации, идеи, развитые в русле философии Просвещения и в конечном счете в русле всей традиции западного гуманизма. Что же касается русских, они превратили эти идеи в идеологию; бюрократия, которая повышает роль государства за счет индивида, правит под знаменем идей развития личности и равенства людей.

Как понять этот феномен? Кто такие советские вожди – обыкновенные лжецы, обманывающие свой народ? Циники, не верящие в то, что они проповедуют?

Нелегкий вопрос; многие склонны предполагать, что русские либо полностью верят в то, что говорят, либо являются отъявленными лжецами. Но если мы внимательнее присмотримся к себе, то обнаружим, что делаем то же самое, не осознавая этого. Многие на Западе верят в Бога и в Божьи заповеди любви, милосердия, справедливости, истины, смиренния и т. д., однако эти заповеди не слишком сильно влияют на их поведение. Большинство из нас движимы стремлением к достатку, комфорту, надежности и престижу. Хотя люди верят в Бога, они не очень-то этим обеспокоены, т. е. не теряют сон из-за духовных и религиозных проблем. Но мы гордимся тем, что мы «богобоязненны», а русских считаем «безбожниками». Или другой пример: большинство американцев верят, что основой капиталистической системы, при которой мы живем, являются свободный, неконтролируемый рынок, частная собственность при минимуме правительственного контроля, индивидуальная инициатива. Если это и было так 100 лет тому назад, сейчас это совсем не так. Средства производства, по сути дела, неподконтрольны тем, кто ими владеет (а таких очень немного); личная инициатива тонет в бюрократической системе, и ее чаще можно встретить в западных фильмах, чем в реальной жизни; свободный рынок превратился в управляемый, и им манипулирует государство; государство, которое якобы ни во что не вмешивается, на самом деле является самым крупным нанимателем и поддерживает только ту индустрию, которая нужна бюрократии «правительственных-деловых-армейских служб». Мы заявляем, что мы – союз свободолюбивого народа, но в этом союзе есть свои диктатуры. Мы обвиняем коммунистов в том, что они хотят обратить нас в свою веру, а коммунизм сделать мировой системой, но при этом сами заявляем: «Мы стремимся к тому, чтобы и русские, и китайцы освободились от рабства, в котором они находятся, мы хотим видеть всех людей свободными». Выходит, мы все лжецы? Или они все лжецы? Или просто мы, и они высказываем свои убеждения?

Чтобы окончательно понять, что эти альтернативы не являются единственно возможными, стоит вспомнить одно из важнейших открытий Фрейда – природу рационализации. До Фрейда считалось, что если человек не лжет, его сознательные мысли есть то, что он на самом деле думает. Фрейд обнаружил, что человек субъективно может быть совершенно искренен, но при этом его мысль может мало что значить или иметь весьма слабое отношение к реальности, либо она может быть лишь «прикрытием», «рационализацией» действительного побудительного импульса. Сейчас уже многим известны примеры этого механизма. Кто не встречал высоконравственного индивида, подавляющего жену и детей и лишающего их свободы и непосредственности во имя добродетели и их же блага? Он не лжет, когда излагает свои принципы, но если приглядеться к нему внимательно, т. е. проанализировать его мотивации, обнаружится, что в действительности им движут жажда власти, стремление к контролю над другими или просто садистский импульс задушить любого рода

Фромм Эрих Может ли человек преобладать filosoff.org
самостоятельность. Эта реальность бессознательна, а его сознание не истинно. Но он искренен и будет искренне негодовать, если его мотивы ставятся под сомнение. Более того, его идеология есть сплошная ложь, средство подчинить себе семью, потому что он только использует благородные слова, воздействуя на своих близких. Он действительно хочет добра, нравственности и любви, но вместо того чтобы поступать согласно этим импульсам, он преобразует их в слова и обманывает себя иллюзорной любовью, только говоря о любви.

Сталин или Хрущев использовали слова Маркса, но делали они это идеологически, так же как многие из нас используют слова Библии, Джейфферсона, Эмерсона – тоже идеологически. Но мы не осознаем идеологический и ритуальный характер коммунистических фраз, так же как мы не усматриваем идеологию и ритуал во многих наших высказываниях. Поэтому, слушая Хрущева, цитирующего Маркса или Ленина, мы думаем, что он понимает, что они значат; на самом же деле эти идеи не более реальны для него, чем желание европейских колонистов спасти души язычников. Парадоксально что только здесь, в Соединенных Штатах, мы воспринимаем коммунистическую идеологию всерьез, в то время как русские вожди с большим трудом ставят ей подпорки в виде национализма, этического учения, материальных стимулов.

Тот факт, что коммунистическая идеология теряет свое влияние на умы людей вообще и молодого поколения в частности, явно присутствует в ряде сообщений из Советского Союза. Очень яркое описание этого процесса можно найти в недавней статье Марвина Л. Кальба «Русская молодежь задает кое-какие вопросы». Автор в своем сообщении из Москвы говорит о новом опросном листе института общественного мнения газеты «Комсомольская правда», органа 18-миллионной организации коммунистической молодежи. Они сочли необходимым задать вопросы типа: «У тебя лично есть цель в жизни?», «Что это за цель?» и т. д. не столько ради статистики, сколько ради преодоления апатии и материалистических устремлений молодого поколения. Вот отрывок из письма, очень характерный для многих: «Ты доволен своим поколением?» – спрашивает анкета. «Нет», – ответила одна нигилистка.

«Почему?» – вопрошают анкета. «Мне 19 лет, – отвечает она, – а я отношусь с апатией и равнодушием ко всему, что меня окружает, взрослые удивляются и спрашивают: «Такая молодая и тебе уже скучно, что же будет с тобой в 30 лет?» Но это не удивительно, ведь сама по себе жизнь не очень интересная штука, и мою точку зрения разделяют все мои друзья».

«У тебя есть цель в жизни?» – задается другой вопрос.

«Раньше, когда я плохо представляла себе жизнь, – пишет она, – у меня была цель – учеба. Я закончила школу, теперь учусь в заочном институте. Сейчас все мои мечты только об одном – иметь деньги. Деньги – это все. Роскошь, процветание, любовь, счастье – все это у тебя будет, были бы деньги... Я все еще не знаю, как я собираюсь все это иметь, но каждая девушка мечтает об удачном замужестве с богатым человеком. Конечно, не каждому это удается, многие хотят денег, но немногие их имеют... Но я уверяю вас, мне это удается. Моя уверенность основана на том, что я всегда делаю то, что хочу, а того, чего хочу, я, как правило, добиваюсь».

Конечно, из этого письма не следует, что оно представляет все молодое поколение Советского Союза. Но обзор опубликованных писем показывает, что для руководителей страны эта проблема является очень серьезной.

Здесь, на Западе, мы не должны удивляться. Мы сталкиваемся с теми же проблемами – преступность малолетних, отсутствие морали, и они имеют те же причины. Материализм, преобладающий и в нашей системе, и в Советском Союзе, разъедает у молодежи ощущение смысла жизни и приводит к цинизму. Ни религия, ни учение о гуманизме, ни марксистская идеология не являются достаточными противоядиями до тех пор, пока во всем обществе не произойдут существенные изменения.

Поскольку идеология и ложь не синонимичны, поскольку и они, и мы не знаем, что стоит за сознательной идеологией; мы не можем ожидать, что они скажут – или могут сказать: «Мы действительно не подразумеваем то, о чем говорим, все это на потребу публике, ради контроля над умами людей». Может быть, случайно и затесался циник, который так думает, но в самой природе идеологии обманывать не только других, но и ее носителей. Итак, единственный путь научиться распознавать, где реальность, а где

Фрому Эрих Может ли человек преобладать filosoff.org
идеология, – анализировать действия, а не принимать на веру слова.

Если я вижу отца, грубо обращающегося с сыном только потому, что отец считает своим долгом научить сына добру, я не настолько глуп, чтобы спрашивать его о мотивах действий; я проанализирую его личность, другие его поступки, в том числе и на невербальном уровне, и тогда уж буду взвешивать, какова доля его сознательных интенций и реальной мотивации.

Вернемся к Советскому Союзу. Какова его идеология? Это марксизм в его самой грубой форме. Развитие человека связывается с развитием производительных сил. Развивая производительные силы, технику, способы производства, человек развивает свои способности, но вместе с тем развивает и классы, которые становятся все более антагонистичными друг другу. Развитие новых производительных сил тормозится устаревшей социальной организацией и классовой структурой общества. Когда это противоречие становится достаточно драматичным, устаревшая социальная организация сменяется на другую, более соответствующую полному развитию производительных сил. Эволюция человечества суть прогресс; и развитие человека, и покорение природы идут все быстрее. Капитализм – самая высокоразвитая система экономической и социальной организации, но частная собственность на средства производства тормозит развитие производительных сил и мешает полному удовлетворению потребностей человека. Социализм, т. е. национализация средств производства плюс планирование, освобождает экономику от оков, освобождает человека, уничтожает классовую структуру и ведет к постепенному отмиранию государства. В настоящий момент сильное государство еще необходимо, чтобы защищать социализм от нападок извне, поскольку сам Советский Союз – уже бесклассовое социалистическое общество. Капитализм, все еще обремененный присущими ему противоречиями, однажды должен принять социалистическую систему, частично из-за неспособности справиться с этими противоречиями, частично из-за того, что пример социалистических стран настолько убедителен, что все страны захотят ему следовать. И тогда постепенно весь мир станет социалистическим, что станет основой мира и полной реализации человека.

Таков вкратце советский катехизис. Это смесь идеологии и теории.

Сначала о теории. Западный исследователь должен преодолеть одну сложность. Мы не удивляемся тому, что средневековое мышление было структурировано в рамках теологии. История рассматривалась как промысел Божий, как результат грехопадения человека, смерти Христа и его воскрешения и как финальная форма его второго пришествия. Противоречия и даже чисто политические разногласия рассматривались с этой точки зрения. XVIII и XIX столетия имели политico-философскую точку отсчета. Монархия против республики, свобода против угнетения, влияние среды против врожденных качеств человека – таковы были поля битвы.

Здесь, на Западе, мы все еще мыслим частично с религиозной, частично с политико-философской точек зрения. Русские же приняли новую точку отсчета – экономическую теорию истории, т. е., как они считают, марксизм. Весь мир рассматривается ими в этой перспективе, и все аргументы и нападки исходят тоже из нее. Западному наблюдателю, считающему эти теории делом нескольких профессоров, трудно понять, что русские ведут все разговоры с позиций классовой борьбы, противоречий капитализма и победы коммунизма. На Западе человек видит за этими словами агрессивные и активные попытки обратить в свою веру весь мир. Следует помнить, что наша религиозная идеология, согласно которой христиане, например, верят в грядущий приход всего человечества к истинному Богу, не означает, что мы все хотим обратить в свою веру язычников. Это означает лишь то, что, придерживаясь основной системы взглядов, мы вынуждены выражать наши идеи в определенных терминах; русские, имея свою систему взглядов, делают это в других.

Как я уже говорил раньше, советское мышление эволюционно, т. е. основными факторами человеческой эволюции они считают развитие производительных сил, преобразование одной социальной системы в другую, находящуюся на более высокой стадии. Такая точка зрения не является идеологической в том смысле, в каком я использую это понятие, просто советские лидеры именно так смотрят на историю, следя исторической теории Маркса в ее грубой форме. Это идеологично лишь в негативном смысле – что советские лидеры используют его теорию для анализа своей собственной системы. (Такой марксистский анализ советской системы сразу выявил бы фиктивный характер советской идеологии.) Тем не менее эта теория сама по себе приводит большинство западных

Фрому Эрих Может ли человек преобладать filosoff.org

исследователей к серьезным недоразумениям. Когда в коммунистическом катехизисе заявляется, что «коммунизм победит во все мире», или когда Хрущев говорит: «Мы вас похороним», – все это нужно понимать в рамках их исторической теории, т. е. в том смысле, что следующей стадией эволюции будет коммунизм; это не значит, что Советский Союз ставит своей целью насильно, путем подрыва, вызвать эту смену.

Важно понять двусмысленность марксистской теории. Согласно этой теории исторические перемены происходят тогда, когда экономическое развитие приводит к необходимости таких перемен. Этот аспект теории был основой социалистической реформистской мысли Европы в том виде, в каком он представлен Берн斯坦ом и другими его единомышленниками. Эти социалисты верили в «окончательную победу» социализма, но они считали, что рабочий класс не нуждается в том, чтобы форсировать события, да и не может. Они считали, что капитализм должен пройти все необходимые стадии развития и постепенно, в каком-то неопределенном будущем, трансформироваться в социализм. Теория Маркса не является такой детерминистской и пассивной. Хотя он тоже считал, что социализм наступит только тогда, когда созреют экономические условия для этого, он верил, что в этот период рабочий класс и социалистические партии, в которые к тому времени будет входить большинство, должны будут активно защищать новую систему от всех враждебных нападок со стороны бывших правящих групп. Позиция Ленина отличалась от позиции Маркса тем, что весь рабочий класс он заменил его авангардом и большее значение придавал силе, особенно в России, еще не прошедшей через буржуазную революцию. Я хочу подчеркнуть, что и неактивные реформисты, и Ленин разделяли марксистскую точку зрения об окончательной победе социализма как основной их цели. Сама формула «окончательная победа коммунизма» как историческое предсказание абсолютно применима к эволюционной, неагgressивной политике, представленной Хрущевым.

Если судить о том, стремится ли Хрущев к «мировой революции», нужно задаться вопросом, что, собственно, понимается под «революцией». Конечно, слово может использоваться в различных смыслах, но основной означает любого рода полную и насильтственную смену правительства. При таком понимании Гитлер, Муссолини и Франко были революционерами. Но если использовать термин в определенном смысле, например, как свержение существующего деспотического правления народными массами, ни одну из этих вышеназванных личностей мы не можем назвать революционером. По сути дела именно такое понимание термина бытует на Западе. Когда мы говорим об английской, французской и американской революциях, мы имеем в виду второе значение термина, а не первое: борьба народа с авторитарными системами, а не захват власти такой системой.

Именно в этом смысле Маркс и Энгельс использовали понятие «революция», и именно такую революцию, как он полагал, начал Ленин. Он был убежден, что авангард выражал волю и интересы подавляющего большинства населения даже когда созданная им система уже не выражала волю народа. Но «победы» коммунистов в Польше, Венгрии и т. д. не были революциями, это были военные вторжения русских. Ни Сталин, ни Хрущев не были революционерами, они были вождями консервативных, бюрократических систем, само существование которых основано на беспрекословном подчинении властям.

Было бы наивностью не замечать связи между авторитарно-иерархическим характером системы и тем фактом, что лидеры такой системы не могут быть «революционерами». Ни Дизраэли, ни Бисмарк не были революционерами, хотя благодаря им в Европе произошли значительные перемены, и их страны получили явные преимущества; не был революционером и Наполеон, использовавший идеологию французской революции. Но, несмотря на то что сам Хрущев и не революционер, его вера в превосходство коммунизма абсолютно искренна. Для него и, возможно, для любого простого русского человека коммунизм и социализм – это гуманистическая система, идущая на смену капитализму, как считал К. Маркс; это экономически более эффективная система, в которой нет кризисов, безработицы и подобных явлений, которая в конечном счете способна удовлетворить нужды массового технологического общества. Вот почему русские коммунисты верят, что мирное соревнование двух систем приведет к победе коммунистической системы во всем мире. Их концепции и по этому вопросу, и по многим другим схожи с концепциями о капиталистической конкуренции в сфере экономики. Все же мы колеблемся, стоит ли принять вызов Хрущева соревноваться с его системой, мы предпочитаем верить, что он хочет завоевать нас при помощи силы.

Возвращаясь к идеологически-ритуальной части советского катехизиса, следует подчеркнуть еще несколько пунктов, в любой системе, где реальность заменена ритуализированной идеологией, приверженность правильной идеологии служит доказательством лояльности. Поскольку русские превратили свои идеи в ритуалы, они должны настаивать на «святости» или, как они говорят, «верности» их идеологических формул; и поскольку авторитет Хрущева базируется на его легитимности как наследника идеализированного образа Маркса – Ленина, они должны настаивать на нерушимой последовательности идеологии, идущей от Маркса к Хрущеву. В результате бесконечно повторяется «верная» формула, а все новые идеи выражаются лишь в небольших изменениях слов или в подчеркивании того или иного момента в рамках идеологии. Этот метод хорошо знаком специалистам по истории религии. Большие перемены нашли свое выражение лишь в несущественных изменениях доктрины, почти незаметных для человека непосвященного. Рассмотрим более конкретный пример: официальная доктрина Римской католической церкви, согласно которой протестантизм – это ересь, формально не считалась отмененной с XVI в. Однако из этого не следует, что католическая церковь хочет насильно обратить протестантов в свою веру. Если абстрагироваться от ее отношения к этому во время религиозных войн XVII в., католическая церковь встала на путь сосуществования, не изменив при этом официальной доктрины. Как мы убедились во время последней предвыборной президентской кампании, только некоторые фанатически настроенные группы выразили опасение, что выборы президента-католика означают попытку Ватикана подмять под себя Соединенные Штаты.

Такая ритуализация идеологии ведет к сакрализации не только слов, она направлена на умы и сердца людей. Отличие религиозной догмы от коммунистической идеологии заключается в том, что первая состоит из теологических постулатов, а вторая является социологической или исторической теорией. Но чтобы действовать на массы, политической идеологии нужны моральные оценки вроде «хороший», «плохой», «священный», «проклятый». В советской идеологии «капитализм» или «империализм» символизируют силы тьмы, а «коммунизм» – символ света, и этот квазирелигиозный окрас нужен для того, чтобы обрисовать картину космической битвы Ормузда и Аримана, Христа и Антихриста. Здесь, на Западе, мы делаем то же самое с нашей идеологией, которая является прямой противоположностью русской. Мы являем собой добро, а они – зло. Но если мы рассмотрим обвинения и самовосхваления – обеих сторон, они похожи друг на друга и по содержанию, и по накалу страстей.

Итак, Советский Союз – консервативное, директивное государство, использующее коммуниста чески-революционную идеологию, и для оценки его внешней политики важна его социально-политическая структура, а не идеология. Режим Хрущева должен быть очень заинтересован в развитии своей системы; бюрократия, правящая в Советском Союзе, растет и обеспечивает хорошую жизнь себе, своим детям и со временем всему населению. Хрущев не верит в возможность революции на Западе, не хочет ее – это не нужно для развития его системы. Мир, сокращение вооружений, полный контроль над своей системой – вот все, что ему нужно.

Наша ошибка заключается в том, что мы изготовили смесь из революционного Ленина и империалистического царя и ошибочно принимаем довольно условные и сдержанные жесты Хрущева за признаки «коммунистическо-империалистического стремления к мировому господству».

Но Ростоу все-таки питает определенные надежды, «потому что динамика российской истории вынуждает советское общество отступать от условий коммунистического правления в том, что касается агрессивных намерений Москвы по отношению к остальному миру» (с. 422–423). далее он продолжает: «...но есть причины верить, что когда более молодое поколение, сформировавшееся в военные и послевоенные годы, придет к власти, оно будет вынуждено следовать по пути, ведущему русское общество к более высокому уровню благосостояния и потребления, большей децентрализации и меньшему деспотизму в осуществлении политической власти. Оно сочтет более подходящим строить политику, направленную на интересы российского национального государства, а не на сохранение старых марксистско-ленинских концепций и сталинских формул управления государством, значение и жизненность которых постепенно уменьшались» (с. 426). Я считаю, что профессор Ростоу все еще находится под слишком большим впечатлением от коммунистической идеологии и ошибается в своем предположении, что резкое увеличение потребления «создаст значительные трудности в сохранении политической и социальной основы коммунистического правления в России». Наоборот, в своей работе я пытался

Фрому Эрих Может ли человек преобладать filosoff.org показать, что полноценное потребление позволит системе отказаться от откровенно репрессивных мер и заявить, что это – выполнение «социалистических» обещаний хорошей жизни. Почему население, «живущее в автомобильную эпоху», должно превратиться в угрозу системе? Скорее оно будет оказывать весомую поддержку управленческой бюрократии государства, которая выполнит некоторые свои обещания.

Глава V. Китайская проблема

Будущий историк может решить, что китайская революция была самым выдающимся событием XX в. Эта революция ознаменовала собой перемену исторического курса, длившегося несколько сотен лет. Китай, как и другие страны Азии и Африки, политически и экономически подавлялся мощными европейскими державами; сейчас же Китай не только стремится завоевать статус «великой державы», он строит свою собственную индустриальную систему, хотя и за счет нарушения прав человека и суровых материальных жертв со стороны крестьянских масс.

Китайская революция имеет такое важное значение потому, что в данный момент является собой самый выдающийся пример движения, охватившего весь мир. т. е. колониально-освободительной революции. Слаборазвитые нации в Азии, Африке и Латинской Америке – «новый мир» XX столетия – имеют общую формулу, которая в упрощенном виде звучит так: национализм (политическая независимость) плюс индустриализация. Стремление к быстрой индустриализации, конечно, в большой степени мотивировано экономически, но этим не исчерпывается. Оно имеет много психологических мотивов; индустриализация так долго была привилегией западных стран – их символом власти, что индустриальная независимость стала целью, к которой колониальные нации стремились и по чисто психологическим причинам.

С исторической точки зрения китайская революция знаменует собой конец западного колониализма и начало индустриализации в остальной части мира. В то время как цель, к которой стремится Китай, является общей для большинства слаборазвитых стран, не менее важный исторический вопрос состоит в том, будут ли также и китайские методы постепенно приняты слаборазвитым миром.

Очень важное историческое значение имеет китайское «открытие», представляющее собой реальную угрозу традиционным гуманистическим ценностям. Оно заключается в том, что бедная страна с недостаточным материальным капиталом может использовать другую форму капитала – «человеческий капитал», централизованно организуя и направляя физическую энергию, энтузиазм, страсти и мысли своего населения. Этот максимально полно организованный человеческий «сырой материал» может стать заменой недостающих материальных ресурсов. Конечно, в истории и раньше были попытки мобилизовывать и направлять физическую и духовную энергию людей. Так строились египетские пирамиды; так маршировали нацистские армии; так работали русские рабочие. Но ни одна из предыдущих попыток не достигла такой степени тщательности и тотальности, которой добиваются китайские лидеры. Более того, китайская система, кажется, настолько преуспела в том, чтобы внушить значительному числу людей., может быть даже большинству, эти мысли, что они считают свои жертвы добровольными и идут на них с радостью.

Каким способом китайцам удалось добиться такого результата – вопрос, который будет будоражить историков и годы спустя. Но уже можно выделить некоторые аспекты этого метода. Во-первых, они используют марксистскую идеологию (как они ее понимают) в качестве интеллектуальной отсылки. Таким образом они получают доктрину, вернее догму, ядро, с которым соотносятся все мысли и планы. Эта догма не допускает никаких сомнений, и она подпирается мифическими фигурами Маркса, Энгельса, Ленина, превращенным в идола Мао Цзе-дуном и примером Советского Союза. Этот «теоретический» аспект китайской системы прекрасно согласуется с прошлым, в котором знание было самой большой ценностью и давало доступ к бюрократической системе, в течение тысячелетий управляющей Китаем, пока не разразилась революция 1911 г. Коммунистические лидеры – это новые мандарины, они знают «книгу» и доказывают свою власть, ссылаясь на нее.

Но к традициям мандаринов и Конфуция прибавились новые элементы: особая
Страница 54

Фрому Эрих Может ли человек преобладать filosoff.org смесь религиозного усердия, русских методов получения признаний и самообвинений и самого изощренного психологического метода убеждения. Квазирелигиозная мотивация сама по себе очень сложна. Если выразить это попроще, китайцы говорят: каждая личность является продуктом своего окружения и ее можно изменить, если изменится это окружение. Тех, кого нельзя изменить, нужно уничтожить.

Первая часть этой формулы представляет философию Просвещения XVIII в., теорию, согласно которой среда – единственный фактор, определяющий различия характеров, отношений, достоинств и пороков. К формуле Просвещения примешивается концепция, которую можно приравнять к доктрине католической церкви. Церковь может спасти большинство людей (в китайской формуле это благотворное влияние новой среды), но считаются потерянными те, кого нельзя обратить. Китайский метод отличается от других форм диктатуры и коммунизма тем, что он не сразу полагается на силу, сначала на убеждение, и, более того, это убеждение рассчитано не столько на интеллект, сколько на эмоции – на личностное чувство вины, изоляцию, желание быть вместе с группой – в настоящее время это партия и коммуна, а не семья, как это было раньше.

Это не значит, что сила не применяется; она наличествует в процессе убеждения. Между китайским и сталинским методами существуют фундаментальные различия. Сталин хотел уничтожить все опасные элементы, а китайцы хотят их «перевоспитать». Никогда русские не предпринимали такую тотальную попытку формирования умов и страстей человеческих, как это сделали китайцы; никогда психологический метод «убеждения» (индивидуальная или общественная промывка мозгов) не был таким универсальным, продуманным и – как нам кажется – таким успешным.

Особой чертой китайского коммунизма, если говорить вкратце, является то, что китайские лидеры создали новую эффективную религию. Точнее, религию без Бога – но, в конце концов, ни даосизм, ни конфуцианство не имели теистической концепции Бога в своих системах. Эта новая религия концентрируется вокруг строгой морали, которая сама по себе не должна казаться чужеродной любому западному человеку. Гордыня, обман, эгоизм – вот основные пороки; их должны заменить скромность и беззаветное служение нации. Эта новая религия имеет много ответвлений – она касается и политических взглядов человека, его личных привычек, его философии. В любой сфере жизни есть «правильное» и «неправильное», «добро» и «зло». При помощи «реформы мысли», обучения и переобучения индивида подводят к распознаванию зла внутри себя, его учат, как достичь «добра», его учат отказаться от «грязи» в пользу «чистоты». Мысли и чувства, отвлекающие его от политico-моральной цели, – зло, с ними нужно бороться изо всех сил.

Эта «тоталистская» система так же эффективна и трагична, как и везде; она противоречит всем тем ценностям индивидуализма и свободной критической мысли, которые являются самыми драгоценными цветами западной культуры. Но нужно заметить, что такой контроль над мыслями был обычным во многих религиях и такого рода индоктринация существовала во многих культурах мира.

Эти и другие характерные черты китайского коммунизма можно правильно понять лишь в том случае, если рассматривать его в целом и затем сравнить его с советской русской системой.

Прежде всего для китайской революции характерно то, что это революция крестьян, а не рабочих. Часто отмечалось, что именно эта особенность китайской революции не позволяет назвать ее марксистской. У китайских лидеров была нелегкая задача – найти теоретическую формулу, которая смогла бы сгладить это явное противоречие, и здесь нет смысла разбирать по пунктам их аргументы. Революция шла убыстренным курсом к колLECTIVизации в аграрном секторе, кульминацией которой было принятие в 1958 г. Конституции коммун.

Чтобы дать оценку проблемы китайского сельского хозяйства, нужно иметь в виду, что Соединенные Штаты с населением 180 млн. человек имеют 570 тыс. кв. миль обработанной земли, в то время как Китай – около 650 тыс. на 700 млн. человек. Тем не менее, если нет надежды на более или менее значительное увеличение этой площади, есть возможность, по словам Фэрбенка, увеличить производство продуктов, используя ирригацию и удобрение земель. (Нужно отметить, что это могло бы произойти, если бы часть избыточного количества продуктов, за хранение которых мы тратим больше денег, чем на всю нашу экономическую помощь Азии, мы отдали Китаю под дешевые и долгосрочные кредиты.)

Кроме нехватки пахотной земли Китай страдает от примитивной сельскохозяйственной техники. Приведу следующие цифры: чтобы засеять и получить урожай на 1 акре зернового поля в Соединенных Штатах требуется 1,2 человека-дня, а в Китае для этого нужно 26 человеко-дней. Кажется, за первую пятилетку коллективизации годовой продукт вырос на 2,65 %, что ненамного больше, чем прирост населения (2,2 %). Официальная статистика в Китае объявила о 3,7 %-ном годовом приросте. Ситуация ухудшается еще и тем, что значительную часть сельскохозяйственных продуктов Китай экспортирует, чтобы покрывать расходы на индустриализацию. В результате – очень скучный рацион китайских крестьян. Однако есть причины верить, что крестьяне будут лучше питаться, как только успехи индустриализации позволят Китаю производить свои трактора, удобрения, механизмы для ирригации и покупать продукты у других стран мира, в основном в странах Юго-Восточной Азии.

Понимая это, китайское правительство делает большую ставку на индустриализацию страны. Результаты процесса индустриализации вполне впечатляют, даже если не особенно доверять официальной китайской статистике. Недавняя западная оценка валового национального продукта Китая на 1950–1957 гг., сделанная Уильямом Холлистером, использовавшим официальные данные и независимые вычисления, показывает, что валовой продукт вырос на 8,6 % в 1952 г. и на 7,4 % – в 1953 г..

Эти цифры, принятые и Барнеттом, становятся еще более впечатляющими, если сравнить их с цифрами роста в других азиатских странах, особенно в Индии, которая начала свою пятилетку в условиях, не слишком отличающихся от китайских. Коэффициент роста в Индии с 1950–1951 по 1955–1956 гг. (первая пятилетка) равнялся только 3,3 % (или 4 % согласно другим источникам), т. е. половине (если не меньше) китайского коэффициента. Вряд ли нужно еще раз подчеркивать, что, если развитие пойдет так и дальше, китайский пример будет притягательным для Индии и других слаборазвитых стран, население которых тоже может захотеть экономического улучшения, надежды на лучшее и удовлетворения национальной гордости даже ценой палочной дисциплины и потери свободы. Интересно сравнить китайские и индийские данные с японскими: Япония в 1898–1914 гг. имела рост валового национального продукта 4,6 %, с 1914 по 1936 г. – 4,9 %, в то время как реальный национальный доход, по оценкам специалистов, вырос в 1956–1959 гг. на 8,6 % по сравнению со средним годовым коэффициентом. Очень справедливо замечание Барнетта: «Пример Японии показывает, что и некоммунистическая страна может достичь большого экономического прогресса, не прибегая к тоталитарным методам; Япония уже не слаборазвитая страна, и коэффициент роста в Китае так значителен только в сравнении с другими странами Азии» [163 – Harriett A. D., 1. с. р. 45.].

С индустриальным прогрессом Китая непосредственно связан рост его военной мощи. Нет нужды говорить, что Китай не нуждается в людских ресурсах; кроме того, они дисциплинированы и воспитаны в духе национальной гордости и фанатизма. Помимо прочего Китай наращивает производство своего собственного оружия. Оценки этого производства, конечно, ненадежны, но уже через несколько лет Китай сможет производить собственное атомное и термоядерное оружие.

Для американской внешней политики очень важно не только понять природу китайского коммунистического режима, важно еще и дать оценку его отличию от российского, а также тем конфликтам, которые могут возникнуть в результате различия режимов. До недавнего времени Советская Россия и коммунистический Китай воспринимались как близнецы. (Такой подход все еще встречается в прессе и в высказываниях не очень хорошо информированных политиков.)

При анализе отношений между Советским Союзом и Китаем вводят в заблуждение тот факт, что они имеют одну и ту же идеологическую систему и тот же политический альянс. Тем, кто не различает идеологию и факты, эти две системы кажутся более или менее идентичными. Но истина заключается в том, что реальность этих двух систем радикально различна, несмотря на их идеологическое сходство.

Советский Союз превратился из революционного государства рабочих и крестьян в политически консервативное индустриальное управляемое государство. Советская Россия – последняя великая европейская держава, вставшая на путь полной индустриализации, она находится в процессе превращения в одну из богатейших и мощнейших держав мира. Ее идеология все еще является

Фрому Эрих Может ли человек преобладать filosoff.org революционной, марксистской и т. д., но она все больше «худеет», если говорить о ее влиянии на умы и сердца людей. Идеология общества, основанного на равноправии, братстве и бесклассовости, общества, идущего по пути отмирания государства, все больше контрастирует с реальным обществом, построенным на жестких классовых различиях.

Нынешний коммунистический Китай не относится к богатым странам. Как и в других слаборазвитых странах, уровень жизни китайского населения более чем в 20 раз ниже уровня жизни в индустриальных странах. Более 100 лет европейцы эксплуатировали китайцев и относились к ним с презрением (кстати, Сталин тоже очень презирал китайцев). Теперь они пробуждаются под руководством одаренных, решительных, некоррумпированных людей, тех, кто начал и выиграл революцию. Они настроены националистически, горды и чувствительны к любого рода пренебрежению со стороны Запада. Они решили превратить Китай в мощное индустриальное государство, одну из ведущих держав мира. Коррупция (пока еще) там отсутствует.

У китайских лидеров есть свое понимание коммунизма, совершенно отличающееся от Маркса: в то время как цель его системы коммунизма – эманципация и полный расцвет индивида, китайские коммунисты пытаются осуществить полную колективизацию индивидов, сделать их неразличимыми членами коллектива; они подавляют индивидуальность ради общества. Соответственно, они верят, что их система коммун, в которые объединено подавляющее большинство китайцев, – это шаг вперед в осуществлении коммунизма. Они создают новую форму религии, особую смесь идеологии просвещения, культивирования и использования чувства вины и стыда. Отличаясь от всего того, что Маркс имел в виду под социализмом (или коммунизмом), их система отличается и от русской индустриальной системы управления государством. Будет лишь небольшим преувеличением сказать, что китайцы, эти «синие муравьи», как их часто называют в России, кажутся русским такими же чужими и «дикими», как казались сами россияне Западу в 1917–1920 гг., Несмотря на то что Китай и Советская Россия объединены общим противостоянием Западу и общей идеологией, – как раньше, так и в настоящее время – расхождение двух держав все увеличивается. Конфликт имеет несколько причин. Самая главная, возможно, заключается в том, что Россия входит в число богатых государств Запада, а Китай является частью бедного сектора, включающего страны Азии, Африки и Латинской Америки. Это конфликт совершенно иного рода, нежели конфликт между Россией и Западом. Последний – это битва между двумя блоками, имеющими гораздо больше общего между собой, чем Россия имеет с Китаем; Китай, пытаясь стать лидером колониальной революции, экспортить революцию в Индию, Индонезию, на Средний Восток и в Латинскую Америку, потенциально гораздо более опасен для Советского Союза, чем для Соединенных Штатов. Если Китай захочет иметь новые территории для все возрастающего населения, слабо заселенная Сибирь станет более соблазнительной, чем густо населенная часть Южной и Юго-Восточной Азии.

Кроме этой потенциальной угрозы в качестве лидера колониальной революции китайское руководство представляет еще одну угрозу для Советского Союза как ведущей страны коммунистического мира. Придя к власти, китайские коммунисты заявили, что их революция является «классическим примером», моделью всех других революций в Азии и других слаборазвитых странах. Введя систему коммун, китайские руководители заявили, что они обогнали русских в строительстве коммунистического общества. Нынешний Китай – бедная страна, изо всех сил стремящаяся к индустриализации, а Россия превращается в богатое общество, пытающееся развить и сохранить то, что имеет.

История отношений между Китаем и Россией прошла через несколько фаз, которые мы не будем обсуждать детально. С 1920–1921 гг., когда надежда на революцию в Европе начала таять, ожидание революции в Азии стало важным пунктом в революционной повестке дня. Даже в то время среди коммунистов существовал конфликт: Ленин выступал за поддержку и союз с национальной революцией китайской буржуазии против западных держав, в то время как Индия в лице Роя ратовала за необходимость рабоче-крестьянской революции против своей буржуазии.

Важно помнить, что победа китайских коммунистов – почти целиком заслуга самих китайцев, помощи от России почти не было. Сталин поддерживал правительства Гоминьдана и Чан Кайши, и есть причины предполагать, что его очень устраивала слабость режима Гоминьдана. Такое предположение подкрепляется тем фактом, что в Ялтинском соглашении Сталину удалось восстановить права русских в Маньчжурии, и после войны он вынудил Гоминьдан

Когда правительство гоминьдана вынуждено было отдать Нанкин, Сталин велел советскому послу сопровождать правительство Чан Кайши в Кантон, в то время как большинство других послов остались в Нанкине в ожидании коммунистов. Даже после успеха китайских коммунистов экономическая помощь России была очень ограниченной. Китайские инвестиции, по сути дела, были сделаны благодаря внутренним сбережениям, финансовая поддержка Советского Союза была несущественной. С 1950 по 1956 г. Советский Союз обещал техническую и финансовую помощь по 211 проектам. Финансовая помощь заключалась в займах, а не в грантах, достаточно было платить только около / стоимости оборудования, необходимого для проектов, поддерживаемых русскими, и в период с 1957 по 1956 г. российский кредит на новое оборудование составлял каких-то 3 % всех государственных инвестиций.

Тем не менее такая ограниченная финансовая помощь не снижает огромной важности того факта, что техническая помощь России, заключающаяся в посылке специалистов, позволила выполнить первый пятилетний план, который вряд ли бы был выполнен без нее. Но что касается технической помощи, нельзя забывать, что писал Чжу Эньлай в газете «Пиплз дейли» в октябре 1959 г.: «Советский Союз в предыдущем десятилетии послал около 800 специалистов в восточноевропейские страны и более 1500 – в Китай», и далее, что большинство русских специалистов уехали из Китая в 1960 г.

Двусмысленность русско-китайских отношений переросла в явный антагонизм только после 1959 г., хотя все элементы конфликта уже существовали и были упомянуты выше. Основные причины конфликта двух сил заключаются в следующем: 1) мирное сосуществование с Западом; 2) мирные методы достижения победы коммунизма в различных странах; 3) атомное вооружение Китая; 4) спор о том, какой путь к коммунизму – русский или китайский – является более правильным.

С точки зрения западной внешней политики основной вопрос, несомненно, – это конфликт между российской политикой мирного сосуществования и китайской политикой, которая не отрицает возможность военных методов. Если признать убедительным анализ А. М. Холперна, этот конфликт стал явным во время визита Хрущева в Пекин в 1959 г. на праздновании 10-й годовщины китайской революции.

Хотя в речах на праздновании подчеркивалось мирное сосуществование, Хрущев уехал из Пекина, даже не подписав обычное дружеское коммюнике с Мао, что же случилось? «Мы можем предполагать, – пишет Холперн, – что Хрущев, прибыв в Пекин, поставил китайских лидеров в известность, что он очень удовлетворен возможностью мирного сосуществования с Западом и намеревается вступить с ним в серьезные переговоры. Возможно, он им указал на необходимость в будущем ограничить развитие вооружения. Вероятнее всего, он потребовал несколько смягчить внешнюю политику и провести кое-какие существенные политические перемены. Может быть, он уверял их в том, что будет учитывать их интересы, но в то же время посоветовал уменьшить их максимальные требования».

После некоторого размышления китайцы, по-видимому, согласились, что их отношения с Южной и Юго-Восточной Азией не были успешными, однако что касается политики по отношению к Западу (и других проблем, упомянутых выше) – она только ужесточилась. Они выдвинули тезис о неизбежности постоянного конфликта между двумя лагерями, а американские «мирные жесты» считали не чем иным, как дымной завесой, скрывающей стремление Соединенных Штатов к мировому господству. Позиция же России оставалась четко выраженной – «мирное сосуществование». Приведенные ниже заявления очень ясно выражают две позиции.

Хрущев: «давайте не будем подходить к делу с коммерческих позиций и высчитывать, какие потери понесет та или иная сторона. Война будет катастрофой для народов всего мира».

«Представим себе, что произойдет, когда бомбы начнут падать на города. Эти бомбы не будут различать, коммунисты или не коммунисты... Нет, все живое будет стерто с лица Земли пламенем ядерного взрыва».

«В наши дни только безрассудный человек может не бояться войны».

далее приводится китайская позиция, выраженная словами Мао Цзедуна: «Если империалисты настаивают на разжигании еще одной войны, мы не должны ее бояться... После первой мировой войны появился Советский Союз с населением в 200 млн. человек. Результатом второй мировой войны было появление социалистического лагеря с общим населением 900 млн. человек. Если империалисты настаивают на разжигании третьей мировой войны, еще несколько сот миллионов обратят свои взоры к социализму».

При сравнении отношения русских и китайцев к войне и миру возникают два вопроса. Во-первых, действительно ли существует различие, или это только кажется; некоторые полагают, что Хрущев «мягко стелил», создавая благоприятный климат для будущего саммита. Учитывая тот факт, что длительный и интенсивный идеологический спор между двумя блоками закончился компромиссным решением (после трехнедельных переговоров) почти полностью в пользу позиции Хрущева, выраженной в Декларации 81 коммунистической партии (Москва, 1960), не было смысла предполагать, что китайцы положили бы конец яростной идеологической оппозиции, если бы они считали заявление Хрущева только кратковременным тактическим приемом. Только парапоник, а не серьезный исследователь может предположить, что вся китайская оппозиция является частью хитрого заговора, цель которого – заставить поверить в серьезность Хрущева.

Во-вторых, почему китайцы относятся к термоядерной войне так, будто они ее боятся гораздо меньше, чем русские. Напрашивается один очевидный ответ: поскольку у китайцев меньшая централизация и гораздо большая численность населения, они полагают, что в случае термоядерной войны разрушений у них будет гораздо меньше, чем в Советском Союзе или в Соединенных Штатах, и поэтому после войны они будут самой сильной державой мира. Что бы они ни думали по этому поводу, мы не должны забывать, что у китайцев поистине евангелическая страсть, чего нет у русских по причинам, указанным нами выше. Значат ли все эти рассуждения, что китайцы хотят войны и их курс – при всех обстоятельствах – является неизменно агрессивным, это уже следующий вопрос, к которому мы вернемся позже.

По вопросу о возможности мирных методов в борьбе за коммунизм расхождения между русскими и китайцами так же сильны, как и по вопросу мирного существования. В цитируемой выше статье из «Красного флага» за 15 апреля 1960 г. говорится, что освобождение рабочих и крестьян «может произойти только в грохоте революции, а никак не путем реформизма». Югославские лидеры, которых называют ритуальным словом «ревизионисты», считаются архиврагами, а Югославию центром мирового ревизионизма. Но они часто служат фоном всего лишь фоном действительного оппонента – Хрущева, которого, конечно же, открыто не называют ревизионистом. Но позиция Хрущева становится совершенно ясной уже из Декларации 81 коммунистической партии, где он делал упор на мирном экономическом соревновании двух систем, а не на революционной деятельности.

В сущности, конфликт между русской и китайской сторонами не ограничивается проблемами отношений с индустриальными странами (он в основном теоретический и не относящийся к реальности). Конфликт приобретает особую остроту в связи с политикой в отношении различных слаборазвитых стран. Похоже на то, что внезапное прекращение коммунистической агрессии в Ираке летом 1959 г. произошло благодаря давлению Хрущева и вопреки намерениям китайцев; гораздо понятнее случай с Алжиром. В своем докладе на заседании Верховного Совета в октябре 1959 г. Хрущев, в противоположность своей прежней позиции относительно планов де Голля, неожиданно выступил в поддержку североамериканского плана прекращения огня, в то время как китайцы продолжали клеймить план де Голля «как хитрость от начала и до конца».

Собственно говоря, китайско-русский конфликт – это конфликт по поводу лидерства внутри коммунистического движения. Китайские лидеры заявляют, что их коммуны – это крупный шаг в направлении истинного коммунизма, а Мао Цзедун – ведущий теоретик коммунистического лагеря, русские же, естественно, отвергают эти притязания. Этот конфликт нельзя объяснить только личной ревностью. Он касается очень важного вопроса: кто со временем станет лидером всех слаборазвитых стран, особенно, коммунистических партий этих стран – Советский Союз или коммунистический Китай. Различие между русским и китайским видением коммунизма очень весомо. Россия является собой консервативный индустриальный управляемый организм, но в то же время она должна поддерживать колониальные революции ради сохранения своей

Фрому Эрих Может ли человек преобладать filosoff.org политической позиции в мире, всегда включавшей в себя заботу о собственной безопасности и желание договориться с Западом. С другой стороны, Китай с его идеями, противоречащими социализму Маркса, сохранил мессианскую веру в эгалитарный тип массового общества; эта вера основана на непоколебимой убежденности в том, что коммуны – это укороченный путь к новой форме общества и что капитализм никогда не откажется от своего стремления разрушить коммунистические страны.

Русско-китайский антагонизм проявляется не только в конфликтах по поводу проблемы существования, мирного перехода к социализму и т. д., но и во многих практических вопросах, касающихся внешней политики. Известно также, что кроме расхождений в отношении де Голля и, возможно, Ирака, были и другие: Хрущев выразил сожаления по поводу агрессивного поведения китайцев в китайско-индийском пограничном конфликте. Серьезные споры между Россией и Китаем велись не только о влиянии в различных коммунистических партиях мира, но и о влиянии в таких важных стратегических точках земного шара, как Конго, Алжир и Куба, где китайцы пытались переиграть местных лидеров в их агрессивной политике, в то время как русские придерживались позиции умеренного вмешательства, используя, однако, «жесткий» язык, чтобы не оставить поле битвы за китайцами.

Еще более важно, возможно, что русские не хотят снабжать китайцев атомным оружием. Есть много свидетельств тому, что Китай оказывает давление на Советский Союз с целью получить атомное оружие, но Россия не согласна уступить их требованиям. Со стороны Восточной Германии, и Китая было оказано совместное давление получить атомное оружие в том случае, если западные державы предоставят Западной Германии термоядерное оружие. Однако Хрущев в недатированном письме к Европейской федерации против атомного оружия, опубликованном ТАСС 18 марта 1959 г., подчеркнул «нежелательность расширения так называемого атомного клуба» и предупредил, что действия Соединенных Штатов по снабжению своих союзников атомным оружием вызовут «своего рода цепную реакцию распространения атомного оружия по всему миру».

Все же одну проблему нужно рассмотреть ввиду ее огромной важности в понимании будущего китайской политики. Проблема заключается в том, свидетельствует ли агрессивность нынешней китайской политики о стремлении Китая к территориальной экспансии и – со временем – к войне.

Принимая во внимание рост населения и низкую продуктивность сельского хозяйства Китая, можно предположить, что по экономическим причинам он нуждается в территориальной экспансии, которая может быть направлена либо в сторону слабо населенных Внешней Монголии и Сибири, либо в сторону густонаселенной Юго-Восточной Азии с ее сказочными запасами риса, нефти, резины и т. д. Все возрастающая агрессивность Китая, конечно, может однажды привести к началу территориальной экспансии, однако существует много причин считать, что это не тот путь, который предпочтут китайские руководители. Экспансия в сторону Сибири превратит Советский Союз во врага Китая и приведет к созданию американо-советской антикитайской коалиции, что чревато для Китая смертельными последствиями. Что касается экспансии на юго-восток, которая может произойти лишь при скрытой или явно выраженной поддержке России, то нет реальной необходимости такой экспансии. Китай действительно нуждается в сырье, имеющемся в изобилии в Юго-Восточной Азии, но задача Китая не в подчинении этих стран, а прежде всего в свободной, беспрепятственной торговле с ними по приемлемым ценам.

Решающим для всей китайской экономики является тот факт, что у Китая почти нет долгосрочных кредитов, поэтому он вынужден проводить индустриализацию, имея небольшие средства, и вынужден экономить на ограничении потребления. Вот какую картину рисует Барнетт. «Приступая ко второму пятилетнему плану, – пишет он, – они действовали по принципу «по одежке протягивай ножки», и, может быть, именно этот фактор определил радикальные перемены во внутренней политике в течение 1957–1958 гг. Драматическое решение организовать разобщенные, мелкие, трудоемкие индустрии, провести широкомасштабную мобилизацию трудовых резервов на орошение полей и другие проекты, требующие небольших капиталовложений, распределять население Китая и его ресурсы и дальше по коммунам – все это, может быть, объясняется, во всяком случае в некоторых аспектах, тем, что Китай выполнял свои программы развития без долгосрочных иностранных займов».

Несмотря на усердие в построении своего типа коммунизма, их упорный национализм, их гордость и их агрессивный язык, можно предполагать, что

Фрому Эрих Может ли человек преобладать filosoff.org нынешние лидеры Китая, будучи людьми реалистически и рационально мыслящими, предпочитают достичь своих целей мирными методами, а не разжигать войну, хотя они и не боятся ее, как русские. Вот к какому заключению приходит Барнетт: «Существует много причин, позволяющих считать, что в своей стратегии пекинские лидеры не стремятся ни к территориальной экспансии, ни к насильственному экспорту революции. Завоевание мира в традиционном военном смысле и мировая революция в рамках коммунистической доктрины – совершенно разные концепции. Тем не менее Китай считает приоритетом наращивание военной мощи и, не желая большой войны, в различных целях может использовать давление и силу». Даже после недавнего противостояния китайских лидеров хрущевской политике сосуществования Барнетт не верит, что китайцы отказались от курса, основанного на намерении избежать войны и на возможности сосуществования на основе соревнования, которому они следовали до фиаско «периода 1000 цветов». Он пишет: «Конечно, нельзя полностью исключить того, что китайцы решили больше полагаться на вооруженные силы для достижения своих целей. Тем не менее сейчас, в начале осени 1959 г., почти ничего не указывает на то, что китайцы решат следовать политике широкомасштабной военной агрессии. То давление, которое они оказывают на соседние страны, достаточно ограничено, и, очевидно, планы Пекина по отношению к китайско-индийской границе и по отношению к Лаосу также ограничены. В обеих ситуациях действия китайцев явно объясняются внутренними факторами, а не долгосрочной тактикой, и, может быть, решив местные проблемы, Пекин предпочтет действовать в отношении Южной и Юго-Восточной Азии при помощи пряника, а не кнута».

Если посмотреть на китайскую проблему трезво, не ослепляясь ненавистью к их коммунизму, можно прийти к выводу: чем более сложной будет экономическая ситуация в Китае, тем более нетерпимым будет режим Китая и более агрессивной его внешней политики. Если существующая сейчас политика максимальной экономической изоляции и политического унижения сохранится, агрессивные тенденции внутри Китая усилятся, что поможет врагам Хрущева в Советском Союзе одержать верх. Такой ход событий, скорее всего, приведет к термоядерному вооружению Китая, потом Германии и в конечном итоге к войне. Если, с другой стороны, пекинскому правительству предоставить кредиты, возможность свободно торговать и место в Организации Объединенных Наций, если решению экономических проблем не помешают враждебные правительства Юго-Восточной Азии, существует реальная возможность того, что Китай вернется к прежней политике соревнования и сосуществования, которой он придерживался до 1958 г.

Глава VI. Немецкий вопрос

Существует множество политических проблем, препятствующих урегулированию российско-американских отношений: Корея, Тайвань, Лаос, Средний Восток, Конго, Куба, Южная Америка. Но нет более сложных проблем, чем те, что формируют еще большие препятствия на пути взаимоотношений с Германией.

По окончании второй мировой войны появилось соглашение, по которому Германию необходимо сдерживать от ее нового превращения в военную угрозу либо Западу, либо России. Когда был отвергнут фантастический план Моргентау по превращению Германии главным образом в аграрную страну, согласились, что Германия не должна иметь сильной армии. Немцы, казалось, тоже согласились с этим. Аденауэр прямо высказался против идеи сильной немецкой военной власти, а социал-демократы, сильнейшая оппозиционная партия, неистово сопротивлялись вооружению и «Atomtod» (ядерной угрозе). В нескольких немецких городах состоялись крупные массовые демонстрации против атомного вооружения.

Теперь, не так уж много лет спустя, ситуация полностью изменилась. Германия стала сильнейшей военной державой в Европе, если не считать Россию. Ее генералы (все служившие при Гитлере) заявляют, что Германия в целях самозащиты нуждается в атомном оружии. Социал-демократы, особенно с тех пор, как Вилли Брандт стал лидером партии, выступают не менее ярыми защитниками военной мощи Германии, чем партия Аденауэра.

Позиция Запада достаточно проста – Советский Союз, стремясь к мировому господству (что он продемонстрировал своим покорением восточноевропейских стран после войны), наводнит своими Силами Западную Европу, если Европа не

Фрому Эрих Может ли человек преобладать filosoff.org
сможет отстоять свои позиции достаточно крепкой военной силой. Однако без
вооруженной Германии Европа не так сильна, чтобы противостоять русскому
нападению; следовательно перевооруженная, милитаристски сильная Германия,
нужна, чтобы защитить свободный мир. Этот аргумент далее подкреплен
допущением, что сегодняшняя Германия демократична и миролюбива, и таким
образом она больше не может быть угрозой России или еще кому-то, у кого нет
злых намерений.

С другой стороны, русские никогда не разделяли этих взглядов. Они ощущали,
что им угрожает милитаристски сильная Западная Германия, и они верили, что
перевооруженная Германия повторит попытки кайзера и Гитлера напасть на
Россию.

Разве может упор Запада на миролюбивость и демократическую природу
сегодняшнего немецкого режима служить существенным основанием для России
отказаться от этих страхов? Разве Германия «изменилась» настолько, как об
этом заявляют западные союзники?

Германия – самая поздняя из индустриальных крупных европейских держав (за
исключением России), проявивших свою полную зрелость. Мир уже был разделен
между старыми державами (Англией, Францией, Голландией, Бельгией).
Германия, индустриальное развитие которой пошло чрезвычайно быстро после
1870 г., когда в ней была создана высокоразвитая промышленность
(характеризовавшаяся, как и в Японии, высокой степенью картелизации), со
строгой дисциплиной и высокой трудоспособностью населения, с географической
точки зрения была относительно маленькой страной, не имеющей природных
ресурсов и рынков для реализации ее промышленного потенциала. В то же самое
время в Германии (особенно в Пруссии) был класс феодалов, который создал
самую впечатляющую военную касту, компетентную, преданную и чрезвычайно
националистическую. Сочетание промышленной экспансии с ее военным
потенциалом вывело Германию на тропу войны. С начала XX в. Германия
пыталась бросить вызов превосходству Англии на море, создав свою
собственную морскую программу [186 – Ухудшение немецко-британских отношений
произошло не вследствие, как часто представляют, немецких планов
экономического завоевания Турции (железная дорога в Багдад), а из-за
морской программы Германии, которой она угрожала Англии.]

Уже в 1891 г. с основанием Всеобщего германского союза («Alldeutscher
Verband») начал распространяться лозунг «Народ в борьбе за место под
солнцем» («Volk ohne Raum»). Гутенберг, один из представителей немецкой
индустрии, а позднее – лидер консервативной партии, помогший Гитлеру
достичь власти, стал одним из соучредителей этой организации.
Австро-венгерская провокация в 1914 г. позволила настроенным на войну
немецким вооруженным силам, связанным с немецкой тяжелой промышленностью,
оказать достаточно сильное давление на более миролюбиво настроенное, но
слабое гражданское правительство Бетман-Гольвега, чтобы навязать ему
решение о начале войны. Во время войны политические представители немецкой
тяжелой промышленности, Всегерманский союз, как и вновь организованная
Партия отечества (Vaterlandspartei), а также традиционные партии, от правой
центристской до консервативной, поддержали старые экспансионистские военные
устремления, что в форме меморандума было представлено 20 мая 1915 г.
канцлеру рейха Центральной организацией немецких промышленников
(Zentralverband Deutscher Industrieller).

Генерал Людендорф, подлинный лидер немецкой военной машины, в меморандуме
от 14 сентября 1916 г. одобрил более или менее те же самые цели:
территориальная экспансия на запад, экспансия на восток за счет Франции,
Голландии и Бельгии в целях поддержания немецкой тяжелой промышленности.

Эти группы помешали миру в 1917 г., и поэтому они ответственны за конечное
поражение Германии.

Кайзер был всего лишь марионеткой промышленных и военных сил, развязавших
войну. После ухода кайзера и после краткого революционного периода,
угрожавшего самому существованию этих промышленных и военных сил, они вновь
заявили о себе в рамках демократической Веймарской республики. Армию
модернизировали и перестроили (секретно и против условий Версальского
договора). Индустрия процветала, и ее лидеры (или их политические
представители) достигли постоянно растущей политической роли в Веймарской
республике. После 1929 г., однако, радикализм начал заявлять о себе. Ряды
коммунистической и социалистической партий пополнились миллионами

Фромм Эрих Может ли человек преобладать filosoff.org
безработных, ставших их членами и сочувствующими, за счет чего эти партии
получили большинство голосов в рейхстаге.

В момент Гитлер предложил свои услуги. Он обещал две вещи. Первое: уничтожить коммунистическую и социалистическую партии и таким образом спасти промышленность от угрозы утраты ею преимущественной позиции; второе: создать в стране националистический психоз, при помощи которого будет достигнута база для полного и открытого перевооружения и внезапно возникших новых претензий на «место под солнцем».

Сохранились обширные материалы, подтверждающие, что Гитлера поддержала немецкая тяжелая индустрия и что без этой поддержки он никогда не смог бы захватить власть.

20 февраля 1933 г. Гитлер встретился с 25 магнатами немецкой индустрии (включая Круппа) и повторил им примерно ту же программу, которую он 27 января 1932 г. представил более узкой группе людей: защита частного предпринимательства, авторитарный режим, перевооружение; решение по этой программе должно было быть принято не в Женеве, а в Германии, по мере того как будет уничтожен внутренний враг. В 1933 г. (3 февраля) он произнес речь перед генералами, в которой потребовал жизненного пространства на востоке и новых рынков для экспорта.

Программа Гитлера по своей сути не очень отличалась от программы промышленно-военной коалиции в первой мировой войне, и поддержали ее те же самые группы. Ни промышленникам, ни генералам Гитлер не нравился, но казалось, что он – тот единственной человек, который мог бы попытаться сделать то, что не удалось кайзеру. Его безумный расизм был той необходимой платой, которую он требовал за свою службу.

Важно отметить, что причиной второй мировой войны был не Гитлер, а тот же альянс между промышленниками и военными, бывший ведущей силой за кулисами первой мировой войны. (Тот факт, что генералы были более осторожны в своих планах, чем Гитлер, и что некоторые из них отвернулись от него, не меняет характер этой основной конstellации.) Снова, как и во время первой мировой войны, немецкая элита сделала несколько ошибок при выборе своего лидера. Сходство между Людендорфом и Гитлером действительно поразительное. Они оба были одаренными, но истеричными, полубезумными националистами с необузданым воображением; оба не смогли почувствовать тот момент, когда уже не было никакой возможности выиграть войну. Между ними есть только одно, но весьма важное отличие: когда Людендорф вдруг понял, что все потеряно, он сдался, в то время как Гитлер, более нездоровая и деструктивная личность из этих двоих, намеревался уничтожить всю Германию вместе с собой в грандиозной *Lotterdammerung* (гибели богов).

Германия проиграла, а промышленники и милитаристы снова ушли в тень. Окупация западными союзниками не привела к существенным социальным и политическим переменам. Подлинными виновниками признали фашистов, а не людей, их нанявших. В 1918 г., вопреки шумихе, кайзера не повесили, однако повесили его последователей, высших лидеров фашизма. Однако этот акт можно сравнить с заклинанием дьявола. Логика была такова: поскольку фашисты отвечали за ход войны и поскольку они полностью проиграли ее, Германия теперь, при новом руководстве, стала демократическим, миролюбивым государством. Когда после 1947 г. напряженные отношения с Советским Союзом усугубились, Запад стал все больше и больше склоняться к подталкиванию старого врага к перевооружению, оправдывая свою политику подтекстом заявления, что кое в чем Гитлер был прав: он не очень ошибался, утверждая, что спасать «христианскую культуру Запада» от «варварских орд большевизма» – задача именно Германии.

Новая Германия для выполнения новой агрессивной роли обладала не только промышленным и военным потенциалом, но и националистическим потенциалом, который можно было использовать в агрессивных планах. Во-первых, немецкое правительство никогда не признавало реки Одер и Нейсе в качестве окончательной границы. Мудрость и справедливость решения о передаче без права оспаривания части немецких земель Восточной Германии, России и Польше и депортации миллионов немцев из этих территорий можно поставить под серьезное сомнение, но не следует забывать, что в действительности это решение исходило от западных союзников, хотя и не в виде формального мирного договора.

На деле результаты этого шага оказались менее болезненны экономически и социально, чем можно было предположить. Эти провинции были самыми бедными в Германии, а их население, эмигрировавшее в Западную Германию, так удачно приспособилось к условиям роста немецкой экономики, что, наверное, сегодня найдется очень мало людей, пожелавших бы вернуться на свою родную землю, если бы им предложили это сделать. Однако это не мешает шумихе вокруг «украденных территорий», и ни одна немецкая политическая партия не осмеливается обзывать эти шумные протесты. (Даже бывшие судетские немцы, которые кричат, что им должны вернуть их землю, понимают, что на самом-то деле эту землю Гитлер украл у Чехословакии.)

Это националистическое чувство поддерживается и может быть раздутьо в большой пожар в любой момент, если вдруг немецкое правительство захочет это сделать. Националистический потенциал Германии не меньше, чем потенциал Данцигского коридора, Австрии и Судетской области, где Гитлер начал свои военные приготовления. Немецкое правительство смогло показать свои мирные намерения признанием границы по Одеру-Нейсе, но заявление, что Германия никогда не будет пытаться вернуть свою бывшую территорию с помощью силы, – просто бессмысленные слова (в духе многих деклараций Гитлера), так как вполне очевидно, что они могут приобрести эти территории вновь только одним путем – силой.

Достижения Германии представляются особенно зловещими, если проследить линию их развития в последние пять лет. Это линия не в сторону демократизации и мира, а в сторону нового подъема милитаризма и национализма. Бундесвер уже выплынул множество демократических призывов, направленных на демонстрацию отказа от старого духа прусского милитаризма. Генералы уже предприняли неконституционный шаг, публично требуя атомного вооружения для защиты страны. Кроме того, они требуют увеличения немецкого флота; они ведут переговоры с Франке о базах в Испании и т. д., и т. д.

Многие бывшие фашисты все еще занимают высокие правительственные посты. (Доктор Глобке, высокий гражданский служащий при Гитлерере и автор самых важных комментариев к расистским законам Гитлера, – начальник канцелярии Аденауэра.) Характерно, что главный аргумент против Вилли Брандта, социал-демократического оппонента Аденауэра, состоит в том, что он эмигрировал из Германии при Гитлерере, т. е., другими словами, не был лояльным патриотом.

В настоящее время Германия осуществляет свой новый подъем в Западной Европе не путем войны, а через свое экономическое превосходство в едином Западноевропейском экономическом блоке. Так, Германия, господствуя над Францией, Голландией, Бельгией и, возможно, Италией, сейчас, наверное, намного сильнее, чем она была когда-либо раньше. Неудивительно, что русские подозрительно относятся к этому развитию и видят в нем угрозу для себя. Странно, что Великобритания и Соединенные Штаты делают вид, что ничего не подозревают. В обеих этих странах страх перед Россией уничтожил страх перед новой мощной Германией, которая в будущем может выступить как против Запада, так и против Востока.

Глава VII. Предложения к миру

Какими могут быть многочисленные ответы на один единственный вопрос – как разрешить современный мировой конфликт, избежав ядерной войны?

I. МИР ПУТЕМ УСТРАШЕНИЯ; ВООРУЖЕНИЯ И СОЮЗЫ

Первый и самый популярный ответ на этот вопрос в Соединенных Штатах сводится к следующему: лагерь коммунизма стремится к мировому господству, а потому невозможно прекращение «холодной войны». Избежать ядерную войну возможно лишь в том случае, если Соединенные Штаты будут готовы к ответному удару, что и должно стать сдерживающим моментом для русских. А потому наша свобода, как и мир, зависят от ядерного вооружения, а также военных союзов, что и явится сдерживающим моментом для советских руководителей. Наиболее влиятельный эксперт в военных вопросах Генри А. Киссинджер пишет: «Без

Фрому Эрих Может ли человек преобладать filosoff.org

преимущества, которое дает нанесение удара первыми и отсутствия такового в случае нанесения удара вторыми, не будет и причины, ведущей к неожиданной атаке или более сильному удару. Обоюдная неуязвимость означает обоюдное устрашение. Это наиболее устойчивая позиция с точки зрения предотвращения войны».

А что думают наши эксперты по поводу ситуации развязывания русскими военных действий за пределами Соединенных Штатов на территориях, которые мы обязаны защищать? Большинство стратегов, особенно из армии и флота, уверены, что мы должны быть готовы как в политическом, так и в военном отношении к ограниченным военным действиям, поддерживая «ограниченную угрозу ядерного нападения во избежание превращения войны в тотальную. Они считают, что «массовое возмездие» за ограниченные военные действия противника приведет к тотальному и всеобщему разрушению, главная же цель накопления ядерной силы, по их мнению, – предотвратить возможность какого-либо ее использования. Среди тех, кто разделяет данную точку зрения, – Генерал Максвелл Д. Тейлор, член администрации президента Кеннеди. Он пишет: «По моему мнению, должна быть задействована программа, опирающаяся на следующие принципы:

- а) в случае неожиданного нападения со стороны противника иметь снаряды дальнего действия для нанесения ответного удара;
- б) иметь равные, хорошо вооруженные, мобильные силы, способные справиться с локальными военными конфликтами и тем самым предотвратить развязывание атомной войны между двумя ядерными державами;
- в) создать эффективный альянс с союзниками;
- г) привести в действие методику, эффективно обеспечивающую выполнение данной программы.

Доказательством справедливости и пользы данной программы может служить следующий аргумент: главная причина тщательности подготовки к атомной войне заключается в том, что другой войны после нее уже не будет. Данная программа преследует цель – достичь баланса и равновесия в возможностях использования ядерной силы между двумя блоками с тем, чтобы атомная война стала невозможной».

Однако, как мы увидим, есть и другие точки зрения экспертов, особенно представителей военно-воздушных сил, расходящиеся с приведенными позициями и утверждающие, что бывают такие обстоятельства, в которых мы должны и будем необходимо вовлечены в ядерную войну в случае поражения в локальной войне.

Среди приверженцев «безопасности путем устрашения» сложились две позиции. Одна, которую разделяет и поддерживает администрация президента, сводится к тому, что если обе стороны будут иметь достаточно эффективные и надежные средства защиты, ядерную войну возможно избежать. Данная позиция исходит из предположения, что разрушения, которые может принести термоядерная война, настолько глобальны, что ни одно здравомыслящее правительство не станет пытаться применить это оружие, если оно знает, что его противник готов отразить нападение теми же средствами. Другая линия не разделяет подобных оптимистических надежд на «невозможность войны» и гарантию успеха политики устрашения. Приверженцы этой позиции также делятся на две непримиримые во взглядах группы. С одной стороны, это те, кто ратует за полное разоружение, так как считают, что политика устрашения не гарантирует невозможности развязывания войны, с другой стороны, те, кто считает, что невозможна выиграть термоядерную войну. Последние убеждены, что подобная война вовсе не так страшна, как считают многие; что страх перед ее ужасами можно уменьшить, вкладывая значительные суммы на эффективные меры защиты, строительство бомбоубежищ и в более эффективное термоядерное вооружение. Наиболее последовательным приверженцем данной точки зрения является Герман Кан, чьи идеи я привожу ниже. У Кана есть две причины, по которым он считает, что глупо думать, будто политика устрашения приводит к невозможности войны. Во-первых, бывают ситуации, когда лучше развязать войну, чем не делать этого, при условии, если быть уверенным в победе. Другая причина сводится к утверждению о том, что даже если обе стороны не желают развязывания войны, она все-таки возможна.

Анализируя различные возможности развязывания войны, Кан убедительно разбивает иллюзии политики устрашения. А возможности могут быть следующими.

1. Случайная война. Такими случайными факторами могут быть ложная тревога по поводу нападения, неадекватные действия со стороны противника, механические или чисто человеческие ошибки, возможности которых возрастают по мере возрастания численности вооружения. Далее, всегда существует опасность неверного истолкования каких-то защитных или вызывающих тревогу действий со стороны противника, которые истолковываются как сигнал к нападению и развязыванию войны в целях самозащиты.

Ко всему сказанному о случайных возможностях начала развязывания войны следует добавить, что среди так называемой «нормальной» части населения всегда имеется значительный процент пааноиков, для которых напряженное ожидание войны может вылиться в разрушительную манифестацию с требованиями – неважно, к кому – объявить тревогу или нажать на кнопку с тем, чтобы он мог спасти страну. Эта опасность усугубляется тем, что даже полный пааноик внешне, за пределами своих галлюцинаций, выглядит вполне разумным человеком, и потому его, как и большинство потенциальных пааноиков, выявить чрезвычайно сложно. 2. Разумность неразумного. Чтобы пояснить, что это означает, Кан приводит наглядный пример, заимствованный у Бертрана Рассела. «Эта спортивная игра называется «птенец». Игра заключается в том, что выбирается длинная прямая дорога с белой линией посередине, и два автомобиля движутся навстречу друг другу с разных сторон. Требуется, чтобы каждый автомобиль придерживался белой полосы колесами одной стороны. По мере приближения друг к другу возможность их столкновения все нарастает, но если один из них съедет с белой линии, то другой тут же кричит в его адрес: «Птенец!», и тот, кто отклонится с прямого пути, становится объектом насмешки». Совершенно очевидно, что если одна сторона желает победить в этой игре, лучшей (разумной) стратегией для нее будет настроить себя на победу. Если ей удастся убедить в этом противника, последний должен сдаться. Однако, если другая сторона отказывается сдаться после того, как было заявлено намерение первой, то ее поведение становится иррациональным (неразумным). Ведь если обе стороны попытаются воспользоваться этой стратегией, то совершенно очевидно, что игра не состоится.

«Разумность неразумной войны проявляется в ситуации, когда обе стороны преследуют несовместимые цели и идут на риск: только в этом случае может начаться война. Разумность неразумной войны заключаются не в том, что обе стороны уверены в победном исходе, а в том, что они стремятся использовать все возможное для того, чтобы противник сдался. Война в такой ситуации может быть приостановлена только в том случае если одна из сторон вовремя осознает, что другая не сдается, несмотря ни на какое давление на нее».

3. Война по расчету (или по ошибке). Здесь Кан рассматривает ситуацию, когда «после должного изучения нация поймет, что война неизбежно будет ей навязана» в форме превентивной или захватнической войны. Превентивная, или война «предварительною удара», еще не означает решения начать атаку. Одна из сторон может нанести удар лишь в том случае, если глубоко убеждена, что другая тоже готова атаковать. «Это такая ситуация, – говорит Кан, – когда обеим сторонам нечего бояться, но они боятся, и знание о том, что другая сторона боится, оправдывает этот страх. В этом обоюдном страхе многое может послужить поводом к неожиданному нападению».

4. Эскалация. Часть стратегии политики общего устрашения допускает ведение локальных войн, не опасаясь их дальнейшего расширения, поскольку обе стороны сознают, что это может привести к их полному уничтожению. А все же и здесь существует опасность катаклизма либо как результата чьей-то ошибки в расчетах, либо как кризиса в рамках локальной войны. «Это может случиться по той причине, что рамки ограниченной войны не были достаточно предусмотрены, или неожиданно большее число участников оказались вовлечены в нее, или когда конечные результаты отличаются от тех, что были задуманы вначале, или, наконец, по причине неожиданных и непродуманных действий подчиненных. Когда каждый заинтересован в контроле над ситуацией, трудно найти причины для эскалации, хотя никто не отрицает, что эскалация может и вероятно случиться».

5. Каталитическая (пособническая) война. Причинами развязывания этой войны могут стать амбиции или отчаяние третьей стороны, которые могут принудить одну из крупных держав совершить нападение, даже если они этого не желают. Преимущество Кан отдает войне, которая началась в результате того, что отчаявшаяся нация считает, что ее проблемы могут быть разрешены только путем войны. Кан говорит: «Представим себе войну между Китаем и Индией,

Фрому Эрих Может ли человек преобладать filosoff.org которая завершилась поражением последней. Индузы могут прийти к решению обратиться за помощью к Соединенным Штатам и попросят их нанести удар по Китаю и России, это поможет разрешить их проблему, и любые методы, которые они используют, чтобы покончить с этим, будут хороши. А теперь наоборот, представим ситуацию, когда Китай, ощущая давление с чьей-либо стороны (возможно со стороны Тайваня), обратится к русским: «Завтра мы намерены нанести удар по Соединенным Штатам и вы можете к нам присоединиться, поскольку они ударят по вам, даже если вы не сделаете этого». Согласитесь, ситуация не из приятных, но можно создать гипотетическую модель, в которой она выглядит вполне положительной. Для этого необходимо расширить понятие каталитической войны. Любые методы к использованию военной или дипломатической силы, к которым прибегает нация в целях вовлечения в конфликт других наций и расширения конфликта, будут называться каталитическими. С этой точки зрения первая мировая война была каталитической, связанный Сербией и Австрией, продиктованной «обоядным страхом внезапного нападения» и «предвидением удачи», поскольку сторона, развязавшая войну, надеялась на победу. Это означало, что оборонительная мобилизация (со стороны русских) вызвала защитно-наступательную мобилизацию (со стороны Германии), и это вызвало уверенность, что, несмотря на отсутствие тщательно продуманных действий, силы быстрого реагирования будут отброшены защитными силами другой стороны».

Все перечисленные различные варианты возможностей начала войны не были спровоцированы желанием или волей двух могущественных держав развязать ядерную войну. Хотя совершенно очевидно, что обе державы готовы были уничтожить друг друга при первой же возможности, что и привело их к необходимости примкнуть к одной из вьющих сторон, хотя обе и предпочитали избежать подобной ситуации.

Самое поразительное во всех этих переплетениях заключается в том, что наиболее сознательные и разумные из военных лидеров будут вынуждены развязать действия, несмотря на нежелание войны. Как отмечает Кан, с каждым «новым поколением» оружия никем не желаемая война становится более ужасной в перспективе, поскольку логика устрашения вынуждает наращивать вооружение, и неважно, сколько бомб может выпустить противник, важно иметь уверенность, что его можно уничтожить в любой момент. Кан в своих высказываниях доходит до описания экстремальной ситуации, когда устрашающие силы нации могут превратиться в некую машину Страшного суда, готовую взорвать весь мир. Он пишет: «Наши военные силы напуганы... и они спешат. Гонка вооружений есть гонка, а потому она требует ускорения».

Мрачные и консервативные умозаключения Кана, которые многие разделяют, приводят к очевидному выводу, что надежность устрашения – всего лишь наши надежды и иллюзии, и тем не менее они принимаются общественностью.

Часто экспертов, особенно представляющих армию и флот, предприняли ряд действий для создания такой системы вооружения, которая ограничивала или сводила бы до минимума возможность случайности или ошибки, о которых так ярко говорит Кан. Эти действия исходят из следующих предположений. Опасность от случайности или нажатия кнопки можно свести до минимума, создав «неуязвимые» средства устрашения, которые могут обеспечить выживание независимо от того, какой силы будет нанесен удар; в этом случае опасность неожиданного удара будет сведена до минимума. Этой цели могут служить, к примеру, подводные лодки системы «Поларис», которые имеет Россия. Оскар Моргенштерн, в частности, отмечает, что эффективная система устрашения включает в себя атомные подводные лодки и самолеты, которые благодаря высокой мобильности не могут быть уничтожены одним неожиданным ударом. «Если обе стороны примут систему «Океан», – заявляет он, – наиболее важным последствием этого будет то, что обе стороны объединятся: создавая свою эффективную систему защиты, они оградят себя от возможности неожиданного нападения, помогая противникам вовремя проверить сигнал атаки и выявить ошибку. Ясно... что и при этой системе немедленно применить все силы устрашения при поступлении сигнала атаки, который может оказаться фальшивым, нереально. Даже если сигнал окажется настоящим, потребуется некоторое время для применения всех возможных сил».

Отметим, что Моргенштерн говорит «если обе стороны примут систему «Океан». Стратегия неуязвимого устрашения обязывает каждую из сторон учитывать, что противная сторона находится в зависимости от оружия, созданного специально для этой системы; это оружие огромной разрушительной силы, но сравнительно слабой точности попадания, способное разрушить населенные пункты, но

оставить в целости военные установки и часть городов-западников. Если русские убедятся в том, что мы тоже имеем оружие массового уничтожения, а значит способны нанести первый удар, едва ли они станут сомневаться в наших намерениях карательного характера. В ситуации напряженности они станут опасаться, что мы перехватим инициативу, а потому постараются сделать это сами, зная, что мы можем нанести ответный удар, и предпочтая надеяться на себя, а не на наши добрые намерения. Таким образом, если неуязвимые средства устрашения действительно устрашают, мы должны отказаться от всей техники точного попадания, от разведывательных действий по выявлению мест расположения баз снарядов точного попадания противника (в том числе оружия и объектов военно-воздушных сил) и свои собственные силы устрашения довести до определенного уровня с тем, чтобы их возможности точного попадания не угрожали ни военным базам, ни мирным городам. К примеру, установлено, что если мы будем иметь более 45 подводных лодок, то этого вполне достаточно для разрушения мощностей нанесения второго удара противника, даже при неточном попадании с подводной лодки. Правдоподобно ли, что в ситуации нарастания гонки вооружения мы добровольно хотим ограничить себя подобным образом? Даже если мы осуществим это, как убедить в этом русских? Как отмечает Шеллинг, мы не можем показать русским наши военные установки, чтобы доказать, что у нас имеется лишь оружие для устрашения, потому что оружие – это то, что служит защите, и его следует держать в секрете.

Другой аргумент в пользу оружия устрашения сводится к тому, что обе стороны, действуя трезво и расчетливо, постоянно должны знать, каковы силы противника на данный момент, и всегда быть в напряжении для уверенности. Киссинджер так высказывается в пользу защитного устрашения: «Чтобы быть эффективной, политика устрашения должна соответствовать следующим четырем требованиям: 1) политика устрашения должна быть достаточно надежной, чтобы не восприниматься как блеф; 2) потенциальный агрессор должен продуманно принимать решение, не поддаваясь на сигнал атаки или чье-то давление со стороны; 3) противник должен быть достаточно разумным, т. е. он должен отстаивать собственные интересы, но быть при этом предсказуемым; 4) преследуя свои интересы, потенциальный агрессор должен изыскивать возможности сдерживания. Иными словами, удар агрессора должен быть продуманным». Концепция сводится к тому, что обе стороны должны действовать разумно. Сторонники политики устрашения должны все это учитывать, поскольку, если существует возможность такого разрушения, не стоит рисковать до тех пор, пока нет уверенности в рациональных действиях людей.

Насколько действенны эти предположения? даже если мы обладаем неуязвимым оружием устрашения (а насколько оно неуязвимо, зависит от прогресса в области военной техники), если противника не сдержать, по меньшей мере половина населения Америки будет уничтожена. Более того, даже при условии наличия защитного устрашения все возможности для развязывания нежелаемой войны, о которых говорил Кан, остаются, с единственной модификацией: мы потратим больше времени на подтверждение факта попадания, пока не выяснится, насколько оно серьезно, чтобы разрушить наши наступательные возможности. С другой стороны, сосредоточение сил устрашения (подводных лодок, воздушной авиатехники и т. д.) может вызвать иррациональные действия.

Тактики защитного устрашения опираются на необходимость обоюдного знания о силах противника и здравый смысл со стороны как России, так и Соединенных Штатов. У некоторых это вызывает ироническую усмешку, многие эксперты вообще отрицают возможность взаимопонимания и разумного соглашения в таком вопросе, как разоружение. И действительно, если можно добиться разумного соглашения с обеих сторон, то теория устрашения становится ненужной. Одно можно сказать: в мирные времена у людей находится достаточно разумных, доводов, чтобы прийти к взаимовыгодным решениям. Ну а если это не тот случай, то трудно ожидать от людей разумных действий, когда над ними нависает угроза уничтожения большей части населения или даже «только» одного многомиллионного города.

Возможно, как утверждают сторонники теории «защитного устрашения», ей нет альтернативы. И если она не будет реализована, то Соединенные Штаты ожидает поражение. К примеру, Моргенштерн заявляет: «Задачи против этого оружия практически не существует, его нет на данный момент. Она существует лишь в буйной фантазии некоторых, в физической реальности ее нет». В противовес этому высказыванию иную точку зрения преподносит Герман Кан, заявляя, что устрашение вовсе не обязательно способствует предотвращению войны и что ядерная война не обязательно ведет к катастрофе, как это утверждает

Фротм Эрих Может ли человек преобладать filosoff.org «ядерный пацифист» Моргенштерн. Основная идея, которую Кан хочет отстоять, сводится к следующему: «Сейчас почти каждого волнует вопрос: будут ли счастливы и будет ли нормальной жизнь тех, кто уцелеет в войне, и их потомков. Несмотря на широко распространенное мнение, что все будет не так, я утверждаю: объективные исследования показывают, что нарастание трагичности существования в послевоенный период не приведет к исчезновению нормальной и счастливой жизни большинства уцелевших и их потомков». [205 – Khan H. 1. с. р. 74.]

Кан считает, что эксперты только из-за щепетильности не хотят признавать возможность тотальной войны. «Если мы все-таки исходим из уверенности, что люди выживут даже после длительного воздействия радиации, каков будет образ их жизни в послевоенный период? Будут ли они жить так, как привыкли жить американцы, – иметь автомобили, телевизор, дачи, холодильники и так далее? Никто не может точно ответить на этот вопрос, но я уверен, что есть вероятность того, что если даже мы вообще не сможем никак подготовиться к восстановительному периоду, а вооружимся лишь измерителями радиации, напишем и распространим указатели, подготовим группы обеззараживания территории и предпримем еще ряд минимальных действий, страна восстановится значительно быстрее и эффективнее после незначительного удара. Это утверждение не совпадает с мнением большинства простых людей, профессиональных экономистов и военных».

Что следует понимать под тщательной подготовкой, способной свести до минимума потери в ядерной войне? Если Соединенные Штаты будут иметь систему бомбоубежищ, спасающих от радиоактивных осадков по всей стране, плюс систему убежищ, защищающих от воздействия ударной волны (плюс меры для быстрой эвакуации), плюс 30–60 минут предупредительного времени, плюс стратегию эвакуации городов (за несколько дней до нападения), приблизительные потери составят «всего лишь» 5 млн. человек на 150 городов; если же ни одна из этих подготовительных мер не будет осуществлена, Кан определяет потери в 160 млн. Перевес в ту или иную сторону будет зависеть от степени подготовленности. К примеру, Кан утверждает, что противоударные убежища плюс тщательно подготовленная эвакуация населения приведут к потере приблизительно 850 млн. человек, при условии предупредительного времени от 30 до 60 в минут.

Что стоит за этими расчетами? Во-первых, некоторые из них абсолютно нереальны, к примеру, предупредительное время от 30 до 60 минут, поскольку управляемый снаряд с подводной лодки или с любого другого носителя на земле практически не оставляет возможности предупредительного времени и долетит с любой базы русских за 15 минут. Далее, тактическая эвакуация в противоударные убежища даже если на нее будут выделено 15 минут, даст людям достаточно времени только для того, чтобы затоптать друг друга, прежде чем они попадут в убежища. Моргенштерн пишет по этому поводу: «Если предупредительное время исчисляется минутами, почти никто не сможет добраться до тех нескольких убежищ, которые будут в больших городах» «Глупо... эвакуировать Лос-Анджелес по морю через Сьеру, так как на это уйдет много часов, а предупредительное время снаряда, выпущенного из-под воды, равно нулю». И даже сам Кан сомневается в своих подсчетах. Погибнут все или не все американцы зависит также от ряда других факторов. «С другой стороны, – говорит он, – даже при наличии системы прочных убежищ возможны и случайности, и более интенсивные, чем предполагается, разрушения. До тех пор, пока американские наступательные и оборонительные силы не добьются контроля над военной ситуацией, противник может двумя повторными ударами добиться любого разрушения и любого уничтожения, какое он пожелает».

В книге «О термоядерной войне» Кан, оспаривая пессимистическую точку зрения на ядерную войну, утверждает, что, если даже все огромные метрополии в Соединенных Штатах будут уничтожены, все же 1/3 штатов и половина богатства сохранятся. «С этой точки зрения, перечисленные разрушения не являются экономической катастрофой. Просто они отбросят производительную способность нации на десяток-другой лет назад, плюс уничтожат «излишки роскоши» [211 – Khan H. Report on a Study of non-military Defense, p. 77.]. Кан, делая подобные заявления, все время старается подчеркнуть, что есть и другая возможность, при которой, тем не менее, не исчезают его радостные проекты ядерной войны. Так, он говорит о минимальных разрушениях для Америки с учетом того, что мы можем выиграть войну. Или, к примеру, они говорят о том, что «в отдаленном будущем чисто военное решение проблемы безопасности может привести к гибели цивилизации, и под этим далеким будущим я имею в виду десятилетия, а не века» [212 – Khan H. On Thermonuclear War. p. 160.].

Но есть и другие упущения в его доводах, которые игнорируют многие существенные факты. Во-первых, его подсчет количества смертей основан на идее убежищ. Но сейчас уже общепризнано, что в ближайшие несколько лет будет налажено производство бомб, разрушительная сила которых превышает 10 или 20 мегатонн, а потому убежища будут бесполезны, даже если мы все будем жить под землей. Он забывает о том, что гораздо легче нарастить ударную мощь ядерного оружия, чем увеличить защитные свойства убежищ и укрепить базы[213 - Cf.: O. Morgenstern's Statement, p. 50.]. Моргенштерн говорит об этом в ином контексте (защиты баз от атаки): «Укрепление ложится гораздо большим временем на страну, чем те затраты, которые предпринимает противник, чтобы усилить ударную мощь и тем самым создать эффект укрепления»[214 - Morgenstern O. I. c. p. 50.]. Отсюда следует, что несмотря на все оптимистические цифры, если гонка вооружения продлится более пяти лет, то и нам, и русским, и большей части мира угрожают гораздо большие потери, чем подсчитал Кан, если не полное вымирание.

Кроме того, Кан не придает большого значения психологическим и политическим проблемам, которые неизбежно встанут, если, как он подсчитал, все большие города, сосредоточивающие в себе / населения страны и половину ее богатства, будут уничтожены за несколько дней. Он радостно заявляет, что «нации переживут, даже без предварительной подготовки, эквивалентный удар и быстро восстановятся до довоенного уровня. В прошлом подобный шок растянулся бы на многие годы; в наше время он продлится всего несколько дней. Но с точки зрения индивидуальных психологических последствий (в противоположность организационным или политическим), это скорее хорошо, чем плохо. В то время, как большинство людей под воздействием трудностей, которые они должны испытывать продолжительное время, становятся разобщенными, за короткое время их на-склонности и привычки не изменить. Если это рассмотреть в целом, тогда с точки зрения устойчивости лучше перенести такой удар за короткий срок, нежели его последствия растянутся на многие годы.

Удивительно, как Кан затрагивает здесь наиболее спорные вопросы из области психологии и психопатологии, ни разу не сославшись ни на один из научных фактов, даже на данные такой применимой к его теории отрасли, как травматический невроз. Психологу совершенно ясно, что неожиданный удар и угроза медленной смерти для большинства американцев, как и русских, да и для большей части населения мира, вызовет такую панику, такую ярость и отчаяние, какие можно сравнить лишь с массовым психозом «черной смерти» в средние века.

Отсутствие хотя бы каких-то психологических прозрений приобретает особую важность, поскольку речь идет лишь о практическом осуществлении идеи убежища, а не о разрушающем характере убежища. Об этом Моргенштерн говорит очень скрупульно.

«Продолжительность разрушений, растянувшихся на долгое время заставляет оставаться в убежищах; они малы и тесны; у людей развивается клаустрофobia, они испытывают недостаток в еде и воде, заболевают. Короче, ситуация может привести к тому, что они захотят выйти, несмотря на риск подвергнуться радиации и умереть. Трудно даже представить те психологические ситуации и проблемы, которые захотят разрешить для себя люди, заключенные в убежища. В сознании тех, кто находится в убежище, может возникнуть страшное представление о том, что они попали в такое бедственное положение, какого еще не знала человеческая раса.

«Это может быть похоже на «черную смерть», нашествие монгольских орд или другие страшные бедствия, имевшие место в прошлом, которые либо растянутся на долгие годы, либо приведут к образованию изолированных, разбросанных на далекие друг от друга расстояния городов, мелких по современным стандартам. И тогда бедствие охватит большие пространства, сконцентрируется во времени, или же будет длиться неопределенно долго, если этого захочет противник».

Травматический эффект от подобной катастрофы может привести к новой форме примитивного варварства, возрождению наиболее архаичных элементов, которые в потенциальном виде имеются в каждом из нас и проявление которых мы могли наблюдать в террористических режимах Гитлера и Сталина. Не верится, что человечество сохранит память о свободе, любовь к жизни – словом, все, что мы называем демократией, после того, как оно станет свидетелем и участником неограниченной жестокости по отношению к людям, которую несет термоядерная

Фрому Эрих Может ли человек преобладать filosoff.org
война. Трудно что-либо возразить против факта, что жестокость порождает жестокость в отношениях между партнерами и тотальная жестокость приводит к тотальной жестокости. И даже в случае только частичного разрушения – 60–80 млн. жертв в Америке (и приблизительно такое же количество в других странах) – одно совершенно определенно: после подобного события демократия не выживет нигде, и только жестокая диктатура будет установлена выжившими в наполовину уничтоженном мире.

Моральная проблема в выкладках Кана представлена в еще меньшей степени, чем психологическая. Затрагивается только один момент – сколько нас будет убито; моральная сторона уничтожения миллионов представителей человечества – мужчин, женщин, детей – едва упоминается. Предполагается, что после массового убийства выжившие смогут жить вполне благополучно и счастливо. Хочется задать вопрос – с точки зрения какой моральной и психологической позиции делаются подобные заверения? Испытываешь шок, когда читаешь цитату из торжественного заверения, сделанного Каном на заседании подкомиссии Объединенного комитета по атомной энергетике, проходившем 26 июня 1959 г.: «да, война ужасна. Сомнений здесь нет. Но таков и мир. И потому необходимо, опираясь на те подсчеты, которые мы сегодня имеем, сравнить ужас войны и ужас мира и увидеть, что чего стоит».

Я сказал, что данное заявление вызывает удивление и шок потому, что оно наводит на мысль о выходе за пределы разумного. Тот, кто делает подобные заявления (или соглашается с ними), страдает от депрессии и устал жить; чем же еще объяснить то, что ужас термоядерной войны (с убийством 60 млн. американцев и миллионов русских) сравнивается с «ужасами мира»? Я убежден, что заявления, подобные Кану, как и другие подобные, объяснимы лишь глубоко личным отчаянием. Тому, для кого жизнь утратила смысл, ничего не стоит подготовить балансовые ведомости, в которых они просчитывают «приемлемое» количество смертей, – между 60 и 160 млн. Приемлемое для кого? То, что подобный образ мыслей становится популярным, свидетельствует о серьезных симптомах отчаяния и отчуждения и о таком положении, когда моральные проблемы перестали существовать, когда жизнь и смерть сводятся к подсчетам – балансам, и когда ужас войны сводится до минимума, потому что мир – а это и жизнь – стал не намного лучше смерти.

Здесь мы имеем дело с одной из критических проблем нашего века – трансформацией человека в цифру на бумаге; и кто-то убежден, что разумный просчет смертей от / до /нации обеспечит скорейшее восстановление экономики. Да, войны были всегда; всегда были люди, которые жертвовали собственной жизнью или убивали других – во имя свободы или опьяненные ненавистью. Что же нового и шокирующего в том, что и наш век вносит свой вклад своими хладнокровными подсчетами и заключениями об уничтожении миллионов человеческих жизней.

Сталин сделал это, уничтожив миллионы крестьян. Гитлер сделал это с миллионами евреев. Он руководствовался ненавистью, но для многих его подчиненных это были всего лишь простые бюрократические меры; не задумываясь о мотивах, а следуя приказу, миллионы людей уничтожались систематически, экономически и totally! Адольф Эйхман является образцом такого типа безумного бюрократа; Роберт С. Берд дает о нем краткую, но пронзительную зарисовку: «Он знал на зубок свои функции», – пишет Берд о поездке Эйхмана в Иерусалим, – при выгрузке миллионов евреев и переправке их в лагеря смерти он вдруг решил тронуть некие струны в сознании таможенного наблюдателя. Разговаривая как какой-то безликий «компаньон» от какой-то промышленной организации, краснея, пятаясь и заикаясь, он рассчитывал, что будет услышан теми, кто испытывал одинаковые эмоции и был воспитан одинаковой идеологией».

То, что говорит Берд об Эйхмане, применимо и ко всем нам. Он говорит, что Эйхман вдруг, неожиданно, стал «понимающим», «проявляющим заботу о человечестве». Да, Эйхман «сделался» человеческим, потому что мы понимаем, что он бесчеловечен, как и все мы. Этот новый тип бесчеловечности, который можно воспринимать как проявление индивидуальности Эйхмана, не жестокость и не деструктивность. Эта бесчеловечность более бесчеловечна, хотя, возможно, и более невинна, если можно употребить это слово. Она характеризуется безразличным отношением и отсутствием заботы о ком-то; это отношение тотальной бюрократизации, которая управляет человеком как вещью.

Сейчас можно говорить о врожденном характере зла в человеке, что позволяет оптимистические взгляды на лучшее будущее рассматривать как грешную

Фромм Эрих Может ли человек преобладать filosoff.org

гордыню. Но если мы действительно так злы, то наша жестокость в конечном счете человеческая жестокость. Однако бюрократическое безразличие к жизни, когда Кан строит графики и составляет калькуляции на людей, – это сильно действующие примеры, говорящие о симптомах новой и ужасающей формы бесчеловечности, в которой человек превращается в вещь.

Такое понимание приводит нас к другой моральной проблеме, которая возникает в спорах о разоружении. В ней присутствует альтернатива «смерть или порабощение», и глашатай разоружения убеждены, что лучше рабство, чем смерть. Этот аргумент, который сводит идею разоружения и риска войны на моральную почву, и вводит в заблуждение во многих смыслах. И не потому, что другие альтернативные идеи абстрактны или недостаточно реалистичны с точки зрения политики, а потому, что в них содержатся ошибочные моральные идеи. Да, решение отдать свою жизнь во имя жизни другого («за того парня») или за свою честь и свои убеждения – одно из величайших моральных достижений человечества. Но морально оправданным оно становится только тогда, когда является результатом личного решения, решения, мотивированного не тщеславием, депрессией, мазохизмом, а преклонением перед другой жизнью, т. е. преданностью идеи. Найдется немного тех, кто имеет мужество и убежденность, чтобы совершить эту высокую жертву во имя идеи. Большинство не желают подвергать себя риску даже за собственные убеждения. Но если подобное решение не исходит от индивида, а является национальным, оно теряет свое этическое значение. Это не аутентичное решение отдельного индивида – это решение для миллионов, принимаемое горсткой лидеров, которые, чтобы привлечь индивидов «этическими» соображениями, должны превратить их в опьяненных ненавистью и страхом.

Есть и другая причина, по которой «этические» соображения войны не являются таковыми. Я как индивид имею право распоряжаться своей жизнью; у меня нет права распоряжаться жизнью других – детей, неродившегося поколения, наций и всей человеческой расы. Смерть одного человека – событие личное, не имеющее исторических или социальных последствий. Уничтожение части человеческой расы, цивилизации аморально по многим соображениям. Здесьискажается смысл мученичества, который, будучи по природе своей индивидуальным решением, используется с целью, в высшей степени аморальной, – с целью кровопролития.

Позиция Кана наивна не только с психологической и моральной точек зрения, но и с точки зрения политической. Его стратегия в целом не только уводит за рамки русско-американских отношений и возможностей договоренности, но и, в дополнение, выражает чаяние Кана, «что война (возможно) продлится всего несколько дней после первого удара, а затем она будет приостановлена путем переговоров», и далее, что «частью и необходимым моментом борьбы и смягчения войны является то, что мы должны сохранить достаточно защитной силы для того, чтобы либо уничтожить защитные силы противника либо склонить его к переговорам». Переговорам о чем? К чему тогда нужен будет мир? Почему вдруг все аргументы против гонки вооружений приобретут силу тогда, когда война завершится? Почему кто-то считает, что переговоры возможны через три дня после массового убийства и не возможны до того, как обрушатся бомбы?

Совершенно ясно с позиций здравого смысла, что надежды на выживание человечества после войны маловероятны. Также и надежды на политику устрашения с целью сохранения мира остаются догадкой, и не более.

Против точки зрения, выраженной здесь, что ядерная война может стать катастрофой, выдвинуто возражение, с которым мы должны считаться, особенно если оно исходит от такого влиятельного человека, как Г. А. Киссинджер. Убежденность в том, что продолжение гонки вооружения неизбежно приведет человечество к гибели «обязывает», пишет Киссинджер, «оказывать давление в целях достижения одностороннего разоружения, что переводит инициативу серьезных переговоров на сторону коммунистов». Прежде всего, факты есть факты, и если кто-то убежден, как об этом говорит подавляющее большинство экспертов, что ядерная война приведет нас к гибели, как он может не впасть в отчаяние, если переговоры об окончании гонки вооружения не состоятся? Одно это уже доказывает невозможность допущения фатального характера войны, о котором говорит Кан; но если некому опровергнуть тезис Кана, то некому предложить и нечто обнадеживающее.

То, что говорит Берд об Эйхмане, применимо и ко всем нам. Он говорит, что Эйхман вдруг, неожиданно, стал «понимающим», «проявляющим заботу о человечестве». Да, Эйхман «сделался» человечным, потому что мы понимаем, что он бесчеловечен, как и все мы. Этот новый тип бесчеловечности, который

Фромм Эрих Может ли человек преобладать filosoff.org можно воспринимать как проявление индивидуальности Эйхмана, не жестокость и не деструктивность. Эта бесчеловечность более бесчеловечна, хотя, возможно, и более невинна, если можно употребить это слово. Она характеризуется безразличным отношением и отсутствием заботы о ком-то; это отношение тотальной бюрократизации, которая управляет человеком как вещью.

Сейчас можно говорить о врожденном характере зла в человеке, что позволяет оптимистические взгляды на лучшее будущее рассматривать как грехную гордыню. Но если мы действительно так злы, то наша жестокость в конечном счете человеческая жестокость. Однако бюрократическое безразличие к жизни, когда Кан строит графики и составляет калькуляции на людей, – это сильно действующие примеры, говорящие о симптомах новой и ужасающей формы бесчеловечности, в которой человек превращается в вещь.

Но даже с позиции личного мнения, Киссинджер неправ. Главным последствием вывода о катастрофическом характере ядерной войны является требование установления всеобщего контроля над разоружением, а не одностороннего разоружения. Пока сомнительно, даст ли одностороннее разоружение тактическое преимущество русским (хотя с точки зрения тех, кто выступает за него, вопрос о тактическом преимуществе должен быть тщательно рассмотрен), главным доводом этой книги, а также большинства американцев – сторонников разоружения является требование многостороннего разоружения. В позиции фактов оно также важно для русских, как и для Европы, если предположить, что русские столь же разумны в этих вопросах, как и мы. На самом деле они, в отличие от Китая, постоянно подчеркивают, что опасность «термоядерной катастрофы» грозит всему миру и это является главной причиной необходимости всеобщего разоружения. «Давайте не будем пренебрегать подсчетами, – говорит Хрущев, – и выведем цифры потерь, которые понесет та и другая сторона. Война обернется бедствием для всех народов мира.

Представьте, что будет, когда бомбы начнут взрывать наши города. Бомбы не станут разбираться, где коммунисты, а где некоммунисты... Нет, все живое будет уничтожено в большом пожаре ядерного взрыва. Только неразумный может в наше время не бояться войны».

Идея всеобщего, многостороннего разоружения часто сталкивается с идеей контроля над вооружением. «Контроль над вооружением многими рассматривается как первый шаг к разоружению, и если это и есть основная функция контроля, то серьезных возражений быть не может. Но на деле оказывается, что большинство теорий контроля над вооружением не выглядят как реальные шаги к всеобщему разоружению, а представляют лишь некий суррогат».

В действительности контроль над вооружением может быть рассмотрен как часть стратегии неуязвимости. В обоих случаях стороны неуязвимы, и потому в интересах обеих ограничить запасы и удержать другие страны от накопления атомного оружия. Тем не менее, по мнению военных идеологов, такой умеренный контроль над вооружением вызывает сомнение. Как отмечает Киссинджер: «Более того, отчаяние, порождаемое неуверенностью в достижении контроля над вооружением, доказывает, что его недостижимость на самом деле является надуманной. Без контроля над вооружением, как кажется, трудно достичь стабильности. Но, возможно, ее можно достичь и без этого. Выравнивание сил ответного удара, наращивание их мобильности, возможно, в большей степени обеспечит неуязвимость, чем достижение результатов в переговорах по контролю».

Из этой цитаты, которая выражает точку зрения большинства военных экспертов, ясно, что контроль над вооружением является составной частью теории вооружения, а не разоружения. Когда говорят об опасности войны, контроль над вооружением рассматривается как позиция пораженчества и полной зависимости от риска тотальной войны, хотя большинство теоретиков контроля, к примеру Монгерштерн, признают, что в случае провала политики устрашения не будет победителей и в живых останутся лишь немногие. С позиций национальной политики и того эффекта, который она оказывает на американцев, аргументы в пользу контроля над вооружением имеют целью достижение иного результата, ведущего к ложному успокоению фальшивой безопасностью. Чувство отчаяния от невозможности установления контроля над вооружением, говорят нам, «фактически ошибочно».

Как видно из приведенных фактов, контроль над вооружением, как и политика устрашения, требуют, чтобы мы и наши противники действовали сверхосторожно, как в любой игре. Как заявляет один из ведущих теоретиков контроля над

Фромм Эрих Может ли человек преобладать filosoff.org вооружением, «угрозы и ответы на угрозы, репрессалии и контррепрессалии, ограничение войны, гонка вооружений, балансирование на грани, неожиданная атака, доверчивость и обман могут быть результатом как горячности, так и холодных, трезвых расчетов. Если к ним относиться как к теории, что означает трезвость и взвешенность в действиях, это вовсе не означает, что они таковыми и являются. Едва ли кто согласится, что продуманные действия являются результатом систематической теории. Если действия будут достаточно трезвыми, то легче и быстрее можно будет создать и действенную, релевантную теорию. Если результаты действий будут соответствовать реальности, а не теории, то нам удастся избежать многих пагубных последствий неверных теорий».

далее Шеллинг продолжает показывать, как контроль над вооружением и стратегия действия могут, быть проанализированы как модель игры, хотя и предупреждает, что между игрой и данными ситуациями существуют различия. Но и в данном случае Шеллинг и другие стратеги, высказывающиеся категориями теории игр не столько воспроизводят действительность, сколько уходят от нее. Аналогия игры основана на величайшем заблуждении и незнании природы игр и природы войн. Игра предполагает, что каждый из ее участников, желая выиграть, все-таки готов принять поражение достаточно хладнокровно; потери в игре легче переносятся и едва ли угрожают существованию ее участников. Единственный волнительный момент игры фактически заключается в возможности потери, без страха, что игра примет опустошающий характер. Если я поставил свое будущее в зависимость от броска кости или витка рулетки и не буду играть, то я буду безрассудным человеком.

Именно по этой причине теорию игр можно сравнить с подсчетами, основанными на допущениях, догадках, вероятностных предположениях. В вопросах же жизни и смерти, будь то медицина или проблемы мира, на догадки полагаться нельзя, потому что последствия могут быть очень серьезными. Здесь абсолютно противоположны предпосылки теории игр, а именно потери (имеется в виду всеразрушающая война) что следует, что теория игр неприемлема.

Но даже если, что маловероятно, продолжение гонки вооружения – под контролем или без – сможет приостановить ядерную войну лет на 25, какова вероятная судьба социальных черт человека в двусторонне или многосторонне вооруженном мире, в котором неважно, насколько комплексно в нем будут решаться проблемы и полно удовлетворяться интересы отдельного общества, в мире, где наиболее полной и убедительной реальностью будет наличие определенного количества метательных снарядов, жужжание от их работы, противорадиационные установки и сейсмографы, все превосходящее совершенство техники (безупречной, но бессильной побороть страх перед ее возможным несовершенством), наличие механизмов тотального уничтожения?

Жизнь на протяжении какого-то отрезка времени под постоянной угрозой уничтожения вызывает определенные психологические эффекты у большинства людей – чувство постоянного страха, враждебности, бессердечности, тяжесть в сердце, безразличие ко всем ценностям, которые мы заботливо храним. Такие условия превратят нас в варваров, но варваров, имеющих совершенные машины. И если мы действительно считаем, что наша цель – сохранить свободу (а это значит, раскрепощение каждого индивида от власти государства), то следует заявить, что мы ее потеряем, независимо от того, будет ли политика устрашения эффективной или нет.

Чарльз И. Осгуд высказал схожую мысль: «Я пришел к выводу, – говорит он, – что в этой гонке мы не добьемся ничего хорошего, если не пересмотрим весь наш образ жизни настолько кардинально, насколько это возможно. Тогда мы сможем направить энергию наших людей на подготовку к войне, заставим молодежь изучать физические науки, принимать решения и вести изменения невзирая на демократические процессы».

В цикле лекций, прочитанных на радио Би-би-си в Англии, Джордж Кеннан высказал следующие идеи о результатах продолжения гонки вооружений: «Но кроме того, – заявляет Кеннан, – что это будет за жизнь, если эти фанатики гонки вооружения станут нашим проклятием?» – спрашивает он. Технологические возможности этого состязания нарастают из месяца в месяц, из года в год. Не превратимся ли мы в этой погоне за все более совершенными, дорогостоящими и «человечными» устройствами в спасающихся бегством от охотника существ, загнанных однажды под землю, разрушивших затем свои города и стремящихся окружать себя тщательно собранным электронным щитом, чтобы во что бы то ни стало сохранить свои жизни, уничтожая все те ценности, ради которых только

Фрому Эрих Может ли человек преобладать filosoff.org

и стоит жить? Если бы я был уверен, что обеспечит лучшее будущее для нас, я собрал бы вместе всех, кто призывает: «давайте вместе сбросим с себя все оружие; давайте доверим наше спасение милости Бога, а также нашему собственному ясному сознанию и здравому смыслу, которые есть и у нашего противника; и в конце концов давайте шагать по жизни как подобает человеку, с гордо поднятой головой и так долго, как нам будет суждено». Мы не должны забывать о том, что на данный момент большинство народов в этом мире живет в подобной ситуации; и пока я не хочу признаться в том, что они сейчас в большей безопасности, чем мы, потому что не имеют оружия, я тем самым подтверждаю, что они действительно в большей безопасности, чем мы могли бы быть, если бы мы отказались полностью от негатива динамичной гонки вооружения, как хотят этого многие.

«В этой страшной проблеме начало к ее пониманию заложено в признании того факта, что оружие массового уничтожения – бесплодное и безнадежное оружие, которое может служить недолго само по себе, и быть ненадолго надежным щитом, оберегающим от глобального катаклизма, но которое никоим образом не способствует конструктивной и плодотворной внешней политике. Конечной целью политики является убедить людей; атомной бомбой этого не добиться. Суицидная природа этого оружия делает невозможными как дипломатические санкции, так и достижение союза. Это не то оружие, которое способствует плодотворной политической поддержке; оно не то, к помощи которого прибегают, чтобы защитить друга. Между этим оружием и достижением нормальных отношений в национальной политике не может быть никакого соответствия. Защитное свойство этого суицидного оружия в случае его применения в дальнейшем может лишь надолго парализовать национальную политику, разрушить союзы и ввергнуть во все углубляющуюся, бесконечную гонку вооружений».

Подведем итог. Добиться всеобщего контроля над разоружением чрезвычайно трудно, возможно даже, как считают оппоненты этой теории, это нереально. Но упование на то, что стратегия всеобщей угрозы самым разрушительным из всех видов оружием может когда-нибудь предотвратить ядерную войну и помочь обществу, вставшему на этот путь, сохранить демократию, кажется еще более нереальным. Поистине, проявлением крайней иррациональности человеческой природы является тот факт, что мы ищем легких, краткосрочных решений потому, что боимся трудностей фундаментальных и реалистичных мер. Но как в личной, так и в общественной жизни логика фактов, а не благих пожеланий определяет реальность.

II. РОССИЙСКО-АМЕРИКАНСКИЙ СОЮЗ ПРОТИВ КИТАЯ И КОЛОНИАЛЬНЫХ НАРОДОВ

Тем, кто разделяет точку зрения о консервативном характере российской системы и об угрозе России, как и Соединенным Штатам, со стороны азиатских, африканских и латино-американских революций под руководством Китая, не покажется чересчур неблагоразумным иной путь достижения мира, который в ближайшем будущем получит возрастающую поддержку. Почему бы Советскому Союзу и Соединенным Штатам не создать прочный военный и политический союз, принудить китайское правительство (угрожая ядерной атакой) принять идею разоружения, не помешать малым государствам (если необходимо, тоже силой) приобретать ядерное оружие и не подчинить весь мир российско-американскому господству? (И не важно, будет ли это российско-американское господство называться Мировое государство, Объединенные нации или как-то еще.) Эта идея может показаться соблазнительной для некоторых военных и политических лидеров как в Советском Союзе, так и в Соединенных Штатах, потому что она по сути своей консервативна, она передает всю власть в руки военных группировок и не ведет ни к каким базисным изменениям в американской и советской системах. Но я верю, что этот союз наиболее нежелателен и, что более важно, практически невозможен. Нежелателен он потому, что означает установление наиболее реакционной мировой диктатуры двух величайших держав. Эта диктатура обуздаст революционные движения стран Азии, Африки и Латинской Америки, и, более того, она установит диктаторскую полицейскую систему, чтобы приостановить исторический процесс, который в конце концов уже нельзя будет остановить силой. Возможно, такая система способна будет спасти мир от грядущей ядерной войны в ближайшее время, но, исходя из своей природы, она потребует полного вооружения Соединенных Штатов и Советского Союза, и в конце концов едва ли сможет предотвратить развязывание войны, когда советско-американское доверие истощится.

Однако вряд ли необходимо обсуждать преимущества или недостатки этого нового, «священного союза», поскольку он абсолютно неприемлем для Советского Союза. Неприемлем, потому, что для Советского Союза будет чрезвычайно трудно сменить идеологические установки, которые настолько прочны, что никаких трещин в них не просматривается. Это можно сделать и другим путем, к примеру, обвиняя Китай в измене коммунизму и тем самым «объясняя», почему «миролюбивые» круги в Соединенных Штатах поддерживают «авантюристические» элементы в Китае, желающие развязать мировую войну с целью установления мирового господства Китая; осуществить эту линию будет трудно, но возможно. Однако причина, по которой американо-советский священный союз невозможен, вероятно, вовсе не в идеологии, а в реальностях политического характера. Несмотря на то, что Советский Союз ощущает угрозу со стороны все крепнущего Китая, его позиция по отношению к Западу тем не менее укрепляется благодаря существованию Китая и сопротивлению колониальных народов. Если Советский Союз откажется от своей роли союзника Китая и представителя по договоренностям между колониальными народами, то столкнется с объединенным американо-западноевропейским союзом в одиночку и должен будет опасаться, что его «союзники» нападут на него после того, как Китай и колониальные народы будут разоружены. По этой причине кажется вполне понятным, что такой союз неприемлем для русских и, следовательно, не является осуществимой возможностью для мира. Конец «холодной войны» может привести к боль-, шей независимости Советского Союза от своего китайского союзника, но все попытки расколоть эти две силы и разорвать этот альянс будут отвергнуты русскими по причине простого выживания.

III. ПРЕДЛОЖЕНИЕ МИРА

1. Глобальное и контролируемое разоружение

Если правда, что политика гонки вооружений (контролируемой или нет), по всей вероятности, приведет к термоядерной войне и что даже если «удерживание на грани» сможет предотвратить такую войну, гонка вооружений приведет к тому, что общества будут милитаризованы, запуганы, склонны к диктаторской форме власти, и тогда первым условием для осуществления мира и демократии является глобальное и контролируемое разоружение. Это будет справедливо, даже если владеть ядерным оружием будут только США, Великобритания, Франция и Советский Союз (Россия). Однако никто не сомневается, что большое число других стран – Китай, Германия, Индия, Израиль, Швеция и др. – будут способны производить ядерное оружие в ближайшем будущем и что это распространение ядерных вооружений еще больше сузит возможности для мирного существования.

Обсуждая эту опасность обладания «энной страной» ядерным вооружением, представляется важным не пропустить то главное, о чем часто забывают. Малые страны, как, например, Израиль или Швеция, могли бы, конечно, взорвать свои ядерные бомбы либо случайно, либо из-за неразумности своих руководителей, но они едва ли могут сделать ядерные силы частью своей политики. Более серьезная опасность лежит в распространении ядерного вооружения в таких сильных странах, как Китай, Германия и Япония, так как эти страны, так же как и члены «атомного клуба», смогут использовать собственную военную силу как дополнение к своим политическим амбициям. Поэтому возможность ядерной войны как результата взаимных угроз в контексте такой повсеместной политической стратегии вполне может значительно возрасти.

Как же тогда можно помешать этим силам овладеть ядерным вооружением? Остается фактом, что Советский Союз до сих пор не дал такого вооружения Китаю, да и Германия (ФРГ) не располагает ядерным оружием. Но учитывая общий ход развития, который мы имеем в Германии (ФРГ), можно предположить, что скорее всего Германия вскоре получит ядерное оружие как член НАТО или даже независимо от этого. Если это случится, русские не смогут или не захотят удерживать Китай от овладения ядерным оружием, что, в свою очередь, приведет к ядерному вооружению Японии.

Конечно, не исключено, что США и СССР смогут экономическим или даже военным
Страница 76

Фрому Эрих Может ли человек преобладать filosoff.org давлением удержать эти страны от овладения ядерным оружием. Но это должно подразумевать российско-американский союз, направленный против Китая (и Германии), который еще более невероятен из соображений, приведенных выше. Представляется, что существует только один путь предотвращения распространения ядерного оружия в другие большие страны, – это глобальное разоружение, в котором будут участвовать все большие государства.

Очевидно, что эта идея высказывается с запозданием относительно предложенного Хрущевым плана разоружения. Он ясно обозначил альтернативу: или всеобщее разоружение, или гонка вооружений между США и СССР, плюс ядерное вооружение таких стран, как Германия (ФРГ), Китай, Япония. Беда в том, что пока реакция Запада на предложения о разоружении довольно прохладная. Запад не отвергал всеобщее разоружение открыто, но он никогда и не принимал его полностью как практическую цель. Русские, со своей стороны, не хотят соглашаться на инспектирование, которое лишит их одного из их военных преимуществ, а именно секретности; замена же инспекции на ограниченный «контроль над вооружением» приведет всего-навсего к дальнейшей гонке вооружений. (На последней Пагушской конференции, состоявшейся в Москве, американские ученые предложили компромисс, согласно которому инспекция будет усиливаться пропорционально росту разоружения, и русские восприняли эту идею как основу для обсуждения.)

В этой ситуации важно спросить себя, почему Запад пока не хочет воспринимать всеобщее разоружение всерьез. Единственный подходящий ответ, который всегда дается, – потому что русские не позволят проводить инспекцию. Но этот ответ не очень разумен (логичен) перед лицом того факта, что они вновь и вновь повторяют, что разрешат любой вид инспекции, который обеспечит признание Западом всеобщего разоружения как конкретной и ближайшей цели. По крайней мере, мы должны вести переговоры, чтобы убедиться, серьезны ли их намерения относительно инспекции. Однако я не рекомендовал бы проявлять подозрительность и поверхностность при переговорах, при которых каждый шаг обусловливается «железными» гарантиями. Я уверен, что односторонние инициативы на пути к разоружению необходимы, чтобы выработать атмосферу, в которой истинные переговоры станут возможными. (Ряд таких односторонних шагов в деталях был обрисован Чарлзом Огудом[230 – Osgood Ch. The Bulletin of Atomic Scientists, Vol. 16, No.4.] и мной). Кроме того, мы должны осознать тот факт, что не существует безопасной системы инспекции, но тем не менее риск от инспекции окажется слабее, чем гонка вооружений. Обсуждая все «за» и «против» в системах инспекции, мы должны, кроме того, придать вес их вкладу в атмосферу законности. Осуществление русскими и нами формального соблюдения согласованных правил – пусть даже они соблюдаются символически – сделает в дальнейшем затруднительной для каждой стороны возможность нарушать эти правила и относиться с пренебрежением к надеждам на мир и законность, которые были высказаны обеими сторонами. Так, может быть, мы видим не так отчетливо, как русские, опасности вооруженного атомным оружием мира; или мы так захвачены созданной нашим воображением картиной их «стремления к мировому господству», что уже не можем поверить в то, что они говорят то, что думают? Или мы боимся, что не сможем совладать с экономическими последствиями разоружения, которые затронут нашу систему? Или правда ли, что армейские службы, сопротивляющиеся разоружению, уже настолько сильны, что смогут воспрепятствовать даже серьезному обсуждению проблемы разоружения?[232 – Ср. высказывание Брауна Г. и Риала Дж. (Harrison Brown & James Real) в работе «Общество страха». Community of Fear, Center for the Study of Democratic Institutions, Santa Barbara, 1960, p. 28.]

Поскольку эта тема есть вопрос жизни или смерти для США и всего остального мира, представляется крайне важным проверить не только – что мы обычно делаем – возможные дефекты в российской позиции, но также возможные основания для нашего отказа обсуждать разоружение более серьезно.

2. Российско-американское временное соглашение (*modus vivendi*) на основе *status quo*

Даже если признано, что всеобщее разоружение есть необходимое условие для сохранения мира и свободы, как сделать разоружение возможным, если не будет закончена «холодная война»? Как могут обе противоборствующие силы серьезно обсуждать проблему разоружения, пока каждый подозревает другого в желании

Фротм Эрих Может ли человек преобладать filosoff.org
уничтожить его? Ответ ясен: никакое политическое взаимопонимание невозможно или практически неосуществимо до тех пор, пока существует взаимная угроза уничтожения; и в то же время разоружение невозможно, пока не будет достигнуто политическое взаимопонимание. Что придет раньше – это спорный вопрос. Обе проблемы должны быть взаимосвязаны, и можно даже рассчитывать на то, что поиск пути решения политической проблемы должен быть легче, чем поиск пути решения проблемы разоружения, и наоборот.

Уолтер Миллис поставил этот вопрос в сжатой форме. Он писал: «Советский Союз очень заинтересован в разоружении. Он, вероятно, хочет, чтобы разоружение решило его внутренние экономические проблемы. Как и кое-кто на Западе, он хочет, вероятно, избежать ядерной опасности, но он, конечно, заинтересован и в тех политических выгодах, которые могут быть получены от разоружения в современной международной ситуации. Мне кажется, что истинный ответ Запада на советскую позицию по разоружению – не проявлять недоверия, а спросить, как СССР представляет себе согласованность противостояния с условиями его предложений. И я считаю, что СССР имеет право предъявлять те же претензии к Западу. Ни одна из двух великих держав не готова сейчас дать ответ на эти претензии. С другой стороны, обе стороны явно прощупывают друг друга. Если это вскроется и разрешится, проблема мира будет решена. Если нет, большинство из нас, вероятно, погибнет от взрыва и лучевой болезни, а те из нас, кто останется в живых, будут вести очень скучную жизнь на планете, ни в какой мере не соответствующей нынешнему человеческому существованию».

Попытаюсь ответить на вопрос Миллиса, а именно: как противостояние между США и СССР может происходить при условии разоружения?

Первое условие для политического взаимопонимания – преодолеть истерические, неразумные и искаженные представления обоих блоков друг о друге. Я надеюсь доказать, что СССР является консервативной, тоталитарной, административно-командной, а вовсе не революционной системой, стремящейся к мировому господству, Хрущев – вовсе не наследник Маркса и Ленина, как могло бы следовать из политической позиции, которую он провозглашает. Мы ведь не имеем больше капиталистической системы, основанной на индивидуальной инициативе, свободной конкуренции, минимальном государственном вмешательстве. Мы теперь тоже являемся бюрократическим индустриальным обществом.

Однако это единственная точка, на которой Восток и Запад сходятся в стереотипе мнения друг о друге. Не согласиться с этим совпадением и означает начать реалистическое взаимопонимание. Следующий шаг заключается в осознании того, что экономические и даже политические разногласия между двумя блоками не настолько важны, чтобы из них выводить обоснование для войны; надо осознать, что есть только одна опасность, которая может вызвать войну, – взаимный страх, рождающийся в результате гонки вооружений или вследствие идеологических расхождений.

Что же тогда является реальной основой для русско-американского взаимопонимания? Конечно, ответ чрезвычайно прост. Основой является взаимное признание существующего состояния (*status quo*), взаимное соглашение не менять существующего политического баланса сил между двумя блоками.

Это прежде всего означает, что Запад должен отказаться от таких бы то ни было планов изменить настоящее положение России и ее сферу интересов в Восточной Европе, а СССР должен сделать то же по отношению к Западу. Совершенно верно, что Россия добилась власти над своими сателлитами с помощью силы и в результате победоносного окончания войны. Верно и то, что имелась возможность посредством твердой и настойчивой политики в конце прошлой войны спасти некоторые из этих стран от русского владычества, но сегодня все это – пустые рассуждения.

Очевидно, что Советский Союз не откажется от того, чем владеет, без войны. Ни одна великая держава на гребне своего могущества, будь это коммунисты или капиталисты, не сделает этого никогда.

Ни один российский политический руководитель, который так поступит, не выживет как политик. Идея «быть освобожденным» благодаря войне, в которой их страны должны быть опустошены и разорены, это совсем не то, чего могут хотеть народы стран-сателлитов, и уж конечно это не входит в наши

Фромм Эрих Может ли человек преобладать filosoff.org

намерения. Несмотря на это, перед лицом того факта, что народы стран-сателлитов, как показали все прошедшие мятежи, являются слабым местом в структуре России, советские лидеры наиболее остро реагируют на прямые и косвенные угрозы с их стороны. Поэтому наша позиция – не признавать, что нынешнее состояние России есть один из факторов, мешающих взаимопониманию. И в то же время, наша позиция вовсе не ведет к большей свободе для отдельной личности в странах-сателлитах. Если она что и делает, так это мешает процессу либерализации. Конкретные события показывают, что пока советские вожди ни за что не позволят ни одному государству, находящемуся в сфере своего влияния, покинуть эту сферу. Они могут разрешить ему определенную долю независимости во внутренних делах, особенно если уменьшится напряженность между двумя блоками.

Вопрос о Берлине должен рассматриваться в контексте вышесказанного. Нет сомнения, что русские хотят включить Западный Берлин в восточную зону. Однако они жизненно заинтересованы в сохранении стабильности своей сферы интересов в Восточной Германии. Дипломатический гамбит Хрущева заключается в угрозе Западу относительно Берлина, где он имеет преимущества, для того чтобы вынудить Запад принять свою позицию в Восточной Германии, где Запад может доставить ему много неприятностей. Решение проблемы Берлина лежит в полном официальном признании сателлитов России, включая Восточную Германию, в обмене на полную гарантию независимого существования Берлина как части западного мира.

Что стоит на пути признания русских владений в Восточной Европе? Здесь мы сталкиваемся с несколькими парадоксами и иррациональностями политической мысли. С одной стороны, нет никакого сомнения и признано всеми аналитиками, что Запад не имеет намерений освободить какой-либо из сателлитов России силой. Более того, точно так же очевидно, что Запад даже не желает какой-либо антикоммунистической революции в Восточной Германии, так как это вынудило бы Запад помочь этому, что означало бы риск мировой войны; или же отказаться от этого и признать невозможность такой помощи, даже ценой унижения. Почему тогда западный альянс не принимает *status quo* формально и недвусмысленно? Или, с другой стороны, почему русские не удовлетворены признанием Америкой *de facto* этого *status quo*? Почему они настаивают на более формальных и обязывающих договоренностях, типа мирного договора?

Ответ на эти многочисленные вопросы заключается в факте существования динамичной и имеющей экспансионистские замыслы Западной Германии. Русские уверены, что Западная Германия угрожает сфере их интересов и что политика США является угрозой по большей части не такой уж далекой, как это следует из их политики в отношении Западной Германии. Я попробовал показать в предыдущей статье, что этот страх (опасение) будущей агрессии Западной

Германии, не является таким уж безосновательным. Даже если это не является угрозой сегодня, это станет угрозой завтра.

Фактически большая часть населения Восточной Германии живет при режиме, при котором они жить не хотят, и этот режим противен всем тем, кто любит политическую свободу. Поэтому решение смириться с существующим коммунистическим правлением в Восточной Германии является жестким для тех, кто действительно лелеет мысли о свободе. (Это не слишком жесткое решение для тех, кто довольно легко смирился с русской диктатурой.) Но если кто-то действительно стоит перед этой дилеммой, тогда остается только один ответ: принять факты как они есть с осознанием, что цель избежать войну является гораздо важнее цели «освободить» Восточную Германию. Ирония этого заключается в отсутствии такой альтернативы, так как действительный выбор лежит между коммунистически управляемой или разрушенной Восточной Германией.

Идеологический аргумент смещается в центр такого вопроса, как национальное стремление немцев к объединению. Не пришло ли то время, когда мы должны начать спрашивать такой пароль: «Немецкое национальное единство»? Идея немецкого единства берет начало 90 лет назад, как результат государственной политики Бисмарка. Но даже Бисмарк намеренно исключал Австрию и предпочитал не говорить об объединении всех немцев. С другой стороны, был Гитлер, чьи агрессивные цели основывались на требовании объединения всех немцев. Если необходимо объединить Восточную и Западную Германии, почему бы не присоединить к ним Австрию, Тироль, Судетскую землю, Эльзас, Силезию, Восточную Пруссию? Не следуем ли мы тем же курсом, что и Англия с Францией с 1933 по 1938 г., когда они приняли гитлеровское требование объединения

Фромм Эрих Может ли человек преобладать filosoff.org
всех германоговорящих людей в одну страну и когда они не поняли, что эти национальные претензии – только идеологическая подготовка для завоевания всего мира?

Правительство Западной Германии достаточно хорошо знает, что Германия не может быть снова объединена быстро без войны. Но оно сохраняет эти требования как средство поддержать национальное чувство и предотвратить политическое взаимопонимание между США и СССР. Поскольку мы одержимы идеей русской угрозы и, таким образом, необходимостью помочь Германии, мы проводим поддержку политики Германии, что со временем сделает невозможным политическое соглашение с Россией, вследствие чего мирное решение вопроса маловероятно.

Мы должны попытаться сами освободиться от исключительно идеологических клише. Если «отделенное государство (Восточная Германия) – даже будь оно не коммунистическим – выступает против германского национального чувства», почему мы должны приспосабливаться к этому «национальному чувству», которое так или иначе является искусственным? Почему «мы не можем не уступить перед правом немцев определять свою собственную судьбу в недалеком будущем?» Не есть ли это другой способ сказать, что мы должны позволить немецкому экспансионизму иметь его собственный путь? Почему именно это решение, которое отстоит статус Берлина «взамен признания Восточной Германии, было бы большой победой коммунистов?».

Из-за нашей навязчивой идеи, что русские желают мирового господства (и может быть также из-за многочисленных американо-германских финансовых интересов), мы соглашаемся с требованиями Западной Германии, делая таким образом всестороннее соглашение с Россией невозможным. Ведется много разговоров о том, что уступки Советскому Союзу – это повторение политики умиротворения в отношении Гитлера. Я уверен, что если кто-то настаивает на аналогии сегодняшнего дня и политики умиротворения нацистской Германии, разгадка этому лежит в нашей сегодняшней политике умиротворения Германии Аденауэра.

По существу, политика Франции и Британии по отношению к Гитлеру с 1933 по 1938 г. не была связана с идеей отклонить экспансию Гитлера с запада на восток. Те, кто был против политики умиротворения, подобно Черчиллю, признавали, что Гитлер не удовлетворится экспанссией только на восток. Сегодня, когда вся наша внешняя политика основывается на идее, что мы должны защитить самих себя от русской угрозы с помощью милитаризации, мы снова ублажаем Германию. Мы уступаем ее все возрастающим требованиям на вооружение и позволяем Аденауэру влиять на нашу политику таким образом, что мирное взаимопонимание с СССР становится все более затруднительным. Существуют даже некоторые основания поверить, что Германия вскоре станет такой сильной, что многие американские политики и военные руководители могут прийти к мнению, что уже слишком поздно останавливать ее, даже если мы захотим этого. Действительно ли мы так наивны, что видим сегодняшнюю Германию и не видим завтрашнюю Германию, которую мы возрождаем к жизни?

Поскольку мы имеем дело с обоюдным признанием *status quo* в Европе, мое предложение заключается в недвусмысленном принятии этого *status quo* и обуздании какого-либо дальнейшего перевооружения Германии.

В связи с этим давайте вернемся к нашей берлинской политике. Стереотип состоит в том, чтобы говорить, как бескомпромиссна и агрессивна позиция Хрущева по отношению к Берлину. А что на самом деле? Хрущев потребовал, чтобы Западный Берлин был свободным городом. Он намекнул о своей готовности принять контроль США или даже контроль четырех стран над этим свободным городом. Он никогда не требовал, чтобы Западный Берлин был присоединен к Восточной Германии. Как я уже говорил, его требование по существу сводилось к тому, чтобы заставить Запад признать Восточную Германию и прекратить дальнейшее вооружение Западной Германии. Осознавая, что даже эти две цели не были достижимы, он показывал готовность быть удовлетворенным, по крайней мере в переходный период, небольшими уступками со стороны Запада.

Этими уступками, в основном предложенными Западом на конференции четырех министров в 1959 г., были уменьшение численности войск в Берлине (так как эти войска имели скорее символическое, а не военное значение); сожаление о запрете на хранение на территории Берлина ядерного оружия (оно там никогда и не хранилось); соглашение прекратить пропаганду против России из Западного Берлина.

В то время как эти уступки не были никогда формализованы, они, очевидно, были основой «Кэмп-дэвидской атмосферы» во время визита Хрущева в Вашингтон, и для замечания Эйзенхауэра, сделанного в то же время о том, что ситуация в Берлине была «ненормальной». Хрущев вернулся в Москву, обнадеженный Эйзенхауэром и успехом своего визита. Что же произошло потом? Возможно, под давлением Аденауэра, возможно под впечатлением, что Россия не рискнула бы начать войну за Берлин, как мы заметили (в выступлении мистера Диллона), все уступки были аннулированы и не было сколько-нибудь продолжительного согласия на компромисс, как это было обозначено во время визита Хрущева в Вашингтон.

Реакцией Хрущева стало агрессивное выступление в Баку. Мы тогда нанесли еще один удар Хрущеву, хотя, вероятно, скорее нестактный, чем запланированный, нашей реакцией на инцидент с У-2. В то время как Хрущев пытался в первую очередь сохранить существующее положение дел, декларируя, что, как он верит, президент Эйзенхауэр ничего об этом не знал, президент ответил тем, что взял на себя полную ответственность за этот полет и объявил, что он был оправдан. Что оставалось делать Хрущеву? Могли ли мы удивляться тому, что он почувствовал личное оскорблениe и, что более важно, должен был отреагировать на это поражение, сохранив свое лицо в России? Хрущев покинул саммит в раздражении, сделал агрессивное заявление и впоследствии оскорбил президента. В своем выступлении в этом городе несколькими днями позже он заметил, что по главному вопросу – относительно Берлина – он придерживается своего первоначального обещания – не форсировать его. Он не угрожал, а отложил этот вопрос в целом до обсуждения с новой администрацией США. Поведение Хрущева в этой ситуации выглядело как сугубо оборонительная позиция, если не быть достаточно наивным и не предполагать, что в политике более значимо кричать, чем действовать.

Если американо-российское временное соглашение (*modus vivendi*) на основе *status quo* в Европе произносится с трудом, то такое понимание в отношении остального мира кажется еще более невозможным. Все еще нельзя отрицать факт, что пока соглашение не будет достигнуто, будет существовать напряженность и продолжится гонка вооружений, и сохранится вероятность термоядерной войны.

Так что такое понимание в первую очередь должно было бы вылиться в возможное требование, чтобы ни одна из сторон не имела намерения конкурировать в мире. Я не намерен доказывать американским читателям, что завоевание мира есть цель США. Что это не является каким-либо намерением Советского Союза, я уже попытался показать в предыдущей главе. Но как могут эти два блока достигнуть согласия в поддержании *status quo* в Азии, Африке и Латинской Америке, когда эти части мира постоянно находятся в состоянии постоянного брожения и политически, и социально-экономически? Не означало ли бы такое согласие, даже если оно было бы достигнуто, замораживание существующих структур власти во всем мире, стабилизацию того, что не может оставаться стабилизованным? Не дает ли это международных гарантий для продолжающих существовать некоторых наиболее реакционных режимов, которые, однако, рухнут рано или поздно?

Эта трудность будет казаться менее значительной, если принять, что согласие не менять существующих владений и сфер интересов между СССР, США и Китаем, не то же самое, что заморозить внутреннюю структуру всех азиатских, африканских и латиноамериканских государств. Это значит фактически, что нации, даже если бы они и сменили свои правительства и свои социальные структуры, не заменят по этой причине альянса с одним блоком на альянс с другим.

Существует ряд примеров, показывающих, что такое возможно. Наиболее яркий пример – Египет. Египет, который был одной из наибезднейших стран мира и, в дополнение к этому, одним из наиболее коррумпированных государств, был близок к революции.

Как и все другие революции в Азии и Африке, египетская имела два аспекта: она была националистической, и она была социалистической в широком смысле, нацеленной в основном на экономические изменения, выгодные широким массам населения Египта. Насер смог освободиться от остатков британского господства, но он твердо решил никогда не подпадать под власть России. Он придерживался единственно разумного курса, не присоединяясь ни к одному из блоков, использовать соперничество между ними для своей выгоды и для

Едва ли будет преувеличением сказать, что внешняя политика США, в формулировке покойного мистера Даллеса, почти привела Насера в российский лагерь. Нейтралитет, в соответствии с этой доктриной, был безнравственным, и дружеские связи с СССР со стороны такой малой державы, как Египет, которые, рассматривались как враждебные по отношению к США и должны были быть наказаны соответствующим образом [239 – Последний знаменитый пример политики Даллеса – обработка мистером Хертером (Hertler) президента Ганы во время его визита в Нью-Йорк в 1960 г., что явно контрастирует с общением Кеннеди и президента Ганы год назад.]. (в случае Египта мгновенная потеря обещанного займа для строительства Асуанской плотины.) Однако Нассер сохранял нейтралитет, даже вопреки мощной англо-французской военной провокации на Суэцком канале.

Все это справедливо и для Ирака, Ливана, Индонезии. В отношении Ирака и Ливана США, казалось, были уверены, что новые правительства могут соскользнуть на советскую орбиту, и мы подготовились к военной интервенции, но прогноз Госдепартамента не сбылся. Позиция США сводилась к тому, чтобы не допустить влияния Советов на эти страны, несмотря на то, что существование таких намерений с их стороны было маловероятно и еще менее вероятным было желание соответствующих стран попасть под влияние Советов.

Попытки США усилить продолжавшие существовать «прозападные правительства» в странах, где эти правительства определенно непопулярны, в перспективе обречены на провал. Единственная конструктивная политика состоит в том, чтобы позволить – и даже способствовать – появление блока неприсоединенных, нейтральных стран. Только таким способом можно избежать острого американо-российского конфликта, сопровождаемого угрозой применения ядерного оружия.

Русские предприняли более мудрые реальные шаги, чем мы: они приняли нейтралитет как достаточное условие для дружественных связей и экономической помощи. Пришло время и США перейти на ту же позицию. Одна из наиболее многообещающих особенностей администрации Кеннеди заключается в том, что она показала определенный поворот в этом направлении, по крайней мере в отношении Азии и Африки. Главное в моих аргументах – это подчеркнуть, как жизненно важны эти перемены и что они не должны делаться равнодушно.

Обсуждение необходимости принятия и поощрения политического нейтралитета значительной части развивающегося мира тем не менее только в начале. Политическая позиция этих стран не может быть отделена от их внутреннего социального и экономического развития. И именно здесь особенно важна более реалистическая позиция.

Западные правительства, подобно коммунистам, рассуждают с точки зрения выбора между капитализмом и коммунизмом. Эта альтернатива почти единственное, в чем согласны оба лагеря. Фактически, однако, вопрос более комплексный. Капитализм середины XX в. – это не капитализм индивидуальной инициативы, минимальной активности государства и т. п., как это было в XIX столетии. И русский, и китайский типы коммунизма отличаются друг от друга и уж совершенно отличны от социализма Маркса, который каждый из них претендует представлять. Каковы же факты и реалистические возможности?

Прежде всего мы должны признать, что развивающиеся страны в обозримом будущем не выберут капитализма ни по экономическим, ни по психологическим соображениям. Они не могут выбрать систему, которая развилаась в Европе в течение нескольких столетий, в соответствии с историческим условиями на этом континенте. Этим развивающимся странам необходима система, которая удовлетворяет следующим условиям: во-первых экономическая власть должна быть отобрана у небольшой клики, которая использует ее только в своих собственных интересах, не учитывая нужды основной массы населения; во-вторых, экономика должна следовать плану распределения ресурсов в интересах и для оптимального развития экономики в целом.

Главное заключается в том, что альтернативой для развивающихся стран является выбор не между капитализмом и коммунизмом – альтернатива, которой содействуют Россия и Китай, а выбор состоит в том, какой вид социализма они предпочтут: российское государственное планирование, китайский антииндивидуалистический коммунизм или гуманный, демократический социализм,

Фрому Эрих Может ли человек преобладать filosoff.org
который пытается комбинировать необходимый минимум бюрократического централизма с оптимальной индивидуальной инициативой, соучастием и ответственностью.

Если Запад настаивает на выборе между коммунизмом и капитализмом, если это тесно связано со старомодным реакционным режимом, который обречен на провал своей историей, тогда он поможет русским, а более вероятно китайским, коммунистам получить признание / – а внутри отдельных поколений и /– представителей населения мира. Бедняки во всем мире будут верить, что они должны выбрать путь, который позволяет Китаю развиваться в два раза быстрее, чем Индия, доказывая, что другой альтернативы нет.

Но несмотря на всю китайскую пропаганду, существует много доказательств того, что китайский путь полного и безжалостного единобразия совсем не то, что предпочитает большинство этих людей. Желание свободы и независимости не есть, как это иногда утверждается, относительно недавнее открытие Запада. Это – имеющая глубокие корни необходимость существования человека, но не единственная необходимость. Если этот выбор конкурирует с чувством голода, страхом и беспомощностью, большинство людей, как на Востоке, так и на Западе будут готовы продать свое желание свободы. Вопрос заключается в том, как избежать такого выбора.

Кроме того, даже если миллионы крестьян во всех этих странах жили до сих пор в крайне тяжелых условиях голода и безнадежности, что в данный момент они не могут быть полностью заинтересованы в свободе, то это имеет меньшее политическое значение, чем полагают многие люди. История неразвитых стран делается относительно небольшими группами образованных представителей элиты среднего класса, понимающих опасность и вред тоталитаризма. Очень примечательно, как сильно Индия и другие страны Азии, так же как Латинская Америка и Африка, воспротивились соблазнам коммунизма. Но также ясно, что юное поколение станет все более и более нетерпеливым, если не будут проводиться необходимые фундаментальные реформы.

Слаборазвитым странам я предлагаю принять единственно верное решение в выборе демократико-социалистической системы, учитывающей особенности каждой страны и, соответственно, отличающейся, как, например, Югославия отличается от Индии, но ни в коем случае не теоретически. Остается фактом, как заметил Барнетт, что «марксизм имел глубокое и широко распространенное влияние среди интеллектуалов во многих странах ареала (Южная и Юго-Восточная Азия). Большинство этих лидеров в Южной и Юго-Восточной Азии принимала социализм в той или иной форме. Многие надеялись создать общества, которые лучше всего характеризовать как социалистические демократии, сочетающие свободу и представительную власть с различным уровнем планируемой государственной экономики. Чаще всего при выборе своих моделей они обращаются к Западу, пытаясь применить опыт Запада к своим собственным нуждам. Но немногие из них могут принять какую-либо западную модель без всяких оговорок, поэтому они сталкиваются с огромными трудностями в попытках ввести западные институты в своих странах. Многие, отказавшись от коммунизма как от системы власти, почувствовали, что коммунистический опыт в СССР и Китае очень полезен для решения их собственных проблем».

Проблема заключается в том, что либо эти лидеры найдут в конце концов демократически-социалистический образец, который покажет достижения, сравнимые с достижениями в Китае, либо они должны будут сделать акцент на коммунистическом решении, которого они хотели бы избежать. Их решение зависит одинаково сильно как от позиции Запада, так и от коммунистической пропаганды.

До сих пор Запад был очень эффективным пропагандистом для коммунистов, настаивая, что коммунисты – истинные наследники Маркса и что не существует другой альтернативы капитализму. США допустили эту ошибку в более грубом виде, чем Европа, поскольку Европа была очень близка демократическим социалистическим идеям и партиям, которые с 1918 г. вплоть до 1960 г. время от времени появлялись у власти в Великобритании, Франции, Германии, Бельгии, Италии, Голландии, Дании, Норвегии, Швеции, Исландии.

Во многих из этих стран в последние годы социалисты потерпели поражение, поскольку консервативные партии включили часть социалистических программ в свои, а сами социалисты закоснели среди изобилия. Но было бы серьезной ошибкой считать, что социализм в развивающихся странах прекратил свое

Фрому Эрих Может ли человек преобладать filosoff.org существование, потому что в богатых странах в данный момент он находится в обороне. фактически помочь демократическому социализму в развивающихся странах и интерпретация его на Западе – одна из наиболее важных задач демократического социализма в Европе.

Существуют достаточно серьезные возражения предложенным здесь идеям, чтобы быть сразу же рассмотренными. Эти возражения выстраиваются так: если цель развивающихся стран сводится к тому, чтобы достичь экономического благополучия на протяжении жизни нескольких поколений, если они хотят построить свою собственную индустрию и обеспечить большей части своего населения достойную жизнь, которая может быть, по крайней мере, сравнима с жизнью в беднейших европейских странах, то они не могут отказаться от китайского пути – тоталитарной организации, силы и массового внушения.

Не вынуждены ли их лидеры насаждать дух фанатизма и страха для того, чтобы добровольно поддерживалось недостаточное потребление? Я уверен, что это не так уж и необходимо. Существует, конечно, проблема мобилизации человеческой энергии для достижения гораздо более высокой экономической продуктивности, чем эти страны имеют сейчас. Запад официально настаивает, что очень важно нацеливаться на денежный прирост, и нет сомнений, что такая мотивация является эффективной в рамках определенной модели. (Русские с этим практически также согласны). Но существуют другие способы мобилизации человеческой энергии. Существует китайский путь всеобщей мобилизации мозгов, сердец и мускулов путем силы и принуждения. И этот способ, по-видимому, работает, хотя и дорогой ценой. Существует также еще один путь, который предлагает демократический, человеческий социализм: обращение к чувству самоуважения, индивидуальной инициативы, социальной ответственности и гордости отдельной личности.

Если такое обращение является всего лишь чисто идеологическим трюком и. фикцией, оно не будет иметь реального и продолжительного эффекта. Но если оно основано на реальных возможностях, то система позволит этим качествам развиваться, и, более того, такое обращение, сделанное в плановой системе, в которой индивидуальное усилие рассматривается как вклад в прогресс общества как целого, дает уверенность в том, что человеческая энергия может быть мобилизована в степени, сравнимой с тоталитарной системой.

Сущность заключается, как я уже настаивал, не только в психологической необходимости или желаниях широких масс, но также в характерной структуре воспитания элиты среднего класса. В чем же их мотивация? Является ли эта необходимость необходимостью материального благосостояния, которая была мотивацией западного бизнесмена XIX–XX столетий? Если это так, то единственным возможным выходом может быть коррумпирование государственных бюрократий. Если личное благосостояние лидеров развивающихся государств стоит на первом месте, то они должны будут обогатиться за счет масс, возможно, путем обмана и угнетения.

Но существует множество примеров того, что обогащение никоим образом не является мотивирующей силой для новой элиты и фактически для некоторых представителей старых элит. Правящие группы в Югославии и Египте, самая верхушка в Индии, а также вожди Китая, согласно всем сообщениям, не коррумпированы. (Кстати, я не имею в виду, что они не имеют более высоких стандартов уровня жизни, чем основная часть населения, но эти их привилегии определенно ограничены и не получены за счет воровства и взяточничества.) Очевидно, что сильная мотивация среди этих новых лидеров – это гордость за мастерство в администрации и организации. В противоположность традиционным денежным мотивациям предпринимателей новая элита побуждается теми же факторами, что и профессионалы в нашей системе: удовлетворение в применении полученного мастерства и получение полезных результатов.

Мы на Западе часто забываем, что удовлетворение в работе, успешное применение полученного мастерства могут быть такой же сильной побудительной причиной, как выгода.

В дополнение к личному удовлетворению, корни которого находятся в мастерстве исполнения, новая элита нуждается и часто имеет другие потенциальные факторы удовлетворения – это чувства социальной обязанности и солидарности с широкими массами их родных стран. Чаще всего они приобретают форму национальной гордости; не имеет значения, о какой конкретной стране идет речь: о Египте, Китае или любой другой из вновь пробудившихся стран, все они управляются людьми с истинными национальными чувствами, часто

Фромм Эрих Может ли человек преобладать filosoff.org
границащими с иррациональным национализмом. Профессиональная и национальная гордость вместе с чувствами социальной справедливости и ответственности, как можно сказать, являются очень важной мотивацией новых лидеров многих развивающихся государств. С психологической точки зрения эта мотивация столь же потенциальна и реальна, как и желание денег и вожделение власти, – все они относятся к естественной человеческой природе. Вопрос заключается в том, какая именно мотивация пользуется общественной поддержкой и содействием или, другими словами, какой тип личности будет восходить к вершинам власти.

Вопрос в том, что предпочтет новая элита, – Россию, Китай или демократическую форму социализма. На этот вопрос трудно найти ответ. Но одно кажется очевидным: какой предпочтет путь новая элита, зависит от двух факторов – психологического и экономического. Эти новые лидеры очень горды и чувствительны; они негодуют по поводу обработки, которой они подвергались со стороны Запада более чем столетие. (Русские лидеры проявили такую же чувствительность, особенно до того, как они достигли сегодняшних успехов.) Они не забыли унижения «копиумной войны», работоговлю, а также американскую «банановую политику». Они реагируют совершенно нормальным образом, будучи чувствительными, а иногда и сверхчувствительными, и занимают агрессивную антизападную позицию, когда Запад продолжает угрожать им, открыто или высокомерно, не слишком маскируясь при этом. Тон морального превосходства в отношении развивающихся стран, которым пронизаны наши официальные заявления, лишь способствует возникновению глубокого антагонизма по отношению к Западу и увеличивает их стремление присоединиться к коммунистическому блоку.

Существуют и еще более удручающие причины. Запад представляет картину морального банкротства в «новом мире». Мы проповедовали христианство «язычникам», в то же время заставляя их быть рабами и угрожая им как низшим; сейчас мы проповедуем духовность, мораль, веру в Бога и свободу, в то время как наши реальные ценности (и это часть нашей системы «двойной мысли», которую мы также проповедуем им) – это деньги и потребление (потребительство). Пока мы не почувствуем на опыте истинный ренессанс исповедуемых нами ценностей, мы будем только возбуждать вражду в тех, в ком мы поддерживали презрение к себе. Только краткое изменение нашей позиции по отношению к странам Азии, Африки и Латинской Америки может устраниТЬ глубокое подозрение народов этих стран к нашим мотивам и нашей искренности.

В дополнение к этому психологическому фактору можно добавить еще и экономический фактор. Если новые страны должны достигать индустриализации без значительной иностранной помощи, они вправе выбрать китайский путь полного контроля всего и использования их «человеческого капитала» (человеческого фактора). Но если они хотят принять экономическую помощь от Запада, они, по всей видимости, предпочтут более человечный и демократический путь. Кое-кто из этих новых лидеров может быть куплен, но это будет исключением. Большая часть их возглавит попытки дальнейшего развития своих народов. Их позиция по отношению к Западу будет зависеть по большей части от нас самих, от нашей способности полностью расстаться с нашей прошлой колониальной психологией, а также от экономической и технической помощи, которую мы готовы им предоставить по доброй воле, не пытаясь силой склонить их к политическому альянсу с нами.

Станут ли эти страны тогда демократическими, «свободными» странами? Очень неудачно что, как я уже замечал ранее, слова «демократия» и «свобода» используются слишком часто в ритуальном смысле и с большой долей неискренности. Многие наши «свободолюбивые» союзники на самом деле диктаторы, и, видимо, нас мало заботит, демократическая это страна или нет, лишь бы этот политический и военный союзник был против коммунистического блока. Но и в стороне от оппортунистской неискренности мы также получаем неглубокий, поверхностный взгляд на демократию. Политическая концепция демократии и свободы развивалась в течение нескольких сотен лет европейской истории. Она явилась результатом победы над монархической автократией, достигнутой великими революциями в Англии и Франции. Суть этой концепции заключается в том, что безответственная монархия не имеет права решать судьбы людей, но только сами люди, ее цель – «правительство народа, из народа и для народа».

Но демократия не родилась в один день. На всем протяжении большей части XIX столетия, как в Англии например, право голоса было ограничено, им обладали только те, кто владел собственностью, в то время как в США даже сегодня

Фрому Эрих Может ли человек преобладать filosoff.org
значительное число негров практически лишены избирательного права. Хотя в целом, с экономическим и социальным развитием последних сотен лет, универсальное избирательное право принято в основном в большей части западных стран.

Система, которая разрешает свободу и не ограничивает политическую активность и реальную свободу выборов, очень желанна, даже если имеет свои недостатки. Но это только один аспект демократии. Ее нельзя легко трансформировать к различным социальным системам, которые не имеют среднего класса, в которых небольшая степень грамотности или которые управляются меньшинством, не готовым поступиться своими привилегиями. Если нас действительно волнует роль личности в обществе, мы должны предвосхитить особую концепцию свободы выборов и многопартийной системы и взглянуть на проблемы демократии в нескольких измерениях. Я полагаю, что о демократическом характере системы можно судить, только рассматривая ее со всех аспектов, из которых следующие четыре являются наиболее важными:

- 1) политическая демократия в западном смысле: многопартийная система и свободные выборы (обеспеченные на самом деле, а не поддельные);
- 2) атмосфера личной свободы. Под этим я подразумеваю ситуацию, в которой личность может чувствовать свободу выразить свое мнение (включая критические мнения по отношению к правительству), не опасаясь репрессий. Понятно, что степень личной свободы может быть различной. Могут быть, например, санкции, которые относятся к экономическому положению индивида, но при этом не угрожают его личной свободе. Существует различие между откровенным террором, который осуществлялся при Сталине, и политической атмосферой при Хрущеве, и несмотря на то, что она более предпочтительна в сравнении со сталинским террором, Хрущев не устанавливал атмосферу персональной свободы, даже в ограниченном смысле. Тем не менее в соответствии со всем сказанным Польша и Югославия, даже если они не демократические в смысле первых критериев, – общества, в которых личная свобода существует. Этот второй аспект демократии является очень важным, поскольку возможность жить, думать, говорить без страха быть репрессированным имеет фундаментальное значение для развития свободного человека, даже если ему не позволяют проявлять свою точку зрения в политических действиях;
- 3) совершенно отличным от других аспектом демократии является экономический аспект. Если захотеть оценить роль личности в какой-нибудь данной стране, невозможно сделать это без того, чтобы установить, в чью пользу работает данная экономическая система. Если система работает в основном для пользы небольшой правящей верхушки, тогда что толку в свободных выборах для большинства? Или по-другому: как могут быть подлинно свободными выборы в странах, в которых существует такая экономическая система? Демократия только открывает возможности для экономической системы, которая работает на подавляющее большинство населения. Здесь также, конечно, существует множество вариаций. Одной крайностью являются системы, где 90 % или более населения не принимает участия в экономическом прогрессе своей страны (как в случае многих латиноамериканских стран); другая крайность – это системы, подобные США или Великобритании, где, несмотря на значительное неравенство, существует тенденция выравнивания экономической заинтересованности. Суть проблемы заключается в том, что демократический характер страны не может рассматриваться без принятия в расчет фундаментальной экономической ситуации;
- 4) очевидно существуют также и социальные критерии демократии, а именно роль индивида в его ситуации с работой и в конкретном воплощении его каждодневной жизни. К чему система приводит людей: к состоянию приспособившихся автоматов или к увеличению их индивидуальной активности и ответственности? Приводит ли система централизации или децентрализации власти к решительным действиям, таким, которые охраняют демократии от опасности диктаторов, кто, подавляя оппозиции, фактически подавляет все? И снова мы сталкиваемся с множеством вариаций, и особенно важно рассмотреть не только роль личности в данный момент, но и общие тенденции внутри системы: способствуют они или мешают развитию личности, ответственности и децентрализации.

Если перед нами действительно демократия, мы должны выяснить, какие возможности эта система предоставляет индивиду, чтобы стать свободным, независимым, ответственным участником жизни всего общества. Полное развитие

Фрому Эрих Может ли человек преобладать filosoff.org

демократии зависит от выполнения всех четырех требований, упомянутых выше: политическая свобода, свобода личности, экономическая демократия и социальная демократия. Судить о демократическом характере какой-либо страны можно только, если учесть все четыре критериями только после этого формировать общую оценку качества и степени демократии, которая лежит в основе этой системы. Наш сегодняшний метод оценки, обращающийся только к первому критерию, нереалистичен, он поможет только нанести поражение нашей пропаганде свободы и демократии во всем мире.

Если мы применим эти критерии к конкретным странам, то выяснится, например, что США (и Великобритания) удовлетворяют критериям политической свободы, свободы личности (в США не в полной мере после первой мировой войны и в период деятельности Маккарти) и экономической демократии. Но активная роль индивида теряет свою важность с усилением бюрократизации. С другой стороны, в Китае нет ни политической, ни персональной свободы, там не поощряется индивидуальная активность, но китайская экономика ведет к благосостоянию большей части населения. В Югославии нет многопартийной системы, но существует личная свобода, экономика, которая служит большинству, и это ведет к поощрению индивидуальной инициативы и ответственности.

Возвращаясь к «новому миру», отметим, что многие страны не имеют необходимых предварительных условий для полноценной демократии, которая удовлетворяла бы всем четырем критериям. Более того, система государственно управляемой экономики может сделать полную демократию невозможной в ряде стран на протяжении определенного времени. Но обеспеченные критерии 2, 3 и 4 присутствуют и развиваются, отсутствие же критерия 1 – свобода выборов и многопартийность системы – не является в этом случае камнем преткновения. Если общество разрешает личную свободу, воспитывает экономическую справедливость, поощряет выражение индивидуальной активности в экономической и социальной жизни, я думаю, такое общество можно назвать демократией с гораздо большим основанием, чем страны, в которых экономически доминирует меньшинство, но которые показывают фасад демократии. Если мы на самом деле имеем дело с индивидом, мы должны прекратить думать стереотипно: необходимо объективно оценивать каждую страну, включая и нашу, с точки зрения многомерности, концепции демократии.

Для полноценной демократии, насколько она возможна, необходимо несколько условий. Прежде всего, некоррумпированное правительство. Коррумпированное правительство морально разрушает гражданское общество сверху донизу, парализует инициативу и надежду и делает планирование и использование внешнеэкономической помощи более или менее невозможным.

Ко всему прочему, необходимо планирование, в первую очередь для наиболее оптимального использования экономических ресурсов. При этом необходимо иметь в виду, что планирование и честное правительство вызовут, наверное, мощный психологический подъем в стране, поскольку раскрытие человеческой энергии обусловлено надеждой. Надежда или ее отсутствие не являются преимущественно индивидуальным фактором; как правило, они формируются социальной ситуацией в стране. Если у людей есть основания верить, что они движутся в направлении лучшего будущего, они могут сдвинуть горы; если нет надежды, они будут бездеятельными и будут впустую растратывать энергию.

Кроме наличия честного правительства, занимающегося планированием экономики, необходимы два других условия: техническое мастерство (технологии) и капитал. В этом заложена одна из великих возможностей для Запада (и для СССР), если они решили поддерживать демократико-социалистический режим: они могут предоставить техническую помощь, длительный дешевый кредит и гранты для того, чтобы такие страны, как Индия, Индонезия и др. могли развивать индустрию при гораздо более благоприятных условиях, чем, например, существовали в Китае. Эта страна имела очень небольшую экономическую помощь по сравнению, например, с огромными вложениями капитала, который помог индустриализации царской России.

Я обсудил страны, такие как Индия, которые уже находятся на стадии подъема. Существует много других стран, как, например, Ирак, которые все еще далеко позади, на стадии экономических споров, и вновь образованные страны в Африке, которые все еще находятся на примитивной стадии развития. Методы экономического развития должны быть также различны, как и сами эти страны, но тем не менее планирование и государственная собственность в важнейших секторах экономики, честные правительства, иностранная помощь в достижении

Фрому Эрих Может ли человек преобладать filosoff.org
технического мастерства и капитала будут необходимы и для этих стран.

Одно из основных возражений против предложения поддержки демократических социалистических систем в развивающихся странах будет, вероятно, состоять в том, что такие системы будут склоняться к объединению в политический блок с Россией и Китаем, выступая против Запада. Эта точка зрения звучит правдоподобно только в том случае, если смешать русский и китайский коммунизм друг с другом и оба – с демократическим социализмом на том основании, что они все употребляют слова «марксизм» и «социализм». Но это грубейшая ошибка. Демократические социалисты во всем мире не только показали свою фундаментальную оппозицию русскому и китайскому коммунизму, не только большая часть из них отказалась от альянса с коммунистами-марксистами; но демократический социализм есть фактически большая проблема для российского и китайского коммунизма, чем какая-либо феодальная или капиталистическая система в развивающихся странах. Такие системы, очевидно, не долговечны, а жизнеспособная демократическая социалистическая система будет демонстрировать, что русско-китайские заявления о том, что только их системы являются альтернативой капитализму, являются неверными. Они будут действовать как дамба для политической экспансии русско-китайского блока, но они могут также служить мостом между этим блоком и американо-европейским блоком в столь многогранном мире.

Предположения, которые я здесь сделал, особенно согласуются с заявлением профессора Росту: «Можно достаточно уверенно утверждать, что центральной международной проблемой в будущем будет такая организация мирового сообщества, в которой США, Западная Европа, Япония и Россия объединятся с мощными индустриальными странами в Азии, Латинской Америке, на Среднем Востоке и в Африке (примерно в таком порядке); и что в пределах примерно 75 лет большая часть развивающихся регионов достигнет экономической зрелости». Различие между нами может состоять, на мой взгляд, в том, что для многих развивающихся стран демократическо-социалистическая система будет необходима в том случае, если будет создана индустриальная мировая община.

Принятие такой политики требует, чтобы мы в США не просто преодолели глубоко укоренившиеся, все еще ошибочные клише и иррациональные аллергии по отношению к определенным словам, таким как «социализм», «государственная собственность в промышленности» и т. п. Помимо этого необходимы важные изменения в отношениях с нашими европейскими союзниками и в нашей собственной политике в Латинской Америке.

Что касается нашей политики в отношении европейских партнеров, мы уже положили хорошее начало оппозиции Рузельта желанию Черчилля выбрать такую мировую стратегию, которая помогала бы реализовывать интересы Британской империи. В после-Даллессовский период правления президент Эйзенхауэр начал признавать африканский нейтралитет как имеющий право на существование, а администрация Кеннеди пошла еще дальше в этом направлении. Мы приняли нейтралитет Лаоса, согласились с резолюцией ООН, которая требовала ухода Бельгии из Конго, присоединились к позиции ООН, которая осуждает португальское диктаторское правление в Африке.

И еще, действительная опасность заключается в том, что мы не пойдем до конца по этому пути, а будем позволять своим западным партнерам подталкивать нас к компромиссам с последними остатками их колониальной политики в обмен на их объединение в западный альянс. Во-первых, мы поддержали британское давление в Египте и отказались от этой поддержки только тогда, когда англо-французская военная провокация на Суэцком канале привела нас на грань войны. Мы не проявили четкой позиции в поддержке независимости Алжира, и очевидно, что мы не настояли с достаточной силой на отказе Бельгии от своих владений в Конго. Мы сможем остановить дальнейшие успехи России и особенно Китая в Азии и Африке, только если мы будем проводить ясную и недвусмысленную политику антиколониализма.

Совершенно другая ситуация в Латинской Америке. Здесь США вовлечены более непосредственно. США сделали огромные вклады во многие латиноамериканские страны, такие как Венесуэла, Аргентина, Гватемала, Куба. Две последние страны являются характерными примерами политики США. В Гватемале правительство Арбенса, которое не является «коммунистическим правительством», хотя коммунисты и имели в нем сильное влияние, было мало заинтересовано во внешней политике. Оно было гораздо больше заинтересовано во внутренней политике. Оно инициировало лейбористские законы, которые нанесли вред основной экономической силе в Гватемале – Объединенной

Компания начала обвинять правительство Арбенса в приверженности коммунистам и, таким образом, в угрозе безопасности Соединенных Штатов. «Полковник Колонел Карлос Кастильо Армас, изгнанный в Гондурас, организовал экспедицию (с чьей помощью – все еще остается тайной) и вторгся в Гватемалу. Когда гватемальская армия потерпела поражение от Кастильо Армаса, Арбенс покорился, и несколькими днями позже Кастильо Армас стал фактически президентом республики. Он организовал «выборы» спустя год, на которых голосовали руками, и победил, получив большинство голосов – 99 %.

«Режим Кастильо Армаса, несмотря на благие пожелания президента, был грубой диктатурой. Сотни, а может быть, тысячи крестьян и рабочих были убиты на волне мести работодателями и помещиками, которые испытывали притеснения в течение периода Аревала-Арбенса. Программа аграрной реформы, начатая при Арбенсе, была отменена, и фактически всякая оппозиция была запрещена».

Этот гватемальский пример открыл рискованный путь политики США. Используя доводы и рационалистические объяснения в борьбе с коммунистической угрозой, мы помогли разрушить легитимное правительство, что по большей части было обусловлено мерами, ослабляющими экономическое положение и власть великой американской корпорации – Объединенной фруктовой компании. Стоит ли удивляться, что многие латиноамериканцы верят, будто мы нашли новую формулу для старой «банановой политики»? На их взгляд, наши действия соответствуют образцу, который привел к оккупации Филиппин, Гаити, Кубы, Никарагуа и различным агрессивным действиям в отношении Мексики. Не имеют ли они причины верить, что огромные корпорации США предпочитают иметь дело с коррумпированными диктаторами, как те, кто стоял у власти на Кубе, в Венесуэле и Колумбии, а не с популярными и честными правительствами, и что долгое время официальная политика США подвергалась сильному влиянию этих корпораций?

В то время, когда писалась эта статья, Куба была нашей самой острой проблемой в Латинской Америке. Мы оккупировали Кубу три раза с тех пор, как ее покинули испанцы. Мы принуждали ее допустить нас на морскую базу, которую мы все еще используем. Поправка Платта отмененная только при Франклине Рузельте, сделала Кубу легально сателлитом. Но и без этого, денежные интересы США оставались одним из наиболее мощных политических влияний на Кубе. Когда народный протест сверг Батисту, и Кастро возник как обожаемый национальный герой, возникла недолгая неопределенность. Но Кастро трансформировал политическую революцию в социальную и экономическую. Он не только построил дома, школы и больницы, он национализировал большие сахаропроизводящие имения, нефтяную индустрию и банки и таким образом нанес ущерб сильным финансовым интересам тех, кто вложил капитал в Кубу.

«Из десяти больших сахарных компаний, доминировавших в очень важной для острова индустрии, семь были владениями Соединенных Штатов. Кубинское участием в сахарной квоте США действительно работало в основном на пользу этих больших производителей, в то время как кубинские сельские труженики жили на протяжении нескольких лет на грани голода. Многие кубинские предприятия общественного пользования, банки, нефтяные заводы и предприятия добывающей индустрии также находились в собственности граждан США. Любая социальная революция была бы, поэтому, неизбежно вредна этим интересам собственности».

Как результат, враждебность к правительству Кастро нарастала, достигая высшей степени в обвинениях в том, что он обеспечил проникновение русских в латинскую Америку и коммунистическую базу для атак против США. На самом деле США после некоторых колебаний предприняли ряд враждебных действий против Кубы в экономической области: урезание сахарной квоты, эмбарго почти на все виды торговли и практическое эмбарго на туристический бизнес и, как кульминация, разрыв всех дипломатических связей с Кубой. В то же время усиленно враждебные, настроения наполнили официальные и неофициальные высказывания в отношении Кубы до тех пор, пока последние антикастровские восстания морально и, по всей видимости, практически поддерживаемые определенными группами в США, не организовали контрреволюцию. Все, что было сделано, объяснялось тем, что кастрровский режим находился под властью России и что Куба практически является русским сателлитом, а потому США имеют право и обязанность защищать все Западное полушарие от этого русского вторжения.

Что же было в действительности? Революция Ф. Кастро была подлинной кубинской революцией, она не была поддержанна или инспирирована Москвой, Пекином или кубинскими коммунистами, которые находились в союзе с Батистой на протяжении большей части его режима. Чем больше США продолжали угрожать и душить кубинскую экономику, тем больше они заставляли Кастро искать экономической помощи со стороны советского блока. Вследствие этой экономической зависимости от советского блока Кастро следовал просоветской линии в своей внешней политике, и кубинские коммунисты, прежде презираемые как нечестные оппортунисты, получили усиленное политической влияние. Заявления в отношении кастревского «коммунизма» были самоосуществившимися предсказаниями. Вследствие американских действий он все более и более вовлекался в коммунистический лагерь и, таким образом наоборот, все более и более оправдывал американскую политику.

Как дополнительное доказательство обвинений против Кастро американская пропаганда подчеркивала тот факт, что многие приверженцы Кастро сегодня выступали против него. Тем не менее очевидно, что почти 100 % населения были с Кастро, потому что ненавидели Батисту. Но когда Кастро трансформировал политическую революцию в социальную (экономически и социально-психологический), естественно, что многие члены верхушки и среднего класса были обижены, экономически и социально, и встали в оппозицию Кастро. И уж совсем не удивительно, что они нашли оправдание своей оппозиции, утверждая, что Кастро стал орудием русских.

Что же такое коммунистическая политика на Кубе? Во-первых, не коммунисты начали революцию. Во-вторых, Хрущев был вынужден оказать помощь, если он хотел сохранить свою идеологическую роль защитника колониального мира, и, возможно, даже более важно, если он хотел противостоять сильной китайской конкуренции. Он даже декларировал, что он защитит Кубу с помощью ядерного взаимодействия, если Соединенные Штаты предпримут военную интервенцию. Явно, что Хрущев предполагал, что Соединенные Штаты не будут предпринимать интервенцию такого рода, но не более того. Как он объявил позже, это его заявление нужно было воспринимать как «символическое», что означало, что он от него отрекся.

Русские покупали кубинский сахар и давали кредиты, только при этом торгуясь и никоим образом не соглашаясь со всеми кубинскими условиями. Фактически, по всей видимости, Хрущев вынудил Кастро быть менее агрессивным. Когда Че Гевара вернулся после его визита в Москву в начале 1961 г., кубинское правительство заговорило о желании «новых начинаний» в кубино-американских связях и выступило с рядом «мирных» предложений, которые все были отвергнуты США.

Основная цель Хрущева заключалась в том, чтобы закончить «холодную войну» с США, и он считал, что это было бы невозможно, если бы он построил политическую, уж не говоря о военной, базу против США. Существовали обоснованные соображения, что Куба присоединится к нейтральному лагерю, если США не будут настаивать, чтобы она оставалась в сфере наших интересов, и упражняться в сильном экономическом давлении на нее.

Главный вопрос в том, каковы реальные мотивации политики США по отношению к Кастро. Существует несколько возможностей:

- 1) что мы не допустим социалистической революции (что не афишируется) где-либо в Латинской Америке, так как такая революция угрожает американским финансовым интересам не только в странах, с которыми мы имеем дело, но и во всей Латинской Америке; 2) что мы не допустим существования режима, который не основывается на свободных выборах и ограничивает свободу прессы и слова; 3) что мы не будем терпимы к стране в Латинской Америке, которая последует в своей внешней политике – и в какой-либо степени идеологически – просоветской линии; 4) что мы не будем терпимы к существованию такого режима, который стал результатом русских военных завоеваний (как в Польше или Венгрии).

Особо необходимо сказать, что в нашей политике мы не преследуем цель предпринимать попытки свержения антидемократических режимов в Западном полушарии. Очевидно также, что в Европе мы действительно поддерживаем социалистические режимы, такие как в Польше и Югославии, обеспечивая им нейтральную позицию (как в Югославии) или даже в чем-то независимое положение (как в Польше). Отличается ли это от политики в Латинской Америке, в которую вовлечены важные финансовые интересы США? Хотя революция

Ф. Кастро не была результатом организованного русскими удачного хода, и Куба ни в коей мере не русский сателлит, очевидно, что кубинское правительство до сих пор находится в политическом союзе с русским блоком и что кубинские коммунисты, по-видимому, имеют сильное влияние в кубинском правительстве. Поскольку такой президент имеет место, я, так же как и те, кто не желает распространения русского и китайского коммунизма, сожалею об этом. Но я верю, что только то, что трансформирует коммунистическое влияние на Кубе в непосредственную угрозу США и Западному полушарию, и есть объект политики США. Если бы мы приняли Кубу как нейтральное государство, которым она, вероятно, предпочтет быть, или даже как русского международного партнера, и если бы несмотря на это, мы помогли Кубе экономически, а не попытались бы задушить ее, Куба не стала бы угрозой кому-либо. даже если бы революция кастрровского типа случилась где-либо в латиноамериканской стране, она не стала бы угрозой существованию США. Но если мы настаиваем на том, что кто не с нами, тот против нас, и если мы будем оказывать помощь тем, кто желает вернуть потерянную собственность, мы на долгое время заработаем себе ненависть всех латиноамериканцев и особенно вновь нарождающегося поколения политических лидеров.

Предположение, что Россия нуждается в военной базе против США, которое было бы совершенно уместно даже еще 10 лет назад, но которое совершенно не реально сегодня, во время, когда советские ракеты могут достигнуть нас меньше чем за 30 минут, а с подводных лодок практически мгновенно.

Я полагаю, что мы должны посмотреть фактам в лицо. Даже в наиболее развитых странах Латинской Америки жизненные стандарты на душу населения меньше, чем / доля от таковых в Америке. Соответствующие темпы роста в этих странах сильно отстают от таковых в США, и разрыв между этими двумя мирами расширяется, а не сужается.

Существенные меры в планировании, государственном регулировании и т. п. необходимы во всей Латинской Америке. Если правительство США поддерживает эгоистичные интересы американских корпораций своей политикой в Латинской Америке, это может сохранить существующие системы в силе. Но мы будем убеждать широкие массы, особенно политически эффективное молодое поколение интеллектуалов среднего класса в том, что коммунисты правы в их обвинениях, что фундаментальные экономические изменения, которые ущемляют американский капитал, будут предупреждаться США. И тогда они осознают, что только антиамериканская коммунистическая революция может гарантировать необходимые экономические реформы.

В Латинской Америке мы проводим краткосрочную политику, которая в будущем приведет к катастрофе. Политика же, которая поставит долгосрочные интересы США над корпоративными интересами, позволит произвести мирную социально-экономическую эволюцию Латинской Америки с нашей помощью. Это означает отказ в политической поддержке больших корпораций, которые обладают властью во многих странах Латинской Америки, что запрещено законом внутри самих США.

IV. ЗАКЛЮЧЕНИЕ:

Ситуация, в которой находится человечество, чрезвычайно серьезная, Политика сдерживания не гарантирует мир, она, вероятно, разрушит его и определенно разрушит демократию, даже если обеспечит мир. Первый шаг в попытке избежать ядерную катастрофу и послужить демократии заключается в соглашении о всеобщем разоружении и одновременно в достижении временного соглашения (*modus vivendi*) с Советским Союзом, основанного на принятии существующих владений двух блоков.

Эти шаги, однако, только начало в борьбе с непосредственной угрозой ядерной войны. Они не решат мировых проблем на длительную перспективу. Центральный вопрос сегодня – это будущий выбор развивающихся государств, которые составляют большую часть человеческой расы. Они настаивают не только на получении политической независимости, но также и на быстром экономическом развитии. Они не хотят ждать две сотни лет, чтобы достигнуть экономического уровня Европы и Америки. Коммунисты показали, что с помощью силы и фанатизма возможно достигнуть успехов; их метод станет чрезвычайно привлекательным, если не будет продемонстрировано, что тех же результатов можно достичь без террора и без разрушения индивидуальности, через

Фрому Эрих Может ли человек преобладать filosoff.org
централизованное планирование и при экономической помощи индустриальных
держав. Такая политика требует принятие нейтралитета и Востоком, и Западом
и усиления роли ООН как наднациональной организации с возложением на нее
ответственности за разоружение и экономическую помощь.

Следование политике, предложенной здесь, требует таких кардинальных
изменений в американской позиции, что никто не сможет избежать серьезных
сомнений в том, что такая политика возможна. На деле такое предположение,
по-видимому, показалось бы невозможным, если бы не растущая уверенность в
том, что только это может быть альтернативой войне.

Во-первых, такая политика требовала бы, чтобы президент и конгресс
подчинили особые интересы армии и больших корпораций (особенно таких, у
которых серьезные инвестиции за границей) главной цели политики США – миру
и выживанию как демократической нации.

Более того, эта политика требует материальной и духовной переориентации на
Западе, влекущей за собой замещение проективно-параноидальной позиции в
отношении коммунизма на объективную и реалистическую оценку этого факта.
Такой реализм является единственно возможным, если мы бросим критический
взгляд на самих себя и поймем различие, которое существует между нашими
декларируемыми идеалами и нашими действиями. Мы претендуем на то, чтобы
наша сегодняшняя система характеризовалась высокой степенью индивидуализма,
религиозного и светского гуманизма. В действительности же мы являемся
управляемым, индустриальным обществом с минимальной долей индивидуализма.
Нам нравится производить больше и потреблять больше, но мы не имеем цели –
ни как индивиды, ни как нация. Мы развиваемся в безликих людей организаций,
отчужденных от самих себя и теряющих подлинные чувства и убеждения. Этот
вопиющий факт заставляет особенно подчеркивать отсутствие свободы и
индивидуализма в России для того, чтобы мы могли тогда протестовать против
особенностей советского общества, которых в действительности мы достигаем в
нашем собственном.

Русские сегодня находятся в некоторых отношениях там, где американцы были
сто лет назад, они строят общество, полное надежд и энтузиазма идти вперед
и выполнить то, что они решили сделать. В то время как в США, хотя и нет
неизбежных нищеты и страданий, мы только начинаем осознавать этот пробел в
нашей системе, большую часть которого мы только начали заполнять. У нас все
еще нет видения чего-то нового, нет целей которые вдохновляли бы нас. Если
это будет продолжаться, мы и Запад не выживем. Мы потеряем энергию и
жизнеспособность, которые необходимы любой нации или группе наций для того,
чтобы жить и выживать в мире, свидетельствующем о пробуждении наций,
которые находились в бездействии сотни лет. Наше оружие не сохранит нас – в
лучшем случае оно уничтожит наших врагов в течении 30 минут после того, как
мы погибнем.

То, что может сохранить нас, и то, что может помочь человечеству, – это
ренессанс духа гуманизма, индивидуализма и антиколониальные традиции
Америки. Нашей нерешительной и часто двусмысленной политикой в отношении
развивающихся народов мы помогли коммунистам достичь одного из их наиболее
значительных успехов: стать лидерами в историческом движении «новый мир» и
поставить на нас штамп, как на силах «реакции», пытающихся остановить
исторический прогресс. Мы должны если не превосходить, то по крайней мере,
сравняться с коммунистами, находясь полностью и безоговорочно на волне
истории, а не быть равнодушными и нерешительными. Как уже говорилось,
сегодняшняя борьба есть борьба за умы людей. Эту борьбу не выиграть на
пустых лозунгах и уловках, в которые не верит никто, кроме их сочинителей.
Выиграть можно, только если иметь идеи, которые предлагают что-то, что
основывается на реалиях жизни нации.

Запад уже стар, но ни в коем случае не истощен. Он показал свою
жизнеспособность достижениями в научной мысли, которые не имеют аналогов в
истории. Мы страдаем не столько от истощения, сколько от отсутствия целей и
от «двоемыслия», которое парализует нас. Если мы ответим сами себе, где мы
находимся и куда мы идем, мы будем иметь шанс сформулировать новые цели –
социальные, экономические, политические и духовные.

Советская система требует от нас развивать систему, которая удовлетворяла
бы нужды человека лучше, чем это делает коммунизм. Но в то время как мы
очень много говорим о свободе и превосходстве нашей системы, мы избегаем
советского вызова и предпочитаем описывать коммунизм как международный

Фрому Эрих Может ли человек преобладать filosoff.org заговор извне в целях завоевания мира силой и разрушением. Русские надеются увидеть победу коммунизма как результат их превосходства. Испуганы ли мы тем, что мы не можем выдержать в этом соревновании, и является ли это оправданием того, почему мы предпочитаем определять эту борьбу как военную, а не как социально-экономическую? Готовы ли мы сделать необходимые изменения внутри нашего собственного общества, и сможем ли мы сделать по тем же самым соображениям заявление, что не нужны никакие особые изменения? Боимся ли мы обуздать политическое влияние наших корпоративных инвесторов в Латинской Америке? Концентрируясь на военной угрозе против нас и, как следствие, на военном соревновании, мы пропустим единственный шанс для победы: продемонстрировать, что возможно иметь в своем доме – и в Азии, и в Африке, и в Латинской Америке – экономический прогресс и – одновременно – индивидуальность, экономическое и социальное планирование и – одновременно – демократию. Только это является ответом на коммунистический вызов, а не ядерное сдерживание.

Наши сегодняшние суждения – это симптомы глубоко укоренившегося, хотя и подсознательного пораженчества, недостатка веры в те большие ценности, которые мы провозглашаем. Мы только прикрываем это пораженчество концентрацией на зле коммунизма и нагнетанием ненависти. Если мы будем продолжать нашу политику сдерживания и наш нечестивый альянс с диктаторскими государствами во имя свободы, мы потеряем те ценности, которые пытаемся защитить. Мы потеряем нашу свободу и, вероятно, также наши жизни.

Главная сегодняшняя проблема – это сохранение мира. Но для того, чтобы сохранить его, необходимо сделать определенные изменения, а для того чтобы сделать необходимые изменения, исторические тенденции должны быть поняты и предвидены.

Все люди доброй воли или, более, все люди, любящие жизнь, должны создать единый фронт для выживания, для продолжения жизни и цивилизации. При всем научном и техническом прогрессом, достигнутом человеком к настоящему времени, он ограничен в решении этой проблемы голодом и бедностью, но он может найти решение разными способами. Существует только одна вещь, которую он не может себе позволить: это подготовка к войне, которая на этот раз приведет к катастрофе. Все еще существует время для предвидения будущего исторического развития и изменения нашего курса. Но если мы вскоре не начнем действовать, мы потеряем инициативу. Условия жизни, институты и оружие, которые мы создали, решат тогда нашу судьбу за нас.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://filosoff.org/> Приятного чтения!
<http://buckshee.petimer.ru/> форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.
<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин
<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.
<http://dostoevskiyfyodor.ru/> Приятного чтения!